

**ХАМИД
АЛИМДЖАН**

•

ИЗБРАННОЕ

Перевод с узбекского

Москва
«Художественная литература»
1979

С(Узб)2
А50

Вступительная статья
Н. ТИХОНОВА

Художник
Ю. КОСМЫНИН

А $\frac{70403-212}{028(01)-79}$ 103-79

© Состав, иллюстрации, переводы,
обозначенные в содержании *. Изда-
тельство «Художественная литера-
тура», 1979 г.

СЛОВО О ХАМИДЕ АЛИМДЖАНЕ

Когда мы обращаемся к первым годам Октябрьской революции, мы вступаем в особый мир, где могучие силы творческого вдохновения, возникшие из глубины народной, потрясают жизнь планеты и способствуют рождению нового, небывалого, героического.

Свет Октября проникает всюду, победоносно вторгаясь в самые темные углы жизни. Этот свет разбудил и вывел из тьмы бесправия и невежества и узбекский народ, и он вместе со всеми народами нашей страны смело вступил на путь социализма.

Годы социалистического строительства ознаменованы небывалым расцветом литературы и искусства, чудесным ростом новых мастеров поэтического слова, к которым мы можем причислить и выдающегося поэта, публициста и критика — Хамида Алимджана.

Вслед за вдохновенным знаменосцем Октября — Хамзой Хаким-заде Ниязи появились имена Айбека и Гафура Гуляма, Уйгуна и Абдуллы Каххара, Ш. Рашидова и К. Яшена.

Хамида Алимджана можно назвать сыном Октября, ведь в год крушения старого мира ему было только восемь лет. Жизнь встретила его в полном цветении всех красок, открыла перед ним дорогу к знаниям,

развернула свободное будущее, наделила его поэтическим талантом и острым умом.

Весна его юности совпала с весной революции. Его родной Джизак уже жил по законам новой жизни, а в древнем Самарканде юноша, полный творческих сил, жажды преобразования мира и человека, окидывал пытливым взглядом окружающее, наблюдал жизнь и углублялся в книги, которые должны были многое рассказать ему о прошлом и будущем.

Если произведения титанов прошлого — Низами, Джами, Навои погружали его воображение в далекие времена, ошеломляли богатством сказочных образов, трагедиями, отделенными от него веками, то вокруг себя он видел реальную жизнь, где котел страстей кипел, не остывая, и рушился старый мир.

На помощь его познанию приходили и другие книги. Он внимательно вчитывался в богатейшее наследство русских классиков, которые были испытанными борцами против векового гнета, против царизма и реакции. Хамид Алимджан всем сердцем чувствовал беспощадную правдивость, которой насыщены были книги Максима Горького, окрыляли его стихи Владимира Маяковского — трибуна революции, певца свободы.

Образцом поэтического и гражданского подвига он считал жизнь и деяния Хамзы, горячего проповедника свободы и неутомимого, бесстрашного разоблачителя врагов революции. Хамид Алимджан хотел подражать ему в главном — в служении народу, в борьбе за его счастье. Позже он скажет:

Славным племенем большевиков
Завоевана наша свобода,
Не о скорби минувших веков
Я пою, но о счастье народа.

Дух времени — это дух революции, и желания поэта изменить все вокруг не терпят промедления, его

борьба за народное счастье активна, тем более что и в жизни происходят события, которые сами по себе грандиозны и впечатляющи.

Изменяется быт города, лик кишлака становится новым. Поэт ищет новые оттенки чувств и новые ритмы для того, чтобы поведать обо всем, что он чувствует. Он называет свои книги стихов необычно, как, скажем, «Огненные волосы».

Поэт считает, что труд и поэзия должны слиться воедино. Искусство должно создаваться для народа, потому что красота и природа неразделимы.

Каким праздником было открытие Большого Ферганского канала! Воду встречали плясками — танцовщицы, песнями — певцы.

Ферганская долина поэту представляется бескрайним зеленым морем.

Мы, победившие в долгом споре,
Видим лицо судьбы просветленное.
А кругом долина, как море —
Зеленое, зеленое!

Поэт понимает, что мирный труд родины завоеван упорной, долгой борьбой. Эта тема живет у него в стихах:

В жестоких схватках мы преобразились,
Мы возбуждаем гордость, а не жалость!
Нас не смогли сломить враги страны,
Нас ненавидели, но мы сражались,
Пылающему времени верны.

В поэзии Хамида Алимджана — радостные краски: много света, образ весны, молодость вольная и трудолюбивая, любовь, которой не угрожают дикие обычаи прошлого и темное суеверие; «в солнечном золоте вся земля», поезда — «вестники счастливые», «светлый Кремль» и «древний Самарканд» в сознании почти слились.

К свободе и счастью пробудились не только народы Средней Азии:

Гнева огненным мечом
Труд рассек оковы плена,
Октября весенний гром
Прогредел по всей вселенной.

Этот день уже встает,
День всемирный, всемогущий,
И планету обоймет
Коммунизма сад цветущий.

Это писалось в 1928 году, и мысли о дружбе народов и братстве труда поэт развивал на протяжении всего своего поэтического пути. Через десять лет он напишет стихи о Казахстане:

Это — грамотный, вольный народ,
Это — смелых наук торжество,
Это — к знаниям высоким восход,
Это — песни и игр волшебство.

Стихи Хамида Алимджана со временем становятся более сосредоточенными, образы из символических и условных становятся реалистически ясными.

Поэт работает напряженно, ответственно, неутомимо, отдавая много времени изучению литературного процесса. Сам пишет критические и литературные статьи, очерки, переводит Пушкина, Лермонтова, роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь».

Многогранен талант Хамида Алимджана. Он создает и стихотворения, и баллады, и поэмы.

Хамид Алимджан преклоняется перед именем того, кому обязан народ своей свободой, возможностью строить новую жизнь. О любви узбекского народа к В. И. Ленину, о его скорби в траурные дни рассказано в балладе «Самарканд 21 января 1924 года», наполненной высокой символической образностью и размышлениями о жизни великого вождя.

Благодарной памятью овеяно в республике имя основоположника узбекской советской литературы Хамзы Хаким-заде Ниязи. Его именем названы школы, улицы и кишлак, где так рано оборвалась жизнь замечательного сына узбекского народа. Колхоз «Хаким-заде» и сегодня растет и славится в новом Хамзабаде.

В балладе «Шахимардан», описывая трагическую гибель Хамзы, поэт говорит о народном счастье, которое принесла революция. Он писал ясно, гневно, торжественно-просто:

И этим счастьем враг хотел владеть навечно,
Но с кровью у врага мы вырвали его,
И в этом наша мощь, и наша человечность,
И наша истина, и наше торжество.

С особым вниманием Хамид Алимджан изучал фольклор — его истоки, особенности, стиховые законы. Композиция, сюжет, звучание строф произведений устного народного творчества интересовали его не просто теоретически. Работая над сказками «Ойгуль и Бахтиёр» и «Семург», он следовал многим правилам народного творчества при выборе сюжета и изобразительных средств. Влияние фольклора мы найдем и в других стихотворениях, таких, например, как «На берегу Чирчика», которые напоминают народные песни.

Рост поэтического мастерства Хаида Алимджана можно проследить по его поэтическим сборникам. Особенно это заметно в его поэмах «Зайнаб и Аман» (1938) и «Ойгуль и Бахтиёр» (1939).

Приключения Ойгуль и бедняка-рыбака Бахтиёра кончаются победоносным походом на Джамбиль, где царствует тиран-шах, палач и мучитель. Герои поэмы освобождают народ Джамбиля и строят сказочный Сусамбиль — город благоденствия и счастья.

В поэме «Семург» Хамид Алимджан использует типичный восточный сюжет, но вносит социальный элемент — страшного дракона побеждает простой пастух Буньяд.

Эти поэмы-сказки стали очень популярны среди молодежи, ибо они раскрывали силу правды и мужества народного.

Как истинного певца народного счастья, поэта волновала и женская доля. Мы знаем, что в первые годы Советской власти в Узбекистане фанатики убивали женщин, скинувших паранджу, что долго еще держался печальный обычай, когда женщина была заперта в четырех стенах, а девушку выдавали замуж за того, кто даст большой калым.

Хамид Алимджан в поэме «Ойгуль и Бахтиёр» перевел в сказку условный сюжет. А в поэме «Зайнаб и Аман» он смело изобразил реальный конфликт, возникший в быту, конфликт, характерный для того времени.

Зайнаб любит Амана, но приемная мать девушки стоит на страже старого закона, по которому Зайнаб должна выйти замуж за Сабира, так как сговор состоялся еще при их рождении.

Но Зайнаб — дитя нового времени, нового революционного отношения к действительности. Она не хочет идти наперекор своему сердцу, смело борется за свое счастье.

Алимджану удалось с удивительной тонкостью разрешить запутанный узел отношений, который казался неразрешимым.

Зайнаб идет к Сабиру, которому ее нарекли. Сабир полностью встает на сторону девушки, он не намерен потакать устаревшим правилам.

Поэма очень реалистична, а характеры действующих лиц — Зайнаб, ее подруги Хури, Сабира и Ама-

на — обобщены и представляют портреты молодых людей, уже понявших силу нового и вступивших в спор с отсталыми, отжившими традициями прошлого.

Двадцать второе июня 1941 года застаёт Хамида Алимджана в Москве. Охваченный гневом и волнением, поэт откликается на предательское вторжение фашистов в Советский Союз стихотворением, озаглавив его пророчески: «Песня Победы», которое оканчивается такой строкой:

Мы не дадим, чтоб эти псы владели всей вселенной!

Годы войны не могли не отразиться на деятельности и творчестве Хамида Алимджана. Поэт восклицал:

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров,
Я твой сын, плоть от плоти твоей, кость от кости,—
И пролить свою кровь за тебя я готов!

Его стихи звучали как боевые призывы:

Если хочешь человеком быть,
Если хочешь на свободе жить,
Если ты не хочешь цепь влачить,
Словно раб, покорный и немой,—
Меч заветный свой
Точи на бой!

Поэт написал много стихов о героях войны, стихов простых, лирических, волнующих искренностью и горячей сердечностью, таких, как «Россия», как баллады «Боец Турсун», «Слезы Роксаны».

Эти баллады — пример верности долгу и патриотической взволнованности советских людей.

Надо отметить, что сам поэт, в то время возглавлявший писательскую организацию Узбекистана, пода-

вал пример гостеприимства и дружбы, оказывал помощь писателям, эвакуированным в Ташкент, принимал их и устраивал их быт, помогал во всех случаях и от всего сердца.

На антифашистском митинге представителей народов Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Казахстана и Киргизии Хамид Алимджан говорил о том, как близки друг другу эти народы. «Мой народ связал свою судьбу с судьбами братских народов Советского Востока, с исторической судьбой всех народов великого Советского Союза... Нельзя разорвать этот союз, как нельзя разорвать солнце».

Вершиной творчества Хамида Алимджана в годы войны является драматическая поэма «Муканна», в основу которой легли события VIII века, борьба узбекского народа против арабских завоевателей.

Образ Муканны не во всем исторически достоверен. И окружение, и развитие действия совершается по плану, который условно начертан поэтом. Но дело не в исторической точности. Это поэма о вожде народа, благородном, гордом человеке. Муканна — философ и проповедник народной правды. Прекрасная и воинственная Гульайин, жена Муканны, является народной героиней, беспощадной к врагам.

Написанная в годы Великой Отечественной войны, эта поэма имела подтекст, который звучал с большой силой.

Слова Муканны обращены к современникам, но их патриотический смысл остается вечно живым.

Разве наш народ,
Как раб, перед насильником падет?
Нет, я не знаю никого из вас,
Кто согласился бы хотя на час
Жизнь для себя купить такой ценой,
Ценой цепей страны своей родной!

Александр Фадеев, говоря о произведениях военного времени, выделял поэму Хамида Алимджана и ее героев. Он отмечал: «Наиболее сильным произведением за время войны является патриотическая драма «Муканна» — из эпохи завоевания Узбекистана арабскими завоевателями в VIII веке. Образы народного вождя Муканны и героини Гульайин, своеобразной Жанны д'Арк, — это большое художественное достижение Алимджана».

Обозревая творческий путь Хамида Алимджана, мы видим, как развивался и мужал его талант в борьбе за высокое искусство поэзии, за высокие идеалы нашего времени, за настоящее понимание пути художника, связанного с судьбой родного народа.

За большую плодотворную работу Хамид Алимджан в 1937 году награждается орденом «Знак Почета».

В 1939 году Хамид Алимджан избирается секретарем ССП Узбекистана и бессменно занимает этот пост до конца своей жизни.

Недолгую жизнь прожил этот прекрасный лирик и романтик — всего 35 лет (1909—1944). Но он оставил богатое литературное наследство. Его произведения вошли в золотой фонд советской и мировой классики. Его поэтические идеалы, высокий нравственный облик служат примером для современных узбекских поэтов, продолжателей его традиций: Зульфийи, Миртемира и Рамза Бабаджана, Эркина Вахидова и Абдуллы Арипова.

Произведения Хамида Алимджана продолжают жить повсюду, где есть люди, любящие поэзию. Настоящая поэзия не знает конца, пока жив народ, на языке которого она продолжает звучать для новых поколений. Она жива в переводах для тех, кто хочет знать произведения Хамида Алимджана. Как сказал

его герой Муканна (мы словно слышим слова самого поэта):

Скажите всем: я буду жить всегда!
Я не умру, о други, никогда!
В живой душе народа буду жить!

И мы свидетели этого: стихи Хаида Алимджана живут.

Николай Тихонов

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЛЕНТЫ ДОРОГ

МУЗА

Как нуждаюсь я в горной газели!
То мелькнет предо мною порой
И надолго отнимет покой,
То в огонь меня бросит живой...
Как нуждаюсь я в горной газели!

То взметнется в скалистом пределе,
Чтобы птицы, дивясь, онемели,
То возникнет в речной глубине
Чудо-пери, подобно волне.
Как нуждаюсь я в горной газели!

Где волшебницы ступит нога,
Одеваются в бархат луга,
Появляется жизни дыханье,
Расцветают озер берега.
Как нуждаюсь я в горной газели!

Недотрогу, чья поступь легка,
Ждал всю ночь я под звон родника,
А она лишь крылом прошуршала,
Надо мной разорвав облака.
Как нуждаюсь я в горной газели!

Чтоб у женщин глаза заблестели,
Опьяняет их пери вином,
В кубке жизни вскипает веселье,
Вдохновенье мы черпаем в нем.
Как нуждаюсь я в горной газели!

Песням пери внимают растенья
Многокрасочных горных долин,
Под ее колыбельное пенье
Спят снега приумолкших вершин.
Как нуждаюсь я в горной газели!

Не дождусь я ее появления,—
Сам за нею пушусь далеко,
Про тревоги свои и сомненья
Ей одной прошепчу на ушко.
Как нуждаюсь я в горной газели!

Без нее мне и жизнь не мила,
Все свои позаброшу дела,
Будет сердце без музыки биться,
И сгорит мое сердце дотла.
Как нуждаюсь я в горной газели!

1936

МИЗИМТА

Путь мой далек. И река Мизимта
Спутницей стала моею,
Песни свои мне вложила в уста,
С ними я путь одолею.

То, словно жемчуг, мерцает она,
Эта подруга долины,
То по ущелью течет, как луна,
Путь освещая мне длинный.

То встрепенется река, словно ртуть,
То бирюзой улыбнется,
Все отражая — и праздничный путь,
И повседневное солнце.

Путь мой далек. Голуба Мизимта,
Ласкова и полноводна,
И быстротечна она и чиста,
И беспокойно свободна.

Взяли свой цвет у вершин облака...
Жизни мне видится прочность
В том, что всегда сохраняет река
Трепетность и непорочность.

1936

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

В такую ночь душа надежд полна.
Давайте встретим Новый год с весельем,
Мы вместе с ним наш добрый хлеб разделим,
Осушим чаши, полные вина.

Пусть нашим лицам не грозят морщины,
А волосам — седин жестокий снег,
Пусть каждый проживет свой полный век
От корня жизни до ее вершины.

Пусть розами красавиц назовут
И пусть любовь не знает увяданья,
Пусть наши жены милые живут,
Не ведая ни горя, ни страданья.

Пусть время остается молодым,—
Эпохе нашей нет и полстолетья!
Пусть будет возраст наш непобедим,
Пусть нашу юность продлевают дети.

В особенности дорог Новый год
Мне потому, что есть закон природы:
Коль Новый год приумножает годы,
Всегда приумножается народ.

—
Поднимем чаши с молодым вином!
Еще один закон душой усвоен:
Лишь тот в народе будет жить своим,
Кто времени высокого достоин.

Добро пожаловать к нам, Новый год,
Будь радостным, здоровым, работающим
И помоги нам заглянуть вперед,
Связуя будущее с настоящим.

1940

СМЕРТЬ ОФЕЛИИ

1

Запела бы, но петь не можешь ты,
Нет голоса в душе твоей печальной.
Прижала к сердцу белые цветы,
Но в сердце мрак молитвы поминальной.

2

Как ни рыдай, как ни зывай к судьбе,
Как ни кори ес,— не жди участия:
Не внемлет ни упрекам, ни мольбе
И бескорыстным не приносит счастья.

Пусть ты бела, как снег, чиста, как лед,
Пусть не виповна никакой виною,—
К твоей любви судьба не снизойдет,
И отпоют любовь твою весною.

Кто и зачем сиянье двух светил
Вселил в глаза и в два рубина нежных,
Твои уста волшебю превратил,
Кто сотворил две груди белоснежных?

Кто красотою покарал тебя?
И без того тяжка девичья доля,—
Ждут девушек, их молодость губя,
Обман и торг, страданье и неволя.

И без того бы мучилась душа,—
О нет, не только с девушкой красивой
И с тою, что собой нехороша,
Обходится судьба несправедливо.

Запела бы, но петь не можешь ты,
Нет голоса в душе твоей печальной.
Прижала к сердцу белые цветы,
Но в сердце мрак молитвы поминальной.

О, для того ль тебя растила мать,
Чтоб облегалo траурное платье
То тело, что, как снег, должно блистать?
Неужто в этом красоты заклетье?

Подумай-ка, природа, и ответь:
Неужто красоту ты сотворила
Затем, чтоб ей до времени сгореть,
Чтоб ранняя ждала ее могила?

Природа, как дурны дела твои!
Ужель краса достойна наказанья?
Ужель должны сопутствовать любви
Всегда и всюду слезы и терзанья?

Любила ты, и он тебя любил,
 Шел с трепетом к заветному порогу,
 Его твой взор небесный опалил,
 Но рад был Гамлет этому ожогу.

Рубиновые теплые уста
 Дарили сердцу Гамлета отраду,
 Парила высоко его мечта,
 Когда ты по его гуляла саду.

Как быть? Что делать? Как теперь спасти
 Возлюбленное сердце от напасти?
 Все стало мраком на его пути,
 Обрушилось на Гамлета несчастье.

Мысль подозреньями обожжена,
 Весь мир — страданье, Дания — темница,
 Нигде нет света, жизнь обречена:
 Любовь — в цепях, а сердцу — в клетке биться.

Хоть сердце полюбило навсегда,
 Едва слышны слова любви глухие.
 Безумным принца сделала беда,
 Которую превозмогли б другие.

Как ни молись, ни бейся, ни кричи —
 Не успокоится смятенный разум.
 Внимает Гамлет призраку в ночи
 И покоряется его рассказам.

Ни ангелы не стоят ни гроша,
 Ни чистый поцелуй, ни кущи рая.
 В аду пылает Гамлета душа,
 Весь мир за сновиденье принимая.

Сгорели твои белые цветы,
Любовь твоя бесценная сгорела,
И счастья жизни не изведав, ты,
Невинная, блаженная, сгорела.

Небесная любовь лишилась крыл,
И небо оказалось пепелищем,—
Так старый мир любовь испепелил
И без нее стал погорельцем нищим.

1936

РЕКА ПРОЗРАЧНА, ДАЛЬ ЯСНА

Я счастлив, а когда ликую —
Все по душе мне. Солнце льет
На доли краску золотую —
Она в словах моих поет.

От памяти я отсекаю
Влачащих мрачно жребий свой.
Здесь радости я присягаю,
Любуясь неба синевой.

Белейший снег венчает скалы,
Река прозрачна, даль ясна.
Здесь мой исток, мое начало,
Мое жилье, моя страна.

Здесь каждый, кто добру причастен,
С друзьями делит дни свои;
Здесь человеческое счастье
Поют цветы и соловьи.

1937

ЮЖНОЙ НОЧЬЮ

Когда б не ты, я б этих волн свеченье
Не замечал, рассудка не терял.
Когда б не ты, я б этих слов значенье
С биеньем сердца не соразмерял.

И месяцем, плывущим величаво,
Не любовался бы, когда б не ты;
И луч звезды, мигающей лукаво,
Мне в душу не проник бы с высоты.

Нам стоило лишь встретиться глазами —
И словно в бурю — мне стеснило грудь,
И я тогда узнал, какое пламя
Внезапно может в сердце полыхнуть.

Скажи, кто из людей, любивших прежде,
Как я, хмелел от счастья вновь и вновь?
Могла ли раньше девичья любовь
Так безоглядно ввериться надежде?

1936

ВОСПОМИНАНИЕ О ЧИМГАНЕ

Длинноглазые лани в горах,
По-девичьи прелестна их стать,
И до неба, где ветер шумит в облаках,
Мне сегодня рукою подать.

На горе, что с отметиной белой на лбу,
Сам себе я кажусь муравьем,
И меня посвящают в ее ворожбу
Каждый камень и каждый подъем.

Соткала из цветов здесь природа ковры,
Все волнует и радует глаз:
Предо мною весь год — все четыре поры
Собрались воедино сейчас!

Скалы — словно сказанья седой старины,
Вечный снег на вершинах блестит,
На отрогах — фиалки, как дети весны,
В долах — жаркое лето гостит.

В роднике — красоты изначальная суть,
Всюду речь водопада слышна,
И с тюльпаном в руке совершает свой путь,
Словно с кубком багряным, весна.

На пути моем синих озер зеркала —
Неподвижно-прозрачная гладь,
И цветам, мне неведомым, нету числа,
Как цветам имена подобрать?

Непостижна природа — дика и робка,
В ней — дремучая темень и свет.
Внемля гулу воды или дрожи цветка,
Разве не онемееет поэт?

И забыв о приличьях, на землю я лег,
Как в былые мальчишьи года,
И хотя за глотком жадно делал глоток,
Роднику не принес я вреда.

1936

ЛЕНТЫ ДОРОГ

(Из путевой тетради)

1

Наш поезд летит, как стрела с тетивы,
Летит — и пространство приводит в движенье.
Под ветром меняется облик травы,
Как облик меняется наш от волнения.

Песчаные волны и волны озер,
Холмы и овраги проносятся мимо,
И голосом зычным, охрипшим от дыма,
С природою поезд ведет разговор.

2

По небу летит легкокрылая птица,
Но даже она устает иногда
И, голову в перышки спрятав, садится
Для краткого отдыха на провода.

И нас на пути ожидают стоянки,
Где воздух клубящимся паром согрет.
Нам доброй дороги желают крестьянки,
И машут цветами, и смотрят вослед.

3

Нам солнце кивает из-за полустапка,
Заката лучи, словно спицы колес,
И близится почь — музыкантша-смуглянка,
Увенчана шелковой смолью волос.

4

Свет падает наземь из окон вагона,
Лучатся и движутся пятна кустов,
И поезд бежит, и с рекою зеленой
Степную равнину сравнить я готов.

Призывно поет соловей-невидимка,
Как будто в лесную зовет глубину:
«Давай на деревья с тобой поглядим-ка,
Останься хотя бы на ночку одну!»

Мы реки великие пересекаем,
Гребцы молодые плывут вдалеке,
И звон колокольчиков неиссякаем
В кипучем арыке, в ключе и реке...

1929

ПРОЕЗЖАЯ ВОЛГУ

Налетел на берег ветер,
Первой зеленью дыша,
Грусть развеяла душа,—
Как хорош над Волгой вечер
И как Волга хороша!

Мчится поезд, извиваясь,
Виден мост, река видна
Из вагонного окна...
Мчится Волга, изгибаясь,
И вольна ее волна.

Жизни радуются дружно
Вечер, поезд и река.
Волга движется жемчужно,
Как жемчужная строка.

1928

У ЧЕРНОГО МОРЯ

Чудесный будет день: деревья на горе
Зарделись, засветились,
И, говорят, звезда видала на заре,
Как солнце к нам катилось.

Чудесный будет день: едва дрожит самшит
Под ветерком с побережья.
Чудесный будет день: ночным дождем промьт,
Прозрачен воздух свежий.

Чудесный будет день: где за волной волна
Бессонная несется,
Гляжу я вдаль — она, как я, напряжена:
Мы ждем явления солнца.

Люблю его сильней, чем любит пламень свой
Огнепоклонник истый!
День беломраморный, оправлен синевою,
Пришел тропой лучистой.

1936

В ХОЛМИСТОЙ СТЕПИ

Как перламутр, белеют
Реснички у цветов.
Тюльпаны пламенеют
На темени холмов.

Вот звезды надо мною
Затеплились светло.
Родное, озорное
Лицо вдали цвело.

В сиянии вечерней
Зари — душа светлей,
Степной простор безмерней
И сердцу все милей.

Догнал... Уходим парой...
Холмы-подружки спят.
Уснул чабан с отарой,
И дудки не дудят.

Лишь звон ручьев прилежный
И в темноте не стих,
И счастья стебель нежный
Растет в сердцах людских.

1928

* * *

Красавица! За то, что в немоту
Перед тобой владаю — ты прости мне.
Кто дал тебе такую красоту?
Скажи — ему слагать я буду гимны!

1937

ЮНОСТЬ

Юность легкой ласточкой умчалась,
Улетела, словно не была.
И в руках протянутых осталось
Лишь перо из синего крыла.

Я стою над пасмурным простором,
Дует ветер на море с земли.
Море, всюду море... А над морем --
Облаков косматых корабли.

Улетела, прошумев крылами...
Разве я успел сдружиться с ней,
Насладился яркими цветами,
Надышался юностью моей?

Разве я... Но ласточкой умчалась,
Улетела, словно не была,
И в руках протянутых осталось
Лишь перо из синего крыла.

Ну, прощай! Прощай, моя отрада,
Золотая ласточка, прощай!
Между нами — снежных гор преграда
И степной необозримый край.

Окружен я ветром и простором.
Междубурье. Дождевая мгла.
Море, всюду море... А над морем —
Свежий след от синего крыла.

1932

* * *

Любовь — это старая-старая вещь,
Но каждое сердце ее обновляет.

Хади Такташ

У каждого сердца есть вешний расцвет,
Любви молодая отрада,
У каждого сердца есть чувства рассвет —
Дыханье цветущего сада.

Но мы позабыли то горе земли,
То время беды и печали,
Те черные дни, что сгубили Лейли
И счастье Ширин растоптали.

1936

ТОСКУЮ ПО ТЕБЕ

О ребра сердце бьется в муке,
Как в стужу голубь об окно,
Который день с тобой в разлуке,
Смотри, находится оно!

Любимая, мне не до шуток.
Бреду по утренней тропе,
Принес я в жертву столько суток
Бессонным думам о тебе.

Когда тоска меня средь ночи
С особенною силой точит,
Тебя по имени зову,—
Твой образ возникает тотчас
Внутри меня, как наяву.

О, это влажное свеченье,
Мечтательное выраженье
Слегка прищуренных очей,
О, это смутное значенье
Чуть недосказанных речей...

1936

КОГДА НАСТУПАЕТ НОЧЬ...

В полночный час для жизни всей
Обычно наступает роздых
И спит, закутанная в воздух,
Земля, и все, что слито с ней,—

Но вот сейчас без перерыва
Шумит река, шумит овраг,
Шумит весь мир, уйдя во мрак,
Как в пропасть, как на дно обрыва.

Заснуть мешает этот шум,—
И я никак не успокоюсь,—
Толкает он меня на поиск
И новых слов, и новых дум.

Спускаюсь я к реке, и тучи
Расходятся, луну открыв,
И льется свет быстротекучий
На дол, на реку, на обрыв.

Кто говорит со мной — не знаю:
Лебяжья ль облачная сень,
Иль эта длинная, ночная,
Моя же собственная тень,

Или мерцающие камни
В реке, иль быстрая струя...
Обжег небесный свет глаза мне,—
И светится душа моя.

Гляжу на небосвод высокий,
Где облака легки, как пух,
Где самолет парит, как сокол,
Тревожа зрение и слух,—

И вновь зовет меня бумага,
Бежит перо в моей руке,
На стихотворном языке
Все говорит:
Речная влага,

И облако, и лунный свет,
И камни, и обрыв, и воздух,
И время, и земля, и звезды,—
И чудно близится рассвет.

1936

В МОЕМ ВООБРАЖЕНИИ

Ты, как в речном течении,
Волшебница-луна,
В моем воображении
Весь день отражена.

Иду к реке, измученный
Любовью и тоской,
И над речной излучиной
Склоняюсь в час ночной.

И знают ночь прохладная,
Лукавых звезд гурьба:
Ты — боль моя отрадная,
И счастье, и судьба.

Дышу прохладой вольною,
И месяц молодой
Уже луною полною
Сияет над водой.

Все тихо. Только шепчется
Волна, прильнув к волне,
О той, кого волшебница
Напоминает мне.

1936

ДЕТСТВО

Да, жизнь обычно такова:
Впивая жадно солнца свет,
Резвишься в цветниках сперва,
В песках, в лугах свой множишь след...
Поздней, влюбившийся в мечту,
Которой утоленья нет,
Пути к которой не сыскал,
Карабкаешься по хребту,
Штурмуешь перевал...

Детьми мы были... Сил запас
Накапливался, что ни миг;
Был зорким и пытливым глаз,
А сердце чище, чем родник.
Была еще нежна душа
Той первой, раннею порой;
Мы жили, радостью дыша,
Пленяясь каждою игрой.
Кишлачных узких улиц стык,
Домишки по холмам вразброс.
Сады... В садах цветенье роз,
Журчащий день и ночь арык.
Тропинки вьются — далеки,
Горят светилен огоньки,

А мы шумливою гурьбой
Спешим к воде — и ну нырять,
Плещась друг дружке вперебой,
Рыбешкам вспугнутым под стать!..
Пройдут ли девушки,— вдогон
Летел, бывало, яблоч град;
Восход луны на небосклон
Служил сигналом для ребят:
Как воробьи, со всех сторон
Слетались мы, тот час избрав
Для прятки и других забав...
Как нам зато спалось потом
Ягнячьим безмятежным сном!

Давно те промелькнули дни,
И жизнь предстала нам иной:
Вперяя вдаль глаза-огни,
Помчал нас в город конь стальной.
Крутились по бокам сперва
Уступы гор...

Потом, гляди:

Все, все осталось позади.
Конь ржаньем оглашал простор.
Щемило сердце: в нем печаль
Вела с восторгом долгий спор;
Но путь был нов, манила даль,
И в споре победил восторг.

Немало отшумело зим,
Немало весен пронеслось
Полетом радостным своим,
И многое из снов сбылось...
Мужали души и умы,
И с маршем жизни городским
Сроднились мы.

Конечно, не всегда гладка
Дорога жизни... Вперерез
Порою бурная река
Рванется...

    Кажется — исчез
И свет дневной. Но миг, другой —
Вновь блещет солнце над рекой,
Тебе и ей вернув покой.
Придет на память иногда
Минувшей юности пора
Иль детства... Кажется, вчера
Все это было... О, тогда,
Перебирая те года,
Их воскрешая, сам не свой
Я молча никну головой.
Но не властна над сердцем грусть:
Промчались, промелькнули... Пусть!
Как море — жизнь передо мной
Шумит и пенится волной,
Вновь увлекая и маня
Помолодевшего меня
В ее вскипающий прибой...

1928

НА БЕРЕГУ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Морская ширь! О, как прекрасна ты!
Себя с волной в одно соединяя,
Хотел бы плыть я, ветер обгоняя,
С тобой сливая песни и мечты.

Как мать ребенка, ты мой легкий челн
Ласкаешь и укачиваешь нежно.
Поэта вдохновляя дух мятежный
Игрой своих неукротимых волн.

А в бурный час счастливей нет тебя:
Могучий ветер воды вверх взметает,
И вал то опадает, то взлетает,
Как жемчуг, брызги в воздухе дробя!

Объятье моря, как прекрасно ты!
Себя с волной в одно соединяя,
Хотел бы плыть я, ветер обгоняя,
С тобой сливая песни и мечты.

1928

НАСТРОЕНИЕ

Откуда пришло ты и вторглось в сознание,
Смутило мне душу тревогою темной?
Зачем дружелюбья разрушило зданье
И сделало думы толпою бездомной?

Страну мою мысли мои облетали,
В них были горенье, порыв, откровенье,
А в чувствах моих — в их строю, в их накале,—
Чудесно господствовало вдохновенье.

Струна только дрогнет — и звука довольно,
Чтоб душу мелодия заворожила.
Воробушек малый чирикает вольно
О том лишь, чему его мать научила.

Слух сердца я чутко настроил сначала,
Дал разуму волю — все было на страже
И напряжено, и мешала мне даже
Случайная муха, что вдруг прожужжала.

Постой, дай продлиться волшебному свету,
Пускай завершится картина цветная!
Постой, допишу я последнюю эту
Страницу, в кровь сердца перо окуная.

1937

ПОИСКИ НОЧИ

По небу полная луна
Плывет, меж туч яснея,
Ночь ищет на земле она,
И звезды ищут с нею.

А ночь пропала без следа —
Тень над землею тает.
В ложбине мутная вода
И та — в лучах блистает.

И на закат плывет луна
С закрытыми очами,
А вся земля озарена
Рассветными лучами.

1937

ВОПРОС

Если я тебя в весну одену,
Е: снег звезду закутав, с ней приду
И скажу: — Не думай про измену,
Лишь тебя люблю я и звезду;

Если до зари, в душистом мраке,
Сказки все тебе перескажу,
Если для тебя нарву я маки
И к твоим ногам их положу;

Если, восхвалив тебя, начну я
Те бранить, к кому ревнуешь ты,—
Счастье и покой тебе верну я?
Сбудутся ль тогда твои мечты?

19:7

ОТВЕТ

— Почему ты подолгу не скажешь ни слова? —
Ты настойчиво снова спросила меня.

— Знаешь, друг мой, в минуты молчанья такого
Тело полнится предощущеньем огня.
А когда я беру в собеседницы думы,
Я смолкаю, мне тяжки словесные шумы.
Мысли, образы, сернам подобно, летят
По вершинам крутым моего поднебесья,
Облака покидают, спускаясь, и весь я —
Весь в их власти, я их вдохновеньем объят!

А потом, будто мощной рукою подхвачен,
Я в неведомый мир уношусь в забытие.
Я молчу — и тогда становлюсь я незрячим,
Я молчу — только множатся мысли мои.

1937

КОГДА ТОСКУЕШЬ ПО ВЕСНЕ...

Ветер... Зима на дугах играет.
В танце кружится серебряный снег.
Сердце ж дыханье весны ощущает,—
Песней пробился в нем юный побег!

Смейся, весна, молодыми устами
Землю целуй, опьяняющий день,
Рощи, холмы разукрасив цветами,
Щедро природу в шелка разодень!

Ты закипи и прорвись сквозь бураны,
Чтобы прийти к нам неожиданной, желанной!
Радостью каждый росток напои,
Как напоила ты песни мои.

Я по горам, как пастух, как влюбленный,
Буду бродить, обнимая весну,
А ввечеру у ключа, утомленный,
Сном животворным усну...

1928

ВОСПОМИНАНИЕ О НЕВЕ

Ты плавно движешься и, как девичий
Дневник, твои глубины тайн полны.
В твой облик жизнелюбцы влюблены,
Воспевшие в веках твое величье.

Позволь и мне, певцу иного края,
Отдать частицу своего огня
Тебе, прекрасной! Выслушай меня,
О, помолчи, не отвергай, вскипая.

Пусть голосом моей свирели вольной
Душа дарит тебе свой тайный свет,
И, хоть мгновенный, но оставит след,
А там — пускай уносят песню волны!

Да ты сама поэт! Судьба столетий
Воспета звучным ладом вод твоих;
Ты в сердце вобрала огонь былых
Сражений, бушевавших на планете.

Когда-то здесь царили скорбь и тленье
И солнце стыло. Зеленью листвы
Твои покрылись губы, но, увы,
Те листья не давали людям тени.

Повеяли живительные грозы.
Ты поднялась могучею волной,
И на щеках твоих, горя зарей,
Заполыхали огненные розы.

Гремели бури грозно и сурово,
Когда ж «Аврора» яркий луч зажгла,
Ты вновь свои расправила крыла,
В ожившем сердце кровь забилась снова.

Природа — гений. Кисть ее живая
Твой облик украшает каждый миг.
С тобой играет ветер-озорник,
Чадру, что солнце ткало, развевая.

Прощай же, неподвластная покою!
Я расстаюсь с желанием святым
Бродить по славным берегам твоим,
Лобуясь величавой красотой!..

1928

* * *

Попрощалась... Томимая счастьем, пошла,
Села возле моста через светлый ручей,
На сияющий месяц глаза подняла
И себя увидала в объятьях лучей.
И, на воду глаза перекинув с небес,
Захотела, нагнувшись, воде рассказать
Ей одной лишь известную повесть чудес —
И себя не могла в отраженье узнать.
Из прозрачного зеркала струй, где эфир
Опрокинутой выси бездонно синел,
С белой девичьей грудью неведомый мир
Взглядом черным в глаза ей глядел.
Не дыша, замирая, смотрела она
В этот мир, что возник в глубине у моста,
А когда говорить захотела она —
Отраженье в ответ приоткрыло уста.
И, взглядевшись в мерцающих вод глубину,
Вдруг себя в отраженье узнала она,
То она сквозь прозрачную смотрит волну,
То ее одевает в сиянье луна.
Застыдась, поднялась, ничего не сказав,
И пошла молчаливо и тихо домой,
Позабыв меж обрызганных росами трав
Серебристого шелка платок головной.

1937

* * *

Играет молодой травою
Бродяга-ветер. Пахнет мятою.
Умолкнет вскоре все живое —
Щебечущее и крылатое.

И все заснет в мгновение это.
Один, со сном единоборствуя,
Я встречу ночь и до рассвета
Глаз не сомкну, упрямо бодрствуя.

Ночь станет мне давать отныне
Уроки сна тишайшим шепотом.
Ты ночевал один в пустыне?
Я поделюсь с тобою опытом...

1937

* * *

Когда я молод был,— как жизни новизна,
Ты в цветнике моей души раскрылась,
Я понял в первый раз, что в мире есть весна,
И в сердце у меня ты поселилась.

Запел в моей душе стозвонный птичий хор,
И от цветения любви, как пьяный,
Затерянный в полях, вдруг вышел на простор,
Где на лугах свежо цвели тюльпаны.

Я рвал их для тебя... Мой друг, те вечера
Так явственно во мне запечатлелись,
Как будто приходил к тебе я лишь вчера,
И не увяла тех тюльпанов прелесть.

С тех пор я с именем твоим неразделим,
И на губах, и в сердце это имя,
В моей душе со мной слилась ты, с молодым,
Со мною и с тюльпанами моими.

1937

КОГДА ЦВЕТЕТ УРЮК

УЗБЕКИСТАН

Когда брожу по стране родной,
Странное чувство владеет мной:
Землю ее цветущих садов —
Что ни миг — целовать я готов.
Расскажам людей внимать люблю —
Мысли и песни в душе коплю.
С песней вдоль рек родных прохожу,
С песнями я по долинам брожу.
Но краше всех легенд старины
Нынешний облик моей страны.
Вот он вновь предо мною возник,
Край мой родной, мой пышный цветник.
Солнцем и синевою осиян,
Звонко названный — Узбекистан!
О родина-мать, как ты хороша!
Тобой через край полна душа.
Словно невеста, счастливая ты —
У ног твоих пестреют цветы.
Это долина, радуя взор,
Свой живой расстилает ковер,
Как мириады алых пиал,
Тисльпаны в горах красней, чем лал.
Чело твое венчает убор
Снежных серебряно-белых гор,

И полноводны, и широки,
Тебя омывают две реки,
Их живой водой побежден,
С глаз людских убегает сон.
Радостный тут закипает труд,
Без песни не работают тут.
Щедро за труд человеку воздав,
Хлопок растет, высок и курчав,
Яблони, цвет осыпав с ветвей,
Никнут под сладкой ношей своей,
Гнется колос под грузом зерна...
Богата моя родная страна!
В поле — работа. Войдешь в города —
И здесь не смолкает песня труда,
Люди на фабриках ткут, прядут,
Радостен в стране моей труд.
Нет, страной скорпионов и змей
Мой край теперь называть не смей!
Эта экзотика нам смешна:
Она не такая, наша страна!
Свободен и счастлив наш народ —
Тутовый червь нам шелк дает,
Пчелы рады свой мед нам дать,
Птицы не любят от нас улетать,
Солнце здесь светит целый день,
Чтобы, довольства и счастья полна,
Была прекрасна наша страна.
Верен по-прежнему розе своей,
Теперь не стонет над ней соловей,
Новой ее красотой восхищен,
Счастлив в моей стране и он.
Поэты газели поют, но стих
Теперь не отравлен слезами их.
Матери над колыбелью поют —
Судьбу своих детей не клянут.

Счастливая на все времена —
Вот какая моя страна!
Каких героев мой край воспитал!
Езгляни на Большой Ферганский канал!
Кем же тебе эта мощь дана,
Любимая, родная страна?
Кто тебе вырасти так помог?
В чем твоей громкой славы залог?
Это партия, это Москва —
Вечно святые для нас слова.

1939

МОЛОДАЯ СИЛА

Ты в стране своей высишься, точно скала,
Что создать на свободе природа могла.
Даже в самые темные ночи светла,
Ты в сердца угнетенные свет пролила.

Ты в борьбе родилась, и удел твой высок:
В бурном море ты путь свой нашла, и, полна
Вдохновенья и страсти, ты, верой сильна,
В героические расцвела времена...
На груди твоей алый пылает значок.

В красном зареве битв, пламенея стократ,
Он с тобою сквозь бури и грозы прошел,
И, как молнии, нет и не будет преград
Светлой силе, что в сердце взрастил комсомол!

1928

СИЯБ

1

В полдень — с неба каскад
Золотистых огней.
Мощных гулов раскат
Рвет безмолвье ночей.
Задышали поля,
Молодеет земля,
Стаял дочиста снег,
Счастлив каждый побег
На ветру, на свету
Колыхнуться в цвету...
Жадно пьет человек
Бодрых дней красоту;
То хмельна и вольна,
Бархат трав
Разостлав,
Мир будя ото сна,
В путь рванулась весна!

Путь к Сябю ведет,
 Радость пенится в нас,
 Что вокруг ни мелькнет,—
 Все приметит наш глаз:
 Вот в одной стороне
 Овцы лугом трусят,
 С ними сотни ягнят
 В белоснежном руне,
 К их веселой возне
 Каждый тянется взгляд,
 А в другой стороне —
 Ни лугов, ни отар,
 Там лишь в тягостном сне
 Распростертый мазар...
 Нелюдим, не храним,
 Он в руинах лежит,
 Он людьми позабыт,
 Навсегда одиноч...
 Мы ж к Сябю спешим,
 Как потоки весной,
 И в сердцах золотой
 Зацветает цветок.

Наконец-то Сяб! —
 Словно взмахи ресниц,
 Волны — вверх, волны — ниц...
 Вышивает он вмиг —
 Ловок, весел и скор,—
 Словно тысячью игл,
 За узором узор.

Мчится, мчится волна
Дальним сестрам вослед:
Поглядит ли луна
Иль подсмотрит рассвет,
Как до первых она
Наконец доплеснет
Или там, вдалеке,
Затеряться в песке
Подойдет ей черед...
А пока об устой
Небольшого моста,
Что повис над рекой,
Бьется волн мелкота,
А из их гребешков
Расцветают потом
Сотни белых цветов
Под мостом.
Мост и впрямь невелик,
Но крепыш хоть куда:
Доставлять он привык
Тех — сюда, тех — туда.
Никаких никому
Не чинит он преград:
Груз не в тягость ему,
Он прохожему рад,
Будь тот молод иль стар,
Ночью ль будь то иль днем...
Вечерами ж на нем
Много топчется пар.
Нынче праздник-гульба:
Играм-пляскам — почет...
За гурьбою гурьба
Над потоком течет,
И Сияб, словно сам
Привечая народ,

Молодым голосам
Вторит рокотом вод.
Топот, говор и гул,
Звонких кликов не счесть...
Не по проискам мулл,
Не в аллахову честь
Праздник нынешний дан;
То совсем не курбан...
На подъеме крутом
Наших огненных дней
Места нет для ханжей,
Чей придуманный бог
Был отменно жесток...
Дует ветер с холмов,
Развевает платки,
И к прохладе реки
Клонят зелень голов
Тростники...
Радость сблизила всех:
Каждый весел и юн;
Топот, говор и смех,
Рокот вкрадчивых струн.
Вот он ширится, круг,—
Пляске нужен простор,
Тише струн перебор.
И красавица вдруг,
Каждый радуя взор,
Вскинув брови-серпы,
Чуть прищунив глаза,
Понеслась из толпы.
Стан ее — что лоза!
Дробен каждый шажок
Дружных с песнею ног.
Весела молодежь,
Разгулялся народ...

Здесь лица не найдешь
Со следами забот.
Каждый празднично юн!
Только где ж ты, Ильхам?
Где ты сгинул Уйгун?
День ушел со двора,
Не пора ли и нам
По домам?!

1929

ШАРАФАТ

Шарафат в саду в лучах зари
Персики рвала с тугих ветвей,
И от тяжких вздохов все сильней
Часто сотрясалось ичкари.

Если с красной щечкою
Из рук
Перезрелый персик выпадал,
Милое лицо бледнело вдруг,
Будто его камень целовал.

Увядала девушка в тоске,
В паранджу завернута до пят.
Словно палый персик на песке,
Источала слезы Шарафат.

Пламя занялось во всем краю —
Шарафат сжигает свой чачван,
И потом, решив судьбу свою,
Горе сбросив, выпрямляет стан.

С книгой вижу я ее сейчас
На дороге ясной и прямой,
И открылось, на лице светясь,
Счастье, что закрыто было тьмой.

1927

ОБНОВЛЕНИЕ

На белогрудых облаках заря
Развесила пурпурные тюльпаны,
И вот уж солнца луч, животворя,
Льет золото на вешние поляны.

Вот бабочка слетела на цветок,
Бесплотная, на венчик села зыбкий,
Встречая гостью, каждый лепесток
Весенний озаряется улыбкой.

Кусты от роз, как зарево, красны.
Красны... Опять в тени поют дутары.
Поют... В великолепии весны
Все чаще сердца звонкие удары.

Подходит звездный вечер. Горы спят.
Покровом мягким зелени укрыты.
Приволье здесь для тонкорунных стад —
Травы обилье и воды избыток.

Весна! Чуть рог пастуший приумолк,
Звенит на пашне песня утром ранним,
И сердца твоего цветистый шелк
От маков вновь становится багряным.

Вглядитесь — травы дышат. Что ни час,
Жизнь обновляется на мирных этих склонах,
И я весной надеюсь каждый раз
Вновь молодость свою найти в бутонах.

1928

ПРИДИ

(Из дневника)

Поэт, приходи к нам с животворным словом,
Приди, дай радость людям в мире новом,
Будь летописцем красного пути;
Приблизься к нам, всегда к борьбе готовым,
Стихи сердцам горячим посвяти.

Мы грозный жар, kloкочущий в вулкане.
Порыв наш юный — истины исканье.
Нам дали жизнь борьба, огонь и кровь;
Мы свет звезды и месяца сиянье
И златокрылого рассвета новь.

Взрастили солнце нас и труд кипучий,
Сердца зажег в нас неба пламень жгучий,
Подобно искрам, разлетелись мы.
Мы тучи разогнали, взяли кручи,
Мы тем сильны, что бьемся против тьмы.

Да, мы — весна. Но ведь придут и зимы.
Мы — пламя. Но вода неумолима.
О, многие хотели б нас смести!
Средь нас и те встречались, кто пустыми
Мечтами усыплял себя в пути.

В жестоких схватках мы преображались,
Мы возбуждаем гордость, а не жалость!
Нас не могли сломить враги страны.
Нас ненавидели, но мы сражались,
Пылающему времени верны.

Конец борьбе придет еще нескоро...
Сплотимся, чтоб друг другу быть опорой,
Поможем укрепиться повизне!
Мы молоды, — страшнее нет позора,
Чем в эти дни остаться в стороне.

Друзья, придите строить с юным жаром!
Пусть уходящий внемлет песням старым,
Еще нам биться с многими не раз.
Но счастье улыбнется нам — не даром
Есть партия великая у нас!

1929

ДОЧЬ АЗЕРБАЙДЖАНА

Ветер ласковый с Каспия дул,
Возвещая рожденье весны,
И услышал я радостный гул,
Тайный голос далекой страны.

Облака, и черны и грозны,
Крылья властно простерли в те дни;
Как поблекшие листья бледны,
Звезд небесных мерцали огни.

Лица девушек — спелый гранат —
Укрывала чадра с юных лет,
И лишь взоры, не зная преград,
Нарушали суровый запрет.

Сердце юное мертвый закон,
Словно пленную птицу, держал.
Грудь страданьем напитывал он,
Как отравленный ядом кинжал.

Ветер ласковый с Каспия дул,
Ветер светлой весенней поры,
И услышал я радостный гул,—
Это женщины сняли чадры!

Лица девушек — спелый гранат —
Мыслью смелою открылены,
То глаза молодые горят —
В них свободы огни зажжены.

Над потоками нефти в ночи
Звезды светлой выходят толпой.
Нескончаем могучий прибой,
И ключи под землей горячи.

Дочерей своих Азербайджан
Посылает на стройку страны,
Новым счастьем сердца их полны —
Жребий солнечный женщинам дан!

Мне их песни узнать довелось,
И, придя к ним на праздничный той,
Я им сноп наших пламенных роз
От узбечки принес молодой.

1928

ВОСТОК

В горе, дервишей бедней,
Дни брели, понурив очи;
С минаретов, с тополей,
Не спеша, стекали ночи.

Под покровом снеговым
Великаны горы спали,
И века к богам глухим
Тщетно смертные зывали.

Угнетала тишина
Улиц, жаждущих, как чуда,
Громкой речи, хоть спяна,
И шагов беспечных люда.

Звук тамбура уплывал,
Словно стон, в немые дали,
Голос сердца обнимал
Целый мир волной печали,

На ходу твердя Коран,
Четок нить перебирая,
Вереницы мусульман
Шли, тюбанами качая.

Без конца песок, песок...
Раскаленный вихрь кружится...
Боль в глазах, а путь далек,—
Караван без сил ложится.

Встав с рассветною звездой,
В паранджах, походкой сонной,
Выходили за водой
Молча девушки и жены.

Иногда, как боль, назрев,
Песнь из хижин доносилась,—
Да не радовал напев,
Где о боге лишь твердилось.

Так, отвержен, слеп от слез,
Влек Восток ярмо неволи,
А поэт средь вин и роз
Для тиранов музу холил.

Жизнь была как дикий лес,
Полный чудищ многоглавых,—
Всюду глаз их страшный блеск,
Всюду стук когтей кровавых.

Радость кто тогда обрел?
Кто с бедою злой не znalся?
Счастья бархатный подол
В руки бедным не давался.

Гнева огненным мечом
Труд рассек оковы плена,—
Октября весенний гром
Прогремел по всей вселенной.

И Востока тяжкий сон
Был развеян тем порывом,
Солнцем дружбы озарен,
День настал в краю счастливом.

Сердцу кажется милей
И луны, и звезд сиянье:
В глубине родных степей
Слышно трактора урчанье.

Став свободным навсегда,
Человек в борьбе суровой
Мудрой силою труда
Мир творит большой и новый.

Ныне блещут в небесах
Ночью зори золотые,
В электрических лучах
Горы, рощи молодые.

Ветры вольные поют:
«Будь в одном ряду с бойцами,
Славь упорство, смелость, труд.
Зажигай сердца стихами».

Счастья молодость не ждет
От аллаха иль пророка,
А сама его кует
На своей земле широкой.

Но восстаний алый стяг
Полыхает нам все чаще,
И дворцы колеблет страх
Перед силой той бурлящей.

Нашей жизни яркий свет
Беднякам и всем бездельным,
Всем рабам — прямой ответ,
Как пробиться к высям вольным.

Этот день уже встает,
День всемирный, всемогущий,
И планету обоймет
Коммунизма сад цветущий.

1928

СОРВАННЫЙ ЛИСТ

(В день гибели Турсуной)

От стенанья далекого мрак задрожал,
Отзыв горестный дрогнул в душе моей юной:
В чистом сердце навеки оборваны струны,
И смеется блистающий дикий кинжал.

Говорят, будто лист сорван с древа весны...
О, разорвано сердце, что радостью жило!
Горе, страшное горе людей сокрушило,
Бьет их дрожь, словно током, они пронзены...

До полуночи тешилась звездной игрой,
А с рассветом на солнце взглянуть не успела:
Хладнокровный убийца свершил свое дело,
И колодец тебя поглотил, Турсуной.

Стяги траура, гневом сердца опаля,
Словно ветви, под ветром склонились в печали,
В цветнике, не раскрывшись, бутоны опали,
С тяжким вздохом раскрыла объятая земля.

Говорят, будто лист сорван с древа весны...

1928

В ОГНЕ ВОЗМЕЗДИЯ

В стране труда свободный человек
В грядущий день прокладывает путь,
А за границей — край рабов, Восток.
Там пламенной местью дышит грудь,
Там лавы разливается поток.

Восток на угнетателей встает.
Небесный свод задымлен и багрян.
Куда ни глянь — восстания вулкан.
От спячки пробудился великан
И мстит врагам за вековечный гнет...

Вся грудь в крови... страдание в глазах...
Но в гневном сердце полыхает месть —
То встал на бой истерзанный Китай.
Пока биенье в смелом сердце есть,
Далекий брат, надежды не теряй!

Москва в своих известьях говорит:
«Восток в огне возмездья, — говорит, —
Гудят костры на стонущей земле,
Престолы притеснителей горят —
На бой поднялся наш далекий брат».

Но снова коршун с запада летит —
Над Индией холодный снег кружит,
Над знойной Индией — страданий снег,
И снова выстрелы... и кровь... и стон...
А в Лондоне — бутылок пьяный звон...

Вулканы заревом встают из мглы.
Ни коршуны, ни молнии — ничто
Не сдержит их. Из пепла и золы
Иная, вольная, возникнет жизнь —
Как солнце, будут дни ее светлы!

1928

СТЕПИ

Эти безводные степи, пески
В солончаковом плену каменели,
Взором горящим, полным тоски,
Тысячи лет на людей глядели.

И тысячи лет дети труда
На этих землях, лишенных влаги,
Не знали отдыха никогда
И умирали, сиры и наги.

Словно рыданье, простершись в веках,
Здесь караванов горбы качались,
Слезы кровавые в жгучих песках,
Павши едва, в рубины скипались.

Мертвым царством казались порой
Наши селенья — все в них молчало.
Женщина, вставшая вместе с зарей,
Вымолвив: «Бог мой!» — тяжело вздыхала.

Нынче же в нашем краю поезда
Степь потрясают радостным гулом,
Дышит прохладой в каналах вода,
Радио вести несет по аулам.

Нынче всем своим существом
Я наслаждаюсь счастьем народа,
Гордо пою на просторе степном
Лучшую песню — песню восхода.

Завтрашний день показал свой лик —
Сколько надежд в степи пробудилось!
В каждом сердце весенний родник,
Вечное горе навеки сокрылось.

Может быть, песню сердца мою
Вихрь не развеет в песках без ответа,
И люди, как влаги чистой струю,
Встретят ее улыбкой привета.

1929

В УЗБЕКИСТАНЕ

1

Солнце в невод свой золотой
Ловит тучек скользящих тень,
Нарастает шумов прибой...
Так рождается в городе день!
Вот, прохладой ранней дыша,
Пионерка в школу спешит.
Рдеют щечки, и вся — свежа,
Словно лист, что дождем омыт.
Шаловливости огонек
Брезжит в светлой просини глаз:
Время есть, и путь — недалек,
Да вбежать не терпится в класс!
Там подружек шумливый рой,
В переменах игры и смех...
А учительница для всех
Стать сумела старшей сестрой.

2

Песня льется звучней, звучней,
Песня будит и тормозит.
С нею город встает и с ней
Трудовой свой подвиг вершит.

Жизнь вскипает, бурлит в цехах,
У печей, машин и станков,
И, как шип, вонзается страх
В души злобствующих врагов.
Город радостью обуян,
И выходят толпы людей
Не верблюжий встречать караван,
А колонны стальных коней.
На трибуне старик седой,
От дехкан от дальних гонец,
Он измучен долгой ездой,
Вытер лоб, тряхнул бородой
И сказал: «Кулачью — конец!
Власть Советов нам дорога.
Горше смерти то для врага!»

3

Зеравшан сегодня в плену:
Покориться людям готов.
Он смиряет свою волну
И не рвется из берегов.
А кругом сверлят и дробят:
Доконать упорство камней
Вышло племя богатырей,
Камнерубов дружный отряд.
Где лишь мертвый желтел песок,
Там, предвестьем кипучих дней,
Рассыпая бусы огней,
Электрический мчится ток.
И наказ Зеравшану дан:
«Всем напором буйной волны
Потрудись теперь для страны,
Людам стань слугой, Зеравшан!»

4

Словно мрамор — прохладная мгла,
Спят поля, и песня молчит.
По тропе, прозрачней стекла,
Над землею луна скользит.
И Джура идет с кетменем:
Надо струям открыть проток,
Чтоб, измученный жарким днем,
Хлопок вволю напитокся мог.
Как сегодня река щедра!
Воды хлынули и текут...
Не нарадуется Джура:
Гряды жадно и шумно пьют!

5

Лишь о том, что скрылась луна,
Петухи во мгле прокричат,
За листвою, что так зелена,
В сад торопится Адалат.
Как проворны движенья рук,
Как сроднились они с трудом!
Радость вьется пташкой вокруг,
Провожая сборщицу в дом.
Шелкопрядам нужен уход.
Много трудной с ними возни!
Ишь набросились, точно с год
Не видали корма они!
Но хозяйка их — молодец,
И внимательна и зорка...
Побежит по станкам сырец.
Зашуршат по стране шелка!

Не улица — смерч пыли! Зной!
 А мальчуган, уткнувши нос в халат,
 Смеется: «Съел бы дыньку, брат,
 Вон кстати их везут, постой!»
 И впрямь — арба! Да, как назло,
 Так тащится, что невтерпеж!
 Столпились люди. Песню допесло...
 Бежим навстречу... Толкотня, галдеж!
 «Какую выбрать?» — «Эта хороша ль?» —
 «Пить хочется!» — «Сбрось дыньку,
 что ль!» —
 «Да с дорогой душой, изволь,
 Режь, ешь. Мне разве жаль?»
 А полосатая-то как сладка!
 Всех лучше — чистый сахар, мед!
 Да, знатно их выводит бахчевод
 Ишмат-ака!

1929

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

1

Узбекистан,
        живи,
                цвети
                        всегда!
Да не останется в душе
        от прошлых бедствий
                                и следа!

Путем звезды,—
Шаги тверды,
Победа впереди.
И в жилах
Бьющаяся кровь
Зовет:
«Вперед иди!»

Поток могучий!
        Мой Восток,
Как жизнь несущая стрела,
Летит в пустыни,
Где ничья
Душа
Доныне
Не была.

Пусть видят все,
 Кто в сердце
    завязал узлы
 Сомнений и вражды,
 Пусть видят все
 Великий наш поход!
    Идет народ
 И рушит стены
 Тысячелетнего
    глухого плена,
 Смывая плесень
    рабства и нужды.
 Разбросанные по степи
    глухие
    кишлаки
 Сливаются,
    как ручейки,
 В русло
    одной
    реки.
 Орлята одного гнезда
 Слетятся вновь
    и навсегда,
 И видят
    снеголикие
 Хребты
    сквозь облака:
 Идут
    бои
    великие
 За счастье
    на века.

На огнекрылом
    скакуне,
 Разбрасывая
    искры,
 Летит батыр
    по крутизне,
 Как сай, кипучий,
    быстрый,
 Спешит,
    всю жизнь свою несет
 Туда,
    куда позвал народ.
 Летит он,
    как из чигирика
 Смеющееся семя,
 Куда зовут народ великий
 Наш стяг
    и наше время.

1930

ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА

Степи зеленые-зеленые.
Ах, до чего же они зеленые,
Солнцем весны вдохновленные,
Чистой росой окропленные,
Степи зеленые!
Проснувшись на заре молодой,
Умылись родниковой водой
И в мраморных чертогах природы
Они вдыхают свежесть свободы,
В широкую волю свою влюбленные,
Зеленые-зеленые.

Такие у них просторы,
Такой горизонт, который
Был этим полям неведом
В пору седой старины.
К победам, только к победам
Степи устремлены,
Нашей песней воспетые,
Ранним хлопком одетые,
Поля, поля окрыленные,
Зеленые-зеленые.

Там, где на листьях хлопчатника
Прелесть росистая нижется,
Солнце по праву соратника
Рядом с долиною движется,
С долиной, что молодо, весело
Коробочки хлопка развесила,
Собственным счастьем своим удивленная,
Зеленая-зеленая.

Что это? Что это?
Это расстелен
Пестрый ковер у нагорных расселин,
Это, сменив былые века,
Дышит время широкогрудое,
Это стихи сочиняет река,
Это беседует ветер с запрудой,
Это заря сквозь рассветный туман,
Как замечтавшаяся красавица,
Смотрит и ждет, что судьбы караван
Скоро на поиск, на подвиг отправится;
Это чудесный зов: за работу!
Это певец, который берет
Пятилетки первую ноту.
Чтобы мы шли веселее вперед;
Это, некогда испепеленная,
Возрождена
Наша весна;
Это звенящая новизна,
Жаром наших сердец опаленная,
Это она, это она,
Плодоносная Фергана,
Зеленая-зеленая!

Ты вышла на солнечный свет
Из глубины веков.

Привет тебе, привет,
Долина большевиков!
Привет тебе, привет,
Хлопка снежный сугроб!
Привет тебе, хлопкороб,
Коричневый от загара!
Привет тебе, герой из Кайнара,
И тебе, Хайдар, чья родина — Паласан,
Трактора-корабля капитан,
Ты движешься, утверждая
Цветенье родного края,
Чтоб не ворвался буран,
Чтоб и пылинка не села,
Чтоб и песчинка не смела
На эту землю упасть обновленную,
Зеленую-зеленую.

А небо — синее-синее,
Лишь облаков белеют стада,
А на долине — стальные линии,
И бегут по ним поезда,
Кончилось тьмы вековой владычество,
Плечи свои распрямили поля,
Юным трепетом электричества
Животрепещет земля.
Ты, Фергана моя, раньше
С нищенской бродила сумой,
А теперь у тебя — мощь великанши,
И трудно вспомнить тебе самой
О времени том постылом,
Что никогда не вернется вновь.
Вижу: по твоим электрическим жилам
Электротоком струится кровь.
Древняя, ты жить начала сначала,
Силу вдохнул в тебя большевик.

Ты в совершенстве теперь узнала
Трактора и комбайна язык.
Ты богатеев сбросила бремя,
Чтобы не стало сиротских слез,—
Бедность, как пса, выгнало время,
И уполз голодный и грязный пес.
Двигутся, движутся, как составы,
Новые годы труда и славы,
Изобилием наделенные.
И волнуются сочные травы —
Зеленые-зеленые.

О, как здесь привольно дышится.
Как зелени море колышется,
Какая нам песня слышится!
Материнской ласки полна,
Ты своих детей, Фергана,
Нянчила, обмывала,
Нежила, целовала,
Расчесывала им волосы,
Баюкала их вполголоса,
Носила на спине,
Хранила и во сне
От ветра, от ненастья —
И вырастила счастье!
Вижу плоды мастерства
И трудолюбья ферганского.
Вижу, как хорошеет Кува,
Вижу приметы богатства крестьянского —
Выросло много таких кишлаков
В светлой долине большевиков.

Это в каждое входит селенье
Радость — победительница тоски,

Это зелень пошла в наступленье
На суховей, пески.
В этом цветении — голос набата,
Голос рабочих сердец,
Отзвуки бурь, штурмовавших когда-то
Зимний дворец,
В этом цветении — новая эра,
К дальним звездам полет,
В этом цветенье — стойкая вера
В будущее, что непременно придет!
Мы, победившие в долгом споре,
Видим лицо судьбы просветленное,
А кругом долина — как море,
Зеленое-зеленое!

Будем на страже стоять с бесстрашьем,
Оберегая свои берега,
Чтобы не плавала в море нашем
Лодка врага.
Мы заставим работать машины
Ради нашего края цветущего,
Мы поднимемся на вершины,
Ибо нам нужен воздух грядущего!
Явью стать наконец должна
Та мечта, что в сказках мечталась,
Чтоб, как ребенок в воде, Фергана
В электрическом свете купалась.
О полнота бытия!
О начало разбега!
О хлопкороб, на свое дитя
Надевший рубашку белее снега!
Береги долину, которой украшен
Старый Восток,
Береги чистоту этих пашен,
Чтобы ни на один листок

Даже пылинка не села,
Даже песчинка не смела
На эту землю упасть, всецело
В будущее устремленную,
Зеленую-зеленую!

1932

ВЕСНА

Что ни день — хорошеет весна,
Что ни день — то наряднее платья,
И для всех открывает объятья,
Обаянием юным полна.

Ветер, верный привычке своей,
За весенние взялся проказы:
Дуя в разные стороны сразу,
Цвет урюка сдувает с ветвей.

Воробьиный базар во дворе,
В цветниках — соловьиные трели,
Любо розам их слушать в апреле,
Вспоминая о зимней поре.

А весна — обольщение глаз! —
Все приданое — к празднику мая —
Из волшебных узлов вынимая,
Поразвесила нам напоказ.

Распестрелись цветы на лугах,
В поле — юные всходы пшеницы
Омывают росой ресницы,
Под землею наспавшись впотьмах.

И земля — словно обновлена
Коллективной силой единой.
Ходишь степью, холмами, долиной —
Видишь, как эта сила сильна.

Пастухи ль гонят в горы стада,
Кетменями ль колхозники машут,
Роя новый арык, или пашут,—
Всюду радость весны и труда.

И к труду приступая чуть свет,
Все в нем видят залог возрожденья,—
И весеннее стихотворенье
Пишет людям на радость поэт.

Трудового подъема пора,
Ты, весна,— символ юности жизни.
К нашей доблестной юной отчизне
Будь всегда и добра и щедра!

1935

БАХРИ

Вот оно, счастье, птицей весенней
В дом прилетело, машет крылом,—
Юной Бахри столица прислала
Платье из шелка с ярким платком.

Сердце Бахри трепещет, ликуя,—
Нет, усидеть не может она:
Ходит по дому, поет, смеется,
Радостным светом жизни полна.

Нынче в колхозе пир небывалый.
Ночь напролет рокочет домбра,
Пляшет Бахри, ненасытная в пляске,
Кружится с бубном, поет до утра.

Люди довольны — вот молодчина,
Гляньте, достигла чести какой!
Старый и малый ее провожают
В город Ташкент на праздник большой.

«Ну что ж, Бахри, счастливой дороги!
В городе ты уж за всех погуляй,
Повеселись, свою душу порадуй
Да поскорее домой приезжай».

Солнце взошло — пора собираться.
Крышку откинув у сундука,
Быстро Бахри наряды сложила,
Словно утренний ветер, легка.

С гордостью скажет она в Ташкенте:
«Я тружусь, не стою в стороне,
Хлопок собрав, корову купила,
А этот платок — награда мне».

Тайна работы познана ею;
Сила людей в колхозном труде.
Страшно подумать, как разобщенно
Прежде тут жили, мучась в нужде.

Ходит Бахри по белому полю,
Зорко следит за каждым кустом!
Силу дает ей, на труд вдохновляет
Дружная жизнь в колхозе родном.

День ее доверху полон трудами,
Долей секунды она дорожит,
Слава о ней, подобно легенде,
В самых далеких селеньях гремит.

Всем ее подвиг служит примером,
Новая страсть захватила людей —
Каждая женщина, каждый мужчина
В честном труде соревнуются с ней.

«Хлопок собрав, я шелк покупаю,
Нежный атлас, золотую парчу,
Бархат густой, как небо ночное,—
Все, чем украсить себя захочу.

Хлопок собрав, я дом себе строю,
Белый, просторный, солнечный дом;
Добрых друзей на пир собираю,—
Знает пусть каждый о счастье моем.

Сила и воля моя в коллективе,
Всяческий труд здесь славен, высок,
Душу свою в него я вложила,
За то мне Москвой и прислан платок».

Новое платье Бахри надела,
Блещет платок, струясь по плечам.
В зеркало смотрит она, улыбаясь,
Смотрит, не веря своим очам.

Сердце Бахри трепещет, ликуя,—
Нет, усидеть не может она;
Ходит по дому, поет, смеется,
Радостным светом жизни полна.

Утром Бахри уезжает из дому
С сердцем, наполненным сладкой мечтой.
Старый и малый ее провожают
В город Ташкент на праздник большой.

1935

НОЧЬ У РЕКИ

Река шумит меж темных берегов.
Луна плывет над гребнем снежных гор.
Тень падает от светлых облаков,
Перебегая дремлющий простор.

Все тихо. Лишь бессонная река
Обломки скал ворочает волной,
В поля, сады закинув рукава,
На склонах гор покоясь головой.

Спит горной цепи снежный караван,
Окутанный серебряною мглой.
Прозрачный, еле видимый туман
Струится между небом и землей.

Течет, шумит без усталости река.
Чу, вспыхнул свет, и раскатился гром.
Багрово озарились облака,
На миг все стало видимо кругом.

Сверкая под луной, волна кипит,
Плывет, раскачивается паром.
И вновь, круша утесы, взрыв гремит.
И тишина на миг. И снова гром.

И поднимаются вершины гор
Из облаков, как из глубоких дум.
Холмы смывает гидромонитор,
И слышен гальки бесконечный шум.

Ударя в барабан, уходит прочь,
Как море, ночь — светлеющей волной...
К утру завершено за эту ночь
Строительство плотины головной.

Реке, ревущей, дикой, навсегда
Мы указали новый верный путь:
В пустыню хлынет чистая вода,
Как воздух в задохнувшуюся грудь.

Там, где шуршали мертвые пески,
Подымутся поля, сады, леса.
Я вижу укротителей реки,
Их гордые улыбки и глаза.

Седых поэм по замыслу полней,
Уходит ночь, — ее не позабыть вовек.
Вода растет в плотине. И над ней
Преобразующий природу человек.

1935

ПОЕЗДА

Тишина степная. Даль ночная.
Гул в ночи. И снова тишина.
И слежу за степью из окна я:
Степь в чудесный сон погружена.

Этот сон спокоен и недолог —
Сон земли, и неба, и воды.
Опустила ночь свой темный полог,
На котором ни одной звезды.

Ночь безмолвно по земле проходит,
По-хозяйски взгляд ее широк,—
Будто бы задумавшись, подводит
Радостным дневным трудам итог.

Спит земля, и сон ей снится дивный:
Степь лежит без края и конца,
И составы мчатся непрерывно,
Огненные бьются их сердца.

За собой оставив величавый,
Неисхоженный степной простор,
В гору поднимаются составы,
Дерзкие, бегут к вершинам гор!

Мчатся поезда в стране свободной,
Каждый, как степной орел, крылат:
Это нашей дружбы всенародной
Вестники счастливые летят.

1936

СНЕГ В СТЕПИ

Всюду снег, ослепительный снег.
Как помотришь — глазам станет больно.
Перед ним — ни преград, ни помех,
Он повсюду лежит своевольно.

День бежит по дорогам степным,
И, внимая упорному бегу,
С бесконечных небес белый дым
Опускается медленно к снегу.

И мне кажется, будто на степь,
Где и холм не виднелся доньше,
Низвергается горная цепь,
Вырастая на белой равнине.

Удивленное чудом таким,
На равнинные глядя просторы,
Даже солнце завидует им,
Издалёка завидуют горы.

Солнце хочет разрушить огнем
Эти скалы, возникшие мнимо,
И сгорают в пространстве степном
И подножья, и выступы дыма.

Солнце, дымный низвергнув обман,
Чашу с пламенем тучам подносит
И художника радостно просит
Воссоздать этот снег и туман.

1936

ЗИМНЯЯ УЛИЦА

До чего эта улица мне дорога,
Где сегодня певуча душа,
До чего же белы и пушисты снега,
До чего тишина хороша.

Эту ясность мне хочется в сердце сберечь,
Чтоб она зазвучала для всех,
Чтобы стала чиста и нежна моя речь,
Словно первый на улице снег.

А деревья белы, будто их облака
Искупали в своей белизне,
И тревога светла, и дорога легка,
И чудесная бодрость во мне.

И по улице в первом пушистом снегу
Я с таким наслажденьем иду,
Что мне кажется: в белом тумане могу
Молодую увидеть звезду...

1935

ДРУГУ-СБОРЩИЦЕ

Ждет не дождется тебя весна,
Песней звеня в полевой дали,
Словно тебе говорит она:
«Друг, ты в долгу у родной земли».

Солнце насытило светом дни,
Сумрак ночей напоен луной.
Многого ждут от тебя они
Этой сияющею весной.

В поле, в горах занялся рассвет.
Родина сердце твое зажгла.
Пусть же родимых долин расцвет
Славой овеет твои дела!

В солнечном золоте вся земля,
Смысла великого дни полны.
Сборщица хлопка пришла в поля
Неувядаемой Ферганы.

1936

ВООБРАЖЕНИЕ ПЕВЦА

Народному поэту Фазылу Юлдашу

Безбрежно, как сияющая высь,
Воображенье старого певца,
Воображенье, щедрое, как жизнь:
Нет у него начала, нет конца!

Оно всегда в движенье, как река,
В ночах разгадку вечных тайн ища,
То рушится в горах сквозь облака,
То степью вольно катится, плеща.

Вмиг оживая, рвутся с языка
Преданья, были, битвы древних сил,
Проходят поколенья и века
Скопленьями блуждающих светил.

«Пока спит солнце под морской волной,
Влюбленному внимает мрак ночной!
Есть спутники у тех, кто слезы льет,
Я плачу — плачут и они со мной».

«В разлуке двое — слез двойной поток.
Она — в плену, его удел жесток.
Терпенья чаша трещину дала,
Лицо от скорби вянет, как цветок»¹.

---

¹ В кавычки взяты слова из стихов Ф. Юлдаша.

Река вбегает на берег волной,
Земную ширь объемлют небеса.
В степную даль цветущею весной
Глядят Барчин бессонные глаза.

Там стен не строят, кровель не кладут,
Лишь степь да синь, куда ни кинешь взор.
В горах от смерти путника спасут
Стада гусей, взлетающих с озер.

К оседлой жизни не привыкли там.
На берегу реки раскинут стан,
Где есть вода, где корм готов стадам,
И снова в путь уходит караван.

В путь — караван! Нагружены выюки;
Бряцают мерно бубенцы в ночах.
Рабы сквозь тучи гонят косяки
За горный кряж со снегом на плечах.

Шумны, как море, табуны коней.
На белой юрте блещет аксамит.
Уж сорок полностью ночей и дней
Пир свадебный без умолку гремит.

Клубятся степи свежие у ног,
Круг чертит месяц между облаков,
С рабами изнуренными жесток
Надменный бай — владыка табунов.

Конь скачет — по ущелью гром гремит.
Лишь храбрый в битвах будет знаменит.
Дождется ли народ звезды своей
Иль дальний путь лучи ее затмит?

Как туча града, налетает враг,
Князья играют на лихих конях.
А стон народа потрясает мир,
Рабы восстали — топоры в руках!

Нет песням счета, горю — берегов.
Полны им были судьбы пастухов.
Рыдали в песнях скорбь и нищета,
И пас отары слушатель стихов.

Нет песням счета. Лебедей весны
Взлетает меньше с утренней волны.
Нет песням счета. Песни, мой отец,
Мильоны волю живых поднять вольны.

Заветные желания сердец
Находят в них опору и ответ.
Взмывает с песней из гнезда птенец,
И ветры с песней облетают свет.

Нет песням счета... Плачет в злую ночь
Поэта обесчещенная дочь.
И, окровавив седину певца,
Карательный отряд умчался прочь.

На виселице братья и сыны,
Рыдали песни, скорбны и больны...
Творец напевов, осенивших степь,
Седел, и были дни его темны.

Теперь свободны песни и сердца.
Стан распрямляет каждый человек,
И песен мир без края и конца
Родит страна, свободная навек.

Ликуют села, степи и поля...
Взлетает песня ярко в небеса.
Поет моя прекрасная земля,
И вторят песне горы и леса.

Для жизни мужественной, молодой
Слагает песнь крылатую певец.
Кто песен дар имеет золотой,
Придет к желанной цели, мой отец!

1936

* * *

Счастлив я, что сад возделал я в родной своей стране.
Что всегда с народом вместе шел навстречу я весне.
Если кто с пути сбивался, не делил я горя с ним,
Оттого, что ум и сердце солнцем наполнил живым,
Оттого, что ты, отчизна, дар взлелеяла певца,
Оттого, что тот чужой мне, кто не с нами до конца.

1937

* * *

Если выжмет слезу беда — не смирюсь.
Побледнею ли иногда — не смирюсь.
Если путь свой крутой с ошибки начну,
Я с самим собой и тогда не смирюсь!

В цветнике моем роз на кустах — не счесть.
И в саду соловьев на ветвях — не счесть.
Сколько в мире есть цветников — обойду,
Их на данных судьбой мне путях — не счесть.

1937

ПУШКИН

Мужал он, а мир, одряхлевший, седой,
Когтил его сердце живое,
Терзал его тяжкою долей людской —
Горчайшею мукой земною.

Стремление к счастью в нем душу зажгло,
И гневом ве чиким палимый,
Бунтарь, обличал он насилье и зло,
Скитался, врагами гонимый.

Он взоры свои отвратил от дворцов,
От знати кичливой, холодной.
Пусть прозван был «вором» казак Пугачев,
Он видел в нем подвиг народный!

Подобно взволнованной бурной реке,
Со дна поднимающей тину,
Явил он Россию в слезах и тоске,
Рабов вековую кручину.

Но сам он себя не укрыл от беды,
Прямой, непокорный, кипучий,
Погиб, захлебнулся в потоке вражды,
В обиде и горести жгучей!

Как солнце, сиял над отчизною он,
Сердца пробуждая для жизни.
Жестокою ссылкой не покорен,
Был знаменем чести в отчизне.

Вершина Эльбруса в горниле лучей
Сверкала красой снеговою.
День юга! Дышал здесь изгнанник вольней
И песен дивил красотой!

Россия, Россия снегов и равнин,
Великая мощью народа,—
Без ласки, как пасынок, лучший твой сын
Стал пленником вечной невзгоды!

Под выстрелом подлым он наземь упал,
Как тополь, грозой сожженный.
В Россию под маской Дантеса стрелял
Ее притеснитель исконный!

И смерть, приближая конец роковой,
Объятья поэту раскрыла,
На алом снегу он поник головой...
Где ж русская эта могила?

Был тайно зарыт он. Чернее ночей
Дни общенародной печали,
И тысячи тысяч скорбящих людей
К могиле тот гроб провожали.

1937

* * *

Завоеван полюс! Не исхожен,
А открыт над вечной мерзлотой,
Из Москвы в Америку проложен
Ровный путь, но только не простой,

А небесный! Соколы взлетели
С твердою решимостью в глазах.
Мы к земной привыкли колыбели,
Но привыкнем жить и в небесах.

В синеве небесного простора
Новую мы силу обретем.
Скоро наше небо, очень скоро,
Станет человеческим жильем.

1937

ХУЛЬКАР

Моей дочери

Разверни свои крылья над югом
И по звездным путям полети,
Шаловливым и резвым подругам
Ты цветы накажи принести.

Озари нам и горы и доли
Ранним утром и в блеске ночей,
Когда месяц нам сыплет в подола
Вороха серебристых лучей.

Будь подобна весеннему чуду,
Будь причастна весенней судьбе,
И, куда ни пойдешь ты, повсюду
Пусть сопутствует счастье тебе.

Пусть, увидев тебя, розы вспыхнут.
Все земное собой оживи!
Пусть, увидев тебя, люди стихнут
И сгорят соловьи от любви!

1937

КАЗАХСТАН

Казахстан — это край золотой,
О котором мой предок мечтал
И, придавлен к земле нищетой,
Сам мечту свою сказкой считал.

Казахстан — это счастья родник,
Край, где дышит свободно народ,
Где под каждой горою рудник
Нам богатство свое отдает.

Казахстан — это недра земли,
Что полны драгоценной руды,
Это нефть — солнце щедрой земли,
И Балхаш — чаша синей воды.

Казахстан — это горы до туч,
Это горный целительный ключ,
Это трав изумруд на лугах,
Это солнца сияющий луч,
Это клекот орлов в облаках.

Казахстан — это светлая ширь,
Это — золото и серебро,
И пшеницей наполненный мир,
И садов плодоносных добро.

И земля, и угожья страны,
Что навечно дехканам даны,
И заоблачных пастбищ простор,
Где пасутся коней табуны.

Казахстан — это старый Джамбул,
Чьей домброю отчизна горда.
Это угля немолкнувший гул,
Это славная Караганда.

Это — грамотный, вольный народ,
Это — смелых наук торжество,
Это — к знаниям высоким восход,
Это — песен и игр волшебство.

Это — с гнетом покончивший край,
Это — светлого счастья пора,
Это — Амангельды и Абай,
Это — наша плясунья Шара.

Это — синее небо весны,
Это — хлопок серебряный наш,
Это — сладкие звуки струны,
Это — шелковый голос Куляш...

Казахстан — это край золотой,
О котором мой предок мечтал
И, придавлен к земле нищетой,
Сам мечту свою сказкой считал.

Да живет Қазақстан молодой,
Озаренный счастливой звездой,
Как под солнцем до самых высот
Озарен Алатау седой!..

1937

КОГДА ЦВЕТЕТ УРЮК...

Под окном моим за ночь вдруг
Белый-белый расцвел урюк.

Каждый цветик, на ветке дрожа,
Славу жизни страстно запел.
Теплый ветер, зарю сторожа,
Первый запах украть успел.

Что ни год, приходит в цветах,
Обольстит и уходит весна.
Что с бесстыдницей делать? Ах,
Ведь опять обманет она!

Но, забыв обиды свои,
На весенний глядя расцвет,
Я твержу: «О пора любви,
Будет счастье мне или нет?»

Нежно глядя щеки мои,
Ветер шепчет: «Счастье с тобой!»
И чирикают все воробьи:
«Пой, счастливец, радуйся, пой!»

Выйду в сад, по дорожкам пройду,—
Лунной ночью, солнечным днем,—
Все мне радо в белом саду,
Все мне тайно поет об одном:

«Мир цветов пред тобой возник,
Унеси его в спальню весь,
Но обилен счастья цветник,
Не снесешь — оставайся здесь.

И за всех, ушедших давно,
Кто в слезах без цветов зачах,
Право счастья тебе дано
В белых-белых урючных садах...»

Под окном моим за ночь вдруг
Белый-белый расцвел урюк.

1937

* * *

Сколько в веках уничтожено было садов, цветников!
Сколько убито великих мечтателей и смельчаков!
Сколько сияющих солнц потухало в жестокий
свой век!

Сколько песками проглочено щедрых,
живительных рек!
Сколько отравы испил народ из чаши скорбей,
Тщетно зари ожидая в ночи беспросветной своей!

Сердце щемит до сих пор Физули одинокого стон —
В адской печи своей скорби он заживо был испечен,
Всю свою жизнь Навои, наш поэт гениальный, рыдал,
Он, как любимый Фархад его многострадальный,
страдал.

Мрачная мудрость вещала из книг этих мрачных эпох:
«Скорбь — неотступный твой спутник, чья песня —
отчаянья вздох!»

Грезили люди о счастье, не видя и светлого сна,
Бархатных мантий на плечи им не надевала весна.
Сколько искателей счастья печаль находили взамен,
Шедших путем жизнелюбия смерть уводила
в свой плен.

Сколько высоких призваний бесплодно сгорело дотла,
Сколько бесценных творений забвенью хула предала!

Век золотой наконец наступил для родной
мне страны —
Где гиндукуши скорбей неизбывных с землей
сровнены,
Где ни нужде, ни бесправью возврата не будет вовек,
Где на земле и на небе прославил себя человек,
Где и в полях, и в садах никогда не затмится весне.
Где все свободны и счастливы, как и не снится во сне!

1937

РОДИНА

Чуть глянул на мир я, как той же порой
Всем сердцем постиг и запомнил навек:
О родина, счастлив и жив человек
Лишь в полном предельном слиянье с тобой!

Частицей твоей ощутил себя я
В долинах родных, что, ликуя, цвели...
Желанней, чем дождь для иссохшей земли,
Мне стала высокая слава твоя.

Тому не скажу я: «Мне спутником будь»,—
Кто жало таить под улыбкой привык,
В ком жив только лживый, бесчестный язык,
А сердце — мертво и безжизненна грудь.

С тобой, чьи за правду священны бои,
Я буду — лишь кликни — всегда и везде,
И в грозных сраженьях, и в мирном труде,
И глаз не сомкну я, как реки твои!

1937

ХВАЛА ДОМБРЕ

Народному певцу Абдулле Шаиру

О дурном и о добром скажу я в стихах,
Вторит голосу сердца твой звук, о домбра!
Я прошел по вселенной с тобою в руках,
Свет очей моих, истинный друг, о домбра!

Что мне бедность и голод, только ты будь со мной:
Без тебя не расправлю я крыл за спиной,
А с тобою могуч я, как ветер степной,
Ты служила мне в рабстве средь мук, о домбра!

Нет другого в моем цветнике соловья.
Чуть ты смолкнешь — душа затоскует моя,
Станет сердце, как полная кровью ладья,
Но врачуешь ты скорбь и недуг, о домбра!

Ты со мной — мне по силам любые труды,
Ты со мной — не страшусь ни нужды, ни беды.
Вот иду я в поля, в золотые сады,
Слава в землю вонзающим плуг, о домбра!

Никогда ни пред кем не склонял я главу.
Я с правдивой домброй неразлучно живу.
С песней ты, как Семург, меня мчала в Москву,
Озарявшая труд и досуг, о домбра!

С уваженьем тебя я в ладони беру,
Молодую звенеть заставляя домбру,
Ты — волшебница-пери, весной поутру
На цветущий слетевшая луг, о домбра!

Ты — прекрасной луной озаренная высь,
Ты — обильем плодов озаренная жизнь,
Ты — счастливо в колхозе найденная жизнь,
Ты — врага поражающий лук, о домбра!

1937

СЧАСТЬЕ НАРОДА

Хоть своя у любого судьба,
Каждый к счастью по праву стремится,
Жажда жизни — в крови у раба
И у вольно летающей птицы.

Только многих, кого уже нет,
Пламя горестей испепелило.
Им мерещились небо и свет,
А досталась сырая могила.

С детства к солнцу тянулись они,
Но в потемках его не встречали.
И не в радости долгие дни
Проходили, а в горькой печали.

За глухими годами года
Шли, гася даже проблеск желаний.
Черным светом горела звезда
Над дорогою вечных скитаний.

У дверей стерегла нищета
И плелась по следам человека,
Каменела любая мечта
Под пятою угрюмого века.

Счастьем жизнь не согреет нагих,
Если край наш не станет свободным,
Если рай создавать для других,
Самому ж оставаться голодным.

Славным племенем большевиков
Завоевана наша свобода.
Не о скорби минувших веков
Я пою, но о счастье народа.

Изобилием дышит мой край.
Жизни ключ в нем бурлит неустанно.
Новый мир, словно сказочный рай,
Вместо старого Узбекистана.

Распускаются хлопком поля.
Тополя шелестят надо мною.
И звенит родниками земля,
Озаренная вечной весною.

1937

КЛЮЧ К СЧАСТЬЮ

Я многих поэтов прочел —
Великих волшебников слова,
Прочел — и в тупик я зашел:
Печаль — их творений основа!

Стихи Физули — соловьи,
Чье пение — вопли Меджнунов.
Меня опалил Навои,
Самумом тоски своей дунув.

Мне Лермонтов сердце щемил,
Измучил Хафиз меня вскоре,
И Пушкин тоской истомил,
Поведав черкешенки горе.

Шекспира просил я: ответь! —
Ответил Хайям за Шекспира:
«Нас хлещет отчаянья плеть,
А скорбь есть владычица мира».

И тут-то махнул я рукой:
Не буду вам единоверцем!
И хлынула радость рекой
В мое истомленное сердце!

Она мне открыла секрет
Своей побеждающей власти,—
И счастья мне большего нет,
Чем петь человеку о счастье.

Да, так оно быть и должно
В свободной, счастливой отчизне,
Где горе навек сражено
Ликующей радостью жизни!

Поэтому радость — мой друг,
И, спину уныло не горбя,
Я счастлив, что счастье вокруг
Встречаю везде, а не скорби.

Эй, недруг! Надежд не питай —
Нам все твои козни известны.
Дан ключ мне народом чудесный
От всех заколдованных тайн.

1938

НА БЕРЕГАХ ЧИРЧИКА

Цветники долин я жадно созерцал
И, потоком дум объятый, онемел.
Над седой водой звездой сиял Чаткал,
Из-за гребней гор в глаза мои глядел.

Изумлен, стоял пред Чирчиком я,—
Тайну бытия в волнах я увидал.
Мне отсель видны Аму и Сырдарья,
Их слиянья шумный, неумный вал.

Вкруг меня сыны народа — мудрецы,
Первые в отчизне смельчаки:
Ведуны воды, грядущего творцы,
Лучшей из наук о счастье знатоки.

Жизнь пескам пустынь они несут в руках,
Струи новых рек, что потекли в песках.
И земля тучнеет волею труда,
И весна, весна бушует в ледниках.

Хлопок пышно зреет. А в тени садов
Медом тяжелеет урожай плодов.
А вдали — пустыни огненная сила,
Желтая гряда пылающих песков.

Старого Востока степь окрест легла.
Говорит: «О, дай мне воду Ферганы!
Я столетья жажду. Мощь моя ушла.
Дай испить чирчикской сладостной волны!

Где арыки те, что вырыл Навои?
Высохли, вода по руслам не идет.
О Чирчик! Когда б, как берега твои,
Зеленеть и мне у говорливых вод!»

Диво ль, что в степях рожденный человек,
Увидав плотины и кипенье вод,
Из суровых глаз, не знавших слез вовек,
Слезы умиленья на землю прольет.

Я — поэт Востока. Помню огневой
День, когда те слезы бедняков-дехкан
Стали песней! Песня ж повела на бой,
Беды сотен лет смела, как ураган.

Миллионов песнь о Ленине была.
Эта песнь всегда на подвиги вела.
Эта песнь в боях победы нам дала,
Солнце бытия бессмертное зажгла.

Диво ль, что всю жизнь страдавший человек,
Увидав Чирчик, кипенье светлых вод,
Из суровых глаз, не знавших слез вовек,
Слезы умиленья на землю прольет.

Ибо ей — воде — могущество дано
Исцелять недуги, мертвых оживлять,
В сердце у певца желание одно:
Весь Восток, весь мир свободным увидеть!

Ночью над Чирчиком тысячи огней.
Предо мною мир — прекрасней, чем весна.
Песнь о нем в душе рождается моей,
Как над гранью гор апрельская луна.

1938

СВЕТ КРЕМЛЯ

Ты так открылся мне, как бытие
Ребенку открывается впервые,
И в сердце благодарное мое
Вошли твои лучи живые.

Ты издали мне вырасти помог.
С Востока протянул к тебе я руку,
Ты дал мне книгу и сказал: «Сынок,
Иди и постигай науку».

Я шел к тебе, и мир блистал вокруг
Для моего внимательного взора.
Ты очищал — вожатый мой и друг —
Мой путь от грязи и от сора.

Я мира дряхлого покинул мрак
И свой корабль повел путем исканий,
Ты озарял мой разум, как маяк,
Чтоб не блуждал я в океане.

Мой светлый Кремль, ты слился навсегда
В моем сознание с Самаркандом древним,
Прошедшие и новые года
В сказанье ожили напевном.

Все то, чему ты научил меня,
Нигде и никогда я не забуду,
И в сердце вечный облик твой храня,
Твой свет я пронесу повсюду.

Когда бы ни приехал я в Москву,
К тебе я прихожу с благоговеньем.
Единой жизнью я с тобой живу,
Твоим горю я вдохновеньем.

Привет вам, звезды, верные друзья,
Прекрасные, как звезды небосвода,
И радость вы, и разум бытия,
И юная моя свобода.

1940

СВЯТОЙ ОГОНЬ

ВОЗЬМИ ОРУЖЬЕ В РУКИ

В утреннем тумане жизнь кипит,
По дорогам слышен стук копыт.
Родина великая не спит,
Клич — «В поход!» — по всей стране родной.
Меч заветный свой
Точи на бой!

Если хочешь ты, чтоб лютый град
Не побил твой хлеб и виноград,
Если хочешь ты, чтоб младший брат
Не лишился жизни молодой,
Меч заветный свой
Точи на бой!

Если хочешь человеком быть,
Если хочешь на свободе жить,
Если ты не хочешь цепь влечь,
Словно раб, покорный и немой,
Меч заветный свой
Точи на бой!

Если кровь в тебе, а не вода,
Если дороги тебе всегда

Честь твоя, плод твоего труда,
Юноша ты иль старик седой,
Меч заветный свой
Точи на бой!

Если ты не хочешь, чтобы враг
Стал охотиться в твоих горах,
Раздави его, сотри во прах,
Грянь грозой над черною ордой!

Меч заветный свой
Точи на бой!

1941

* * *

Утро двадцать второго июня храниться
Будет вечно в душе и сознание людей,
А фашистам нигде и вовеки не скрыться
От предсмертного, страшного крика детей.

1942

ОТПРАВКА БОЙЦОВ НА ФРОНТ

Стоят у поезда бойцы,
Спешат родных своих обнять...
Вот сына своего на фронт,
Целуя, провожает мать.

«Счастливым путь, прощай, сынок,
Зеница ока моего!
Знай, что мужчину узнают
В бою по храбрости его.

Растила зубы я твои,
Чтоб смог ты, сын, кусать врага,
Тебе дала я две руки,
Чтоб наземь мог бросать врага.

Тебе — чтоб мог ты в бой идти —
Дала я пару крепких ног,
Два глаза я тебе дала,
Чтоб ты врага увидеть мог.

Отвагу в грудь вдохнула я,
Чтоб храбро дрался ты с врагом.
Тебе я холила коня,
Чтоб в битву мчался ты верхом.

И вот великий твой народ
Тебя призвал для славных дел:
Дракон, разинув жадно пасть,
Ворвался в наш родной предел.

Он выскочит из-под земли —
Его ты саблей обезглавь,
Он с неба спустится, злодей,—
Без ног лежать его оставь.

В атаку если он пойдет —
Его ты танком раздави:
Пушай он на чужой земле
В своей же плавает крови...

Но если возвратишься ты,
Не сладив с дерзостным врагом,
Напрасно, значит, я тебя
Своим вскормила молоком.

Знай, что мужчину узнают
В боях по подвигам его.
Счастливый путь! Прощай, сынок,
Зеница ока моего!..»

Клянется матери джигит,
В руке винтовку крепко сжав...
Гудит пронзительный гудок,
Отходит воинский состав.

И долго мать ему вослед
Глядит, не в силах отойти,
И тихо-тихо говорит:
«Сынок, счастливого пути!»

1941

ПИСЬМО

Я не забуду слов твоих,
Трех слов, зажегших нас,
Я не забуду глаз твоих,
Горящих гневом глаз.

Сказав: «Умри иль победи!» —
Ты мне вручила меч.
Я с именем твоим в груди
Бросаюсь в бурю сеч.

Я крепну в яростных боях
С фашистскою ордой.
Найдет могилу враг в полях
Земли моей родной!

Я ночью не поддамся сну.
Лес темен, недвижим;
Я вслушиваюсь в тишину
Всем существом моим.

Чу!— шорох: как за волком волк,
Тревогою гоним,
Проходит чащей вражий полк
По просекам ночным.

Ну что ж, злодей, погибнешь ты,
Коль жизнь не дорога,—
Я, словно беркут с высоты,
Нагряну на врага.

Ударом молнии ему
Я сердце расколю,
Как море — волны подыму
И, хлынув, затоплю.

Кровавые потоки вброд
Не перейти врагу,
Он гибель черную найдет
На нашем берегу!

Он миру, как чума, грозит,
Как вор, ползет в наш дом.
Но в ужасе он побежит
Перед моим штыком.

О мать, не бойся за меня,
Приободришь и жди.
Несокрушимее кремня
Сердца у нас в груди.

Сквозь море пламени пройдет
Твой сын — и не сгорит,
Его и пуля не возьмет,
И сабля не сразит!

И сын твой званьем удальца
Тогда лишь станет горд,
Когда фашизм навек с лица
Земного будет стерт.

Сказав: «Умри иль победи!» —
Ты мне вручила меч.
Я с именем твоим в груди
Бросаюсь в бурю сеч.

1941

ЛЮБОВЬ

Пришла смущенная — с букетом роз.
«На память сохрани», — сказала ты.
В моих глазах застыл немой вопрос,
Мне руку обожгли твои цветы.

«Сегодня молодость — слуга войне,
Судьбу любви решит судьба войны.
Проверить на святом ее огне
Все чувства наши мы теперь должны.

А если не вернусь... Мой милый друг... —
И влагой грусти взор твой налился. —
Ты не забудешь обо мне...» И вдруг
С твоих ресниц закапала роса.

Я удержать не смел тебя, не мог,
И в западне забилося сердце вмиг:
Мне в нежности твоей звучал упрек,
Я совести своей услышал крик.

Да, нам теперь пути другого нет,
Нельзя теперь шагать другой тропой.
Как солнце месяцу выходит вслед —
Я на войну ушел вслед за тобой.

Нас разлучила грозная война,
Но в сумке я твои цветы держу —
И родины, и милой имена,
Скача в атаку, с нежностью твержу.

Преследуя захватчиков, губя,
Жестоко мстя за родину свою,
С клинком в руках стремлюсь к тебе любя,—
Струна любви не молкнет и в бою.

Чем горячее бой, чем он грозней,
Чем яростней сражаюсь я клинком,
Тем поцелуй мой мысленный нежней,
К тебе летящий легким ветерком.

А может быть, скитальцами в веках
Стать нашим поцелуям суждено?
Но любящим сердцам, презревшим страх,
И в гибели бессмертие дано.

Нет, не исчезнут наши имена!
На празднестве победы — будет час!
С живыми наравне почтит страна,
Овеянных легендами, и нас!

Вновь Украины расцветет краса,
Позолотит она поля свои,
В зеленые российские леса
Слетятся петь нам славу соловьи.

И колосом пшеничным встану я,
И заискрюсь горячей кровью вин,
И заиграет в розе кровь твоя,
Речную гальку превратит в рубин...

Нет, храбрых в жизни смерть не заберет,
Любовью смелых озарится мир.
Любимые, друзья! Родной народ
Победы ждет. Мы явимся на пир!

1942

ДЖИГИТ

Когда орел взмывает к тучам —
Вороны прочь летят:
Когда скакун бежит по кручам —
Ущелья вслед гремят.
Когда джигиты, ставши в стремя,
Вперед коней стремят —
Руби врага! Настало время.
Коси за рядом ряд!
Клокочет гневом сердце наше,
Так не щади врага!
Давно полна терпенья чаша,
Так не щади врага!
В боях отважен будь и страшен,
Вынослив будь, солдат!
Пусть наших рощ, лугов и пашен
Враги не осквернят!
В лесах, в степях, под высью звездной
Врага-гиену бей!
Пока враги не сгинут в бездне,
В огне геенны — бей!
Пока весь род их не исчезнет
С лица вселенной — бей!
Твои дела в нетленной песне
Потомки сохраняют!

Ты наш, ты рос под ясным небом
Отчизны дорогой.
Все ждут тебя. Столь жданным не был
Нигде никто другой.
Рази врага рукой героя,
Железною рукой!
Придешь ты — горы пред тобою
Седины преклонят.
Разбей скорее орды вражьи —
Фашизма злой оплот!
Тебя с победою, отважный,
Страна Советов ждет,
Ждет из далекого похода,
Считая дни, народ.
Сады, склонясь к журчащим водам,
Ждут, шелестят, не спят.

1942

ПРИВЕТ ГВАРДЕЙЦАМ

Вам, мужественным землякам, родным бойцам —
салам!

С наградой поздравляем вас, достойных храбрецов.
Мы шлем любимым сыновьям по точным адресам
Салам от ваших матерей, от братьев и отцов!

Для доблестных геройских дел вы были рождены.
Как соколы, через Памир вы мчались на конях.
Канал великий провели в долине Ферганы,
Золотоносный Зеравшан горит у вас в глазах.

И вот громите вы врага в огне жестоких сеч,
Бегут в смятении от вас фашистских полчищ тьмы.
Уложит тысячи врагов гвардейский грозный меч.
Встает победа, как заря, — и радуемся мы.

И громко славит наш народ дела богатырей.
Любовной гордостью сердца невест и жен полны.
И бьются горячей сердца отцов и матерей,
И ждут родные: в орденах вернутся их сыны.

Без промедления вперед! Победа нас зовет!
Полки врага гоните прочь, сметайте в ночь и мрак,
Пускай рожденья своего он день и час клянет,
Удар узбекского клинка пускай узнает враг!

1942

ДРУГУ, ИДУЩЕМУ С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Держи свой путь на запад, богатырь!
Твои друзья скорбят от горя злого,
Их города захвачены врагом —
У наших братьев нет угла родного.

Ты солнце скорбной родины, мой друг,
Окровавленных нив освободитель.
За стон и слезы гитлеровских жертв
Идешь ты в бой, как беспощадный мститель.

От крови пьян, взбесился живодер,
Петля и нож милей всего злодею.
Еще надеясь, бледный, ждет тебя
Старик в петле, накинутой на шею.

В боях твой друг ослабил мощь врага
И пал, убитый, на твою дорогу.
И жены ждут прихода твоего,
Тая нетерпеливую тревогу.

И дети плачут, потеряв отца,
И ждут тебя бессонными ночами.
Благословляют матери тебя,
Мечтая расквитаться с палачами.

Держи свой путь на запад, богатырь!
Подобно солнцу, ты придешь с востока.
Освободишь друзей из черной тьмы,
Куда насильник ввергнул их жестоко.

Поля, врагом истоптанные, ждут,
В ожогах черных, в диком запустенье.
Спешి туда! Бесплодные сады,
Тоскуя, чахнут в горестном смятенье.

Пока ты здесь — на Украине тьма,
Там не тюльпаны, там лишь кровь краснеет.
Пока ты здесь — там солнце не блеснет,
Пустых полей крестьянин не засеет.

Спеши туда, освободитель, друг!
Казни врага, у смерти вырви брата.
Где ты прошел — в сердцах народов скорбь,
Как снег под солнцем, тает без возврата.

Ответь таким ударом на удар,
Чтобы враги в беспамятстве бежали.
Держи свой путь на запад, богатырь,
Рассей в сердцах народа тьму печали.

Ночную тьму избавь от волчьих стай,
День золотой избавь от чужевластья!
На каждый холм, отбитый у врага,
Внеси багряный стяг труда и счастья.

1942

ОЖИДАНИЕ

(Бойцу)

Семя, брошенное в землю,
Так не ждет весенних дней,
Так не ждет влюбленный страстно
Встреч с возлюбленной своей,

Как, во вражеской неволе
Унижение терпя,
Люди, черные от горя,
С нетерпеньем ждут тебя.

Ждут тебя твои родные,
Ждет тебя родимый дом,
Родина, тебе доверясь,
Ждет победы над врагом.

Дрогнешь ты — и не иссякнет
В реках кровь...
Изранен, сир,
Лишь тебя, отважный воин,
С нетерпеньем ждет весь мир.

1943

РОССИЯ

О Россия! Россия! Могучая родина,
Беспредельно огромная, как небосвод.
Даже солнце, пока полпути им не пройдено,
Тебя сразу лучом своим не обоймет.

Поезда в многодневном пути задыхаются,
Пробежав от закатной черты на восход.
Птицы с неба не раз отдохнуть опускаются,
Совершая над ширью твоей перелет.

Сокрушит твоя сила все злые напасти,
Землю солнце любви твоей светом зальет.
Ты воздвигла твердыню свободы и счастья,
Где семья твоих братьев-народов живет.

Честь великая — дней своих встретить начало
В колыбели твоей, под напевы твои.
В каждом доме, где Пушкина имя звучало,
Дышит, свято хранима, и речь Навои.

О, какую громадою дум обняла меня
Моя память у дальних твоих берегов!..
И увидел я меч твой карающий в пламени,
Под Москвой опрокинувший орды врагов.

И когда в эти лютые зимние стужи
Птицы падают замертво в снег на лету,
Твои дети, могучие, храбрые мужи,
Гонят вражьи полки, как заря темноту.

Под лучами любви твоей солнце светлеет,
Под лучами любви твоей тают снега,
Но под гневом священным твоим цепенеет
И во прах сокрушается сила врага.

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я — твой сын, плоть от плоти твоей, кость
от кости,—
И пролить свою кровь за тебя я готов!

1943

ШИНЕЛЬ

Цвет твой — серой пыли цвет.
Ах, шинель моя, мой свет!
В дни, когда я шел к желанной,
Был я иначе одет.

Был к лицу мне, спору нет,
Шелковый узоротканый
Бекасам из Маргилана
В пору юношеских лет.

Но забота из забот,
Словно буря, палетела,
И в шинель меня одела,
И отправила в поход —

Прямо в край далекий тот:
Где жестокий бой идет,
Прочь от милого предела,
Где отцовский сад цветет,

Стан затягивает мой
Жесткий пояс боевой.
В битве будет не у дела
Поясной платок цветной.

А в ладонях у меня
Блещет вместо кетменя
Ствол, заряженный грозою
Смертоносного огня.

Как подушки пух, мягка
На ночлеге ты была мне
И в болоте, и на камне
Грела лучше тюфяка,

Ты мой спутник навсегда.
Если я убит не буду,
Я тебя не позабуду,
Не заброшу никогда.

На почетном месте впредь
Дома будешь ты висеть.
Шелк на праздник надевая,
С уваженьем на тебя я
Не забуду посмотреть...

1943

ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Тебе сегодня принесут цветы:
Опять настал день твоего рожденья.
Нуждаюсь я в крылатости мечты,
Чтоб прилететь к тебе с полей сраженья.

Тебе сегодня девятнадцать лет.
Я не с тобой. Но, в каждый бой вступая,
В себе несу я твой далекий свет,
Моя единственная и родная.

Стремясь к тебе, на синий небосвод
Мое взлетает сердце, словно птица.
Смотрю — оно свершает свой полет,
Во мне при этом продолжая биться.

Ты выйди в сад в вечерней тишине
И посмотри на наше небо в звездах,
Прислушайся к тому, как дышит воздух,
И на мгновенье вспомни обо мне.

Парит над спаленкой твоею птица.
Но кто она? Зачем она парит?
И на ночлег не смея опуститься,
О ком, о чем с тобою говорит?

Друзья пришли с речами поздравленья,—
Пусть будет в жизни все тебе дано,
Пусть все твои исполнятся стремленья,
Пусть опьянит гостей твое вино.

Но, проводив их, чашу подними ты,
Взгляни, какая в небе синева.
Увидишь ты простор, глазам открытый,
Услышишь птицы добрые слова.

А птица говорит: «Любовь крылата,
Привет расцветшей в девятнадцать лет,
Привет тебе от твоего солдата,
От всех, кто защищает нас,— привет».

Она поет: «Не надо удивляться,—
Я голос друга, боль его души.
Всегда тебе пусть будет девятнадцать,
Любимая,— он просит,— не спеши».

Он просит: «Переваливать не надо
За девятнадцать». Он вернется вновь,
И будет для тебя его любовь
Как прочная и нежная ограда.

Овеян славой, он придет домой,
Придет,— не сомневайся,— непременно,
Быть может, со звездой придет военной,
Но мир он принесет в наш край родной.

Поверь мне, он любви твоей достоин,
Сраженье он ведет за твой расцвет,
Когда б домой ни возвратился воин,
Тебе пусть будет девятнадцать лет.

О, не спеши,— так повторяет птица,
С небесной обращаясь вышины,—
Ты жди, не надо старше становиться,
Что лучше девятнадцатой весны?»

С надеждой выслушав слова привета,
Почувствуешь волнение и дрожь,
И в спальнку войдешь, и вдруг поймешь:
Возлюбленного сердце — птица эта!

1943

КОГДА УХОДИЛИ НА ВОСТОК

(Из цикла «Эвакуация»)

Под воем бомб, под смертоносным градом
Из городов горящих люди шли,
Из мирных сел, внезапно ставших адом,
Осыпанные комьями земли.

Шли люди, стоном небо содрогая,
Кровь застывала в колеях дорог.
Шли пахари, свой хлеб в полях сжигая,
Безвестный путь был страшен и далек.

«...Обычай мира верно мы хранили.
Ты, враг, его нарушил в черный час!
Будь проклят! Спать с тобой в одной могиле —
Позор и нестерпимый стыд для нас!

...Будь проклят, зверь, виновник лихолетья!
Будь проклят, черный изверг и палач!»
Шли старики, старухи, жены, дети.
С мычаньем стад мешался стон и плач.

Спаленные степною жаждой горла,
Растерянность, безумие и тьма,
Такая тьма, как будто распростерла
Над миром крылья древняя чума.

Глаза, засыпанные пылью, плача,
Не различают неба и земли.
Пыль над землей встает стеной горячей,
И броды рек — в удушливой пыли.

...Что им, в бесчувствии упавшим, снится,
Что ждет нагих, беспомощных, больных?
От пыли тяжелы их глаз ресницы,
Как лес, что преградил дорогу их.

Тот, потеряв ребенка, обезумел,
Тот вдруг лишился всей семьи своей,
И кто из них предполагал, кто думал,
Кто ждал беды внезапней и грозней?

Шли толпами. Шли, как морские воды,
Не ведая, куда они идут,
И где предел их страшного похода.
И где они приют себе найдут.

Лишившись крова, без воды и хлеба,
Шли люди, как гонимый ветром дым.
И утром кровью обливалось небо
И плакало от состраданья к ним.

С заката на восток, — не как когда-то,
Не от востока, — тек людской поток,
Как будто реки крови шли с заката,
Как будто кровью шар земной истек.

«Куда? — Леса шумели по дороге. —
Куда, родной? Куда от нас ушел?»
Земля хваталась за босые ноги,
Несжатый хлеб цеплялся за подол.

«Куда вы?» — плакал дождик на рассвете.
«Останьтесь!» — грохотала им гроза.
И беглецы не знали, что ответить.
«Куда? Идем, куда глядят глаза.

Нам все равно, где дни влачить на свете.
Где спрятаться от холода ночей.
Нам все равно, лишь только б наши дети
Не видели фашистских палачей.

Хоть, может быть, без крова и без пищи
Придется видеть нам своих детей,
Хоть, может быть, не сыщется жилища
Принять такое множество гостей,—

Мы все снесем, любые муки в мире
Мы выдержим, и в дальних землях нам
Любые подойдут весы и гири,
Но мы не покоримся палачам!»

1944

БАЛЛАДЫ

ШАХИМАРДАН

1

Прохладный ветерок,
По склону пролетая,
Пылающий флажок
Несет навстречу мне.
Здесь кровь кипевшая, за счастье пролитая,
В могиле каменной уснула в тишине.
Той кровью окроплен флажок, и неустанно
Трепещет на крутой горе Шахимардана...

Картины прошлого передо мной стоят —
Род умирающий спасенья ищет в мести.
Вот бай, мулла, кулак, собравшиеся вместе.
На языке их — мед, а в сердце — черный яд.
Ревнителю чалмы, поборники Корана
Смеются злобно на горе Шахимардана...
Круг жизни завершен — тебя уж больше нет.

Здесь ты родился, здесь и умер ты, поэт!
Картины прошлого стоят передо мной:
Плетутся лошади по тропке каменистой.
Скрипят колеса арб над самой крутизной.
Клубится пыль тропы над пылью водянистой.

Поток, могуч и скор,
С крутых сбегает гор —
Поток стремительный, поток Шахимардана,
Шумя, ворочающий камни непрерывно.

Картины прошлого стоят передо мной:
Живя среди красот, под синим сводом неба,
Среди хрустальных вод, среди листвы сквозной,
Несчастный человек, куска лишенный хлеба,
Отчаявшись, пошел против судьбы войной.
Вдоль тальника струясь, поющие арыки
Поили не его прохладною волной.
В его судьбе зима дышала и весной,
Несчастный человек и мученик великий,
Отчаявшись, пошел против судьбы войной.

Картины прошлого стоят передо мной:
С природой райскою Шахимардан гористый
Был баем превращен в постылый ад земной,
В обитель ужаса, в паучий дом нечистый.
Жестокий бай душил дехкан, шепча: «Аллах!»
Он грязною душой окутал страхом души
Людей, чья жизнь прошла в нужде, в голодных днях,
В арбах с чужим добром, в слезах, во тьме и стуже.
Прожившие всю жизнь с отчаяньем в сердцах,
Искали бедняки от бедствий избавленья,
Флажки святые с волосками на концах
Повесив на ветвях и плача в исступленье.
Часами кланяясь, молилась нищета
В местах безрадостных, где и не пахло богом.
«Благодарю, аллах... жизнь наша — суета...»
И вновь склонялись лбы к земле в смиренье строгом.
Как листья осени, унылы и желты,
Они светильник над могилой защищали.
Мечты о счастье — непрерывные мечты —

К порогу байскому их за землей толкали —
Как будто горсть земли от байского порога
Способна счастье дать, умиловить бога...

Так жизнь кончается у бедняка —
Раба, поденщика в чапане рваном,
Раба, что черствого лишен куска,
Раба, что и воды лишен глотка,—
Раба, родившегося под Кейваном.
Чужой себе и дому своему,
В своем углу, в жилище темном,
Живет он нищим и бездомным,
Растоптанным, поверженным во тьму...
Поэт, что красоту творит и ею дышит,
Поет свою газель,— но сам ее не слышит:
Он слышит стон рабов, и свист плетей,
И плач голодных маленьких детей...

2

Еще одна стоит картина предо мной:
Поют, журчат ручьи, играют с легким всплеском.
Вверху звезда горит над горной вышиной
И освещает все своим далеким блеском —
И горы, и ручьи — и весь простор земной.
И здесь поэт стоит.
Места, что мглой объаты,
Он хочет осветить, как яркая звезда,
Сердца, которые сосет паук проклятый,
Избавить хочет он от боли навсегда.

И завтра:
Тот, кто был задавлен байской властью,—
Батрак — войдет в колхоз, в могучий коллектив,

Ему не поднесут ведь на ладони счастье —
Он сам его возьмет, всех баев победив.

И завтра:

Не боясь ужасного колодца ¹,

Сарви произнесет:

«Пусть кровь моя прольется,

Пусть смерть моя придет,

Но я не задрожу.

Я сброшу черную, как тучу, паранджу!

Начну другую жизнь!

И чтоб ей быть счастливой —

Пусть пропадет навек закон Қорана лживый,

Аллах на небесах и в пренесподней дивы!..»

И завтра:

Пионер придет сюда веселый

И выбросит навек флажки святые вон,

И знамя красное над клубом и над школой

Он утвердит — как счастья нашего закон.

И скажет:

Праздник мы устроим на вершине

В честь пламенных сердец, не знающих преград.

Мы жизнь дадим степям, безрадостной пустыне —

Их мертвенный песок потоки оживят!..»

Почуяв смерть, дрожат мулла и бай свирепый:

Пришли богатыри, чтоб им за все воздать.

Их сила велика: не только рабства цепи —

Громады вечных гор им сокрушить под стать.

Шипят враги и днем, и в черный час вечерний,

Пылает ненависть, навет ползет, как вор.

---

¹ Женщин, нарушивших адат (мусульманский закон), фанатики, муллы и бай бросали в колодец.

Во тьме таившиеся, выползают черви,
Клубком коварных змей свернулся заговор.

Хамза Хаким-заде,
Любимый всем народом,
Их пламя черное ты погасить решил,
Ты за народ пошел на бой с проклятым сбродом.
Поэт! Против тебя — вся злоба темных сил!
За то, что ты восстал на скряг и на сутяг,
Продать готовых край, народ свой — за пятак,
Они тебе, поэт, смертельно мстить готовы:
Беснуются, шипят и злобно жаждут крови...

3

Сверкает над горами жаркий день,
Средь скал и круч звенит строка газели —
С вершин легко, как молодой олень,
Спускается Хаким-заде в ущелье.
Горячий день. Чуть дует ветерок.
А он поет, жары не замечает.
Меж тем поэта банда окружает —
И каждый выступ, каждый бугорок
Поэту лютой смертью угрожает...
С злорадным криком, предвкушая торжество,
Один бросается, как ястреб, на него,
Другой веревкой вяжет руки...
«Прочь с дороги!» —
Им голос времени приказывает строгий.
Но смерть уж близится...
Земля в глаза летит...
Сознание молнией внезапно бороздит
Горящий мозг...
И вот,

Как бы лишившись крыльев,
Поэт, что сладко здесь о будущем мечтал,
На окровавленные камни, обессилев,
Как дерево подрубленное, пал...

Хамза Хаким-заде, струится кровь твоя —
Сокровище бесценнейшее жизни.
Взгляни на свой кишлак, на горные края —
В последний раз, поэт, пошли привет отчизне!
Но поздно... ты лежишь...твой взор уже погас,
В твоей груди уж сердце еле бьется...
Хамза Хаким-заде, настал твой смертный час —
Дыхание с тобою растается...

У темных сил сегодня торжество.
Кичатся:
«Видели? Еще мы живы!..»
Но обмануть не смогут никого
Улыбка палача и байский голос лживый.
Вас, баи, окрылил кровавый ваш успех.
Хотите дни свои продлить, убив поэта.
Но знайте же, что вас переживет он всех
И не спасетесь вы, свершив злодейство это!..

4

Поток, могуч и скор,
Шумя, сбегает с гор —
Стремительный поток Шахимардана.
Вода его чиста,
Как светлая мечта
Людей, творящих счастье неустанно.
Навек рассеяв мрак,
Свободным стал батрак —

Нет больше баев ни в домах, ни в поле.
Мужая с каждым днем,
Шагает он путем
Зажиточности, радости и воли.

И слышится в горах поэта гневный голос,
И вместе с ним народ свободный говорит:
«Земля на два враждебных мира раскололась,
Один — почти мертвец, другой — живет, творит».
Так скажем гневно умирающему миру:
«Конец твой близится — наш приговор суров!
Всю жизнь, подобно жадному вампиру,
Безжалостно сосал ты нашу кровь!..»

Не умолкает гнев убитого поэта:
«О старый мир, взгляни на пышный сад земли,
Взгляни на те поля зеленые вдали,
Взгляни на вьющийся в горах арык —
Все это
Мы сами создали, взрастили, провели.
Ты слышишь, старый мир, как, падая с нагорья,
Потоки пенные поют среди камней
О наших прошлых днях, о безграничном горе
И о слезах, что чище горных всех ключей.
Все на костях на наших выросло,
А сами были мы приравнены к скоту.
Как лошадей, и нас камча хлестала,
Нам было и дышать неумоготу.
И на родных лугах,
Что столько благ таят,
Враги вкушали мед,
А нам давали яд!..»

Не умолкает гнев убитого поэта:
«О старый мир, весь век ты нашим жил трудом,

С утра до темноты и снова до рассвета
Зерно, как муравьи, мы в твой таскали дом.
Весь день голодные, под солнцем раскаленным,
В изнеможении мы падали без сил,
Но старый мир, склонясь над телом утомленным,
«Ты умер или жив?» — ни разу не спросил.

«О старый мир, весь век ты прожил, лицемера,
Слезой и словом был ты каждому родня,
Но ты на смерть раба взирал глазами зверя,
Корову ж павшую оплакивал три дня...»
Не умолкает гнев убитого поэта:
«О старый мир, тебе спасенья не найти!
Мы выполним слова великого завета:
Разрушим старый мир — другого нет пути!
Нет места вам у нас, насилие и лживость,
Исчезни, старый мир, — чудовище, дракон:
Вот нашей жизни цель, вот наша справедливость.
Вот счастья нашего ликующий закон!...»

5

Прохладный ветерок,
По склону пролетая,
Пылающий флажок
Несет навстречу мне.
Здесь кровь кипевшая, за счастье пролитая,
В могиле тихой спит на горной крутизне,
Поет Шахимардан — как прежде и не пели —
На утренней заре и в полуночный час.
И в песне вод его, и в горной колыбели
Так много красоты, родившейся для нас.
И день и ночь поет река, не уставая,
Вот так и наша жизнь колхозная поет.

Величье дней и счастье создавая,
Народные сердца она к себе влечет.
И этим счастьем враг хотел владеть навечно.
Но с кровью у врага мы вырвали его,
И в этом — наша мощь, и наша человечность,
И наша истина, и наше торжество.
Ушли навеки дни муллы, ишана, бая,
Настало время хлопкороба и ткача.
То время новое, как солнце, улыбаясь,
Нам светит в лампочках чудесных Ильича.

...С вершины громкий голос раздается —
И вторит все ему на тысячи ладов.
Он в каждом вольном сердце остается,
Он в шуме ветерков и в шелесте садов.
То — голос воина-певца, чье сердце было
Гранита тверже и нежнее роз,
Чья песенная закипела сила,
Чье имя носит с гордостью колхоз,
Кто в наших песнях жив, и в детских взорах,
И в заплескавшей в степи воде,
И в тех делах, которыми везде
На благодатных солнечных просторах
Прославился колхоз «Хаким-заде».

1932

МАСТЕРСТВО

1

Сверкая, пламенея, день встает,
Ушедшей ночи поступь так легка.
Дыханье утреннего холодка,
Листовою шелестя, меня зовет,
Любви и жизни голос подает.

Не звук азана разбудил меня,
Не бай угрозой понудил меня.
Расчесывая волосы полей,
Осенний день зовет: «Иди скорей!»
Лыства над головой шумит: «Пора!
Спешите в поле, хлопка мастера!»
И радостно мы ото сна встаем
И, бодрые, в поля свои идем.

2

И вот — родное поле,
хлопок, хлеб...
Здесь родился я, вырос и окреп.
И много поколений здесь до нас
Рождалось и встречало смертный час.

Смерть, как колючка в пятке, как репей,
Дорогой прицепившийся к поле,
Была обычным делом для людей,
Изнемогавших в байской кабале.
Равно и юноши, и старики
Здесь гибли от безжалостной руки,
Здесь миллионов жизней молодых —
Весенние растоптаны ростки.
Был их удел — нужда и кабала,
Рубля на саван не было у них.
И это был народ! Он погибал.
Так, оседая, падает стена,
Подмытая разливом бурных рек.
Не смерть, а жизнь отцов была страшна.

Рабом тогда рождался человек,
Ничем не защищенный от обид.
На самой тощей и сухой земле
Таскал омач и сеял он чигит.
Весь урожай бай забирал себе.

Когда ж народ оружие подымал,
Отчаявшийся в боге и в судьбе,
Его каратель бешеный топтал,
И кровь по рассеченным лбам текла.
Жизнь бедняка зависимой была
Лишь от того — успеет он иль нет
Снять урожай, пока не выпал снег.

3

Теперь по всей республике моей
Мы славим знатных мастеров полей,
Собравших небывалый урожай,

Обогадивших свой колхоз, свой край.
О мой народ!
Счастливая моя,
Родная
Большевицкая семья.
Моя отчизна, мой Узбекистан!
Со склонов снежных величавых гор,
От рек, чьи поймы не охватит взор,
За неизведанный степной простор
Ты золотые поля распростер.
Как пущенная с тетивы стрела,
Как сильный сокол, распахнув крыла,
Ты поднялся в великий перелет.
Тот путь не проходила и звезда,
Не пролетала птица никогда.

Как будто снегом убелен простор,
Раскрылся хлопок. Вся страна — на сбор!
Теперь богатство это — наше, друг!
Богатство это — дело наших рук.
Гордитесь урожаем, мастера!
Нужда, беда остались во вчера,
Как по пустыне тяжкий переход.
Теперь хозяин жизни — сам народ.
Природу победил свободный труд,
И новые поля вокруг цветут.

В грядущее высокий строим мост,
У нас в глазах сиянье новых звезд.
Эпохой нам задание дано
В сознании людей стереть пятно,
Родимое позорное пятно,
Капитализма черное пятно,
Так, чтобы стал отныне и вовек
Свободным, сильным каждый человек.

Путь впереди велик,
но ни на час
Энергия не ослабевает в нас.
Необходимым всем вооружен,
Наш конь в поход, как птица, устремлен
На труд великий, на последний бой
За овладенье главной высотой,
С которой беспредельная видна
Ширь коммунизма,
вечная весна.

1933

ЖИЗНЬ СТАРИКА

«Жаль, что жизнь прошла,— вздыхает старик,—
Жаль, что мало мне остается жить,
Я уже на краю могилы стою,
Дней моих остаток — короткая нить —
На исходе, и горестно мне, что нельзя
На вершок хотя бы ее удлинить...»

Взором пристальным он следит за тем,
Как, выращивая на лугах цветы,
Неустанным трудом прекрасный ковер
Ткет красавица жизнь.

«Все свои мечты,
Все богатства свои,— говорит старик,—
В дар подруге-весне, жизнь, приносишь ты!»

Как волшебен и красочен жизни узор!
Рядом с девушкой, чьи щеки цветут,
Словно розы, и седовласый старик,
Словно юноша сильный, трудится тут
Со старухой, в чьей памяти, словно во сне,
Дни загубленной в рабстве весны живут.

Дружно трудятся все, и радостный труд
Молодит сединой убеленных людей,
Возвращает им свежесть весенних дней.
Да, весна труда, как цветущий луг,
Где цветы и травы подобны мечте —
Столько прелести в яркой их пестроте,
И невольно, только глянешь вокруг,
Позавидуешь сердцем их красоте.

Стариковское сердце сжигает тоска,
Восклицает он, губы кусая: «Товба! —
Рвет халата ворот.— Ужель не судьба
Мне увидеть побольше радостных дней!
Жаль, что жизнь прошла»,— вновь вздыхает он
И скорбит в глубине души своей.

И старик —
В Мулькабаде его старей
Ни единого нет человека,—

старик,

Чья спина в подневольном согнулась труде,
Нищий, жалкий батрак, раб, что в прошлом
привык

Только к голоду, муке, горю, нужде,
Ожил, жизни впервые увидев свет,
Яркий свет, разлившийся в эти дни.
Долго жил старик...

Девяносто лет —

Срок немалый... И на своем веку
Многих дел он свидетелем был.

Жизнь его —
Словно длинная повесть, и старику

Стоит только начать рассказ о былом
И слова, точно реки с гор, потекут.
Сколько раз сыпучие эти пески
Ветер с места на место перегонял!
И как эти барханы, что высятся тут,
Долго старый по этим местам кочевал,
Здесь на баев работал он, здесь голодал,
Здесь, бывало, не раз приходилось ему
Понапрасну стучаться в чужую дверь.
Так он здесь и состарился, и теперь
В Мулькабаде знают:

его старей

Не найдется во всей округе людей,
Но впервые, на склоне долгих лет,
Жизни радостной он увидел свет.

*

В Мулькабаде шел великий спор,
Испытанье грозное сердец.
И барханы, и полей простор,
Все равнины из конца в конец,
Все, кто в рабстве жил до этих пор,
В горе жил, потупя в землю взор,
Ждали, чем решится этот спор.

Как бороться с правдою лжецу,
Как ее осилить может вор?
С баем встретиться лицом к лицу
Раб его недавний — чайрикер,
И друг друга угольями глаз
Каждый был готов на месте сжечь,
Бая не могли спасти сейчас
Ни обман, ни вкрадчивая речь.

Козни бая и его друзей,
Все, что здесь исподтишка злодей
Замышлял, чтоб власть свою вернуть,
Чтоб закрыть дехканам к счастью путь,
Их дела, что полночи черней,
Смело пред судом раскрыл старик.
Мстителем бесстрашным был старик,
Он обман и зло изобличил,
Жала острого змею лишил.
Как проклятый ни юлил, ни лгал,—
Правый суд злодея покарал.

Так закончился великий спор.
Сбросил тяжкое ярмо узбек.
Кишлаки избавились с тех пор
От отребья подлого навек.

Вместо жалких узеньких полос,
Что сдавали бай нам внаймы,
Всей землей теперь владеем мы,
И растет и крепнет наш колхоз.
Славится на весь родимый край
Наш колхоз «Дзержинец».

Что ни год,

То богаче хлопка урожай
Он отчизне-матери дает.

*

За весной весна идет вослед,
Тал к ручью шумливому приник,
И, как будто скинув бремя лет,
Вновь увидел молодость старик.

Все вокруг — свободный труд дехкан,
Трактор, утром выходящий в путь,—
Распрямляет сгорбившийся стан,
Наполняет новой силой грудь.

Нелегко ему еще порой
Разумом все новое объять,
Но вперед стремится он душой:
«Ведь нельзя от жизни отставать!»

Он на склоне долгих лет постиг
Лицемерье и продажность мулл,
От мечети взоры отвернул
Правды свет увидевший старик.

С гулом мчится времени река,
Волны светлые о берег бьют,
Сыновья и дочери старика
Новой жизнью радостно живут

Сколько внуков у него... На них,
Боевых, веселых, молодых,
День-деньской не наглядится он:
Ясным солнцем путь их озарен.

*

Вспоминает порой старик о былом:
«Знайте, внуки, рабыней у бая была
Ваша бабка, а я был его рабом,
Ни жилья не имел своего, ни угла.

Наркузы, твой отец не мог для детей
Серой бязи хоть пол-аршина купить.
Мать зато мастерицей слыла среди людей
На заплату снова заплату лепить».

Вел он речь о царе, что народ угнетал,
О жестокости баев, их черных делах,
То, внезапно смолкнув, только вздыхал,
Вспоминая с болью о тех временах.
Помолчит он, очнется — и видит: вокруг
Уж затеялись игры, в разгаре спор —
Младший внук, похваляясь силою рук,
С каждым рвался скорей заключить договор:
«Знаю, готовитесь все вы сейчас
К сбору хлопка...» — «Да, он уж не
за горой...» —
«Так пусть же тогда любой из вас
Соревнуется в этом деле со мной!»
А старик улыбался и говорил:
«Лезть в петлю лишь только барану
под стать,
Но все ж, хоть я стар, а хватит сил
И двоих таких, как ты, обогнать!»

*

Что ж, хотя наступил уже
Вечер жизни для старика,
Не сидится на месте ему —
Вновь по улицам кишлака,
По выгону и по полям
Опершись на посох, идет,
Словно хочется оглядеть

Напоследок все, что цветет,
Чудеса творятся кругом,
Как прекрасно, как солнечно тут!..
И у старого по щекам
Слезы радости светлой текут.

«Не увидишь горя нигде
И не встретишь былой нужды.
«Ты хозяин наш!» — говорят
Мне все эти поля и сады.
Одного мне жаль, что нельзя
Снова юным и сильным стать,
Чтобы сызнова счет годам
С этой светлой поры начать».
«Как печально,— думает он,—
Что подходит к концу мой путь
В дни, когда наконец могу
Счастье полным ковшом зачерпнуть,
Мне годами горя и бед
За него пришлось заплатить.
Тяжело расставаться с ним,
Право, хочется жить и жить».
А в былом — он смерть призывал
И, стеля для себя кошму,
Думал он, что лучше всего
Вечным сном уснуть бы ему.

А теперь, на старости лет,
Он большого счастья достиг.
«Так легко ли расстаться с ним?» —
Вновь и вновь вздыхает старик.

Горько думать: последний почет
Скоро люди ему воздадут —
Весь кишлак придет проводить
В путь печальный его табут.

*

И снова старый жизнь свою
Перебирает день за днем.
Немало войн, убийств, смертей
Он видел на веку своем.

Набеги вражды, кровь, резня
Ушли в былое, словно сны,
Но ярко в памяти встают
События одной весны.
Был радостен ее приход.
Как заждалась ее земля,
Как пили вешнее тепло
Позеленевшие поля!

Бурлила, клокотала жизнь,
Но не весна избытком сил —
Народа богатырский труд
Пески пустынь животворил;

Дыханье жизни не она
Дарила высохшим пескам,
А сила, что дехкан вела
К победам, к ясным светлым дням.

Мы всей колхозною семьей
В полях трудились... Ни души
Не оставалось в кишлаке.
Построив наспех шалаши,
Мы спать ложились на часок —
И вновь за труд...
Заветный срок
Был близок... Праздник наступал,

Победы знамя расправляя
Над всей страной Первомай,
И наш счастливый вольный край
Своим успехом трудовым
Стремился праздник увенчать,
Как сына наряжает мать,
Готовясь к праздничному дню,
Так нарядилось все кругом.
Уже был праздника канун,
И мысли светлые о нем
Владели сердцем старика.
Он по полю спешил домой,
Чтоб встретить праздник всей семьей,
Как вдруг еще издалека
Он увидел — средь кишлака
Толпился и шумел народ.
Какая же стряслась беда,
Когда и воздух напоен
Дыханьем праздника труда?..
И ускоряет он шаги:
«Чей слышен плач, что там орут?
Чье тело четверо дехкан,
Согнувшись, сумрачно несут
К его порогу?» — Он туда,
Не понимая ничего,
И вдруг, увидев мертвеца,
Узнал в нем сына своего.
Дыханье счастья, цвет надежд,
Все, что любил он, было в нем.
Старик на тело сына пал,
Как дуб, сраженный топором.
Померкло солнце, свет погас!
Отчаянье сдавило грудь,
И старый сына обнимал,
Стараясь жизнь в него вдохнуть.

И люди в горести над ним
Склонились... Замерли слова,
И слышно было, как вокруг
Шуршала жухлая трава.
Вдруг чей-то голос прошептал:
«Бежал сегодня Кадыр-бай
И напоследок осквернить
Решил злодейством светлый май.

В мечети часто по ночам
Он собирал тайком друзей,
Должно быть, свой творя намаз,
О мести помышлял злодей.

Недалеко от кишлака,
Где начинается овраг,
Успел свой замысел свершить
Перед побегом подлый враг.

Я говорю не для того,
Чтоб слезы брызнули из глаз,
Хоть лучшего средь нас змея
Ужалить в свой предсмертный час

Успела... Пламя гнева пусть
Пробудится в сердцах дехкан!»
И распрямил старик отец
Свой сгорбленный годами стан.

И, гнев и горе затая,
В молчанье люди к телу шли,
И думал каждый: «На борьбу
За свет и счастье для земли

Пойдем мы дружною семьей.
И ты, старик, не одинок:
Мы вместе встретим светлый день,
Победы полной близок срок!»

*

По улицам родного кишлака
Идет старик, и ясен взор его.
Куда ни глянет — радостно душе:
Везде, во всем народа торжество.

Ведь что ни день — то радостная весть,
И дням таким ни края, ни конца.
Как люди выросли, как вольный труд
Преобразил их лица, их сердца!

Ему не спится. В мыслях по ночам
Он с посохом идет землей родной,
Он видит жизнь и радуется ей,
И на душе и счастье, и покой.

Когда же он достигнет наконец
Предела жизни и померкнет взор,
Он не оставит нищими детей,—
Не разгорится подле гроба спор,

Позорный спор, как в давние года,
Когда дороже, чем сестра, чем брат,
Была одна каса, одно ведро,—
Все то, чем был бедняк в те дни богат.

Нет, иначе на свете повелось —
Сын не спешит похоронить отца.
Все трудятся, все радостно живут,
И озаряет счастья свет сердца.

Достигнет он предела жизни... Что ж,
Покроет саван бороду его,
Но счастья будет шириться река,
И вечным будет жизни торжество.

1934

ПОВЕСТИ ДВУХ ДЕВУШЕК

В тот час, когда закатно рдея,
Уходит солнце на покой,
Пришли две девушки на берег,
На камень сели вековой.

На чистой глади вод прозрачных
Их красота отражена.
Горят две пары глаз девичьих
На ложе мраморного дна.

Одна вплетает розу в кудри,
Другая сбросила платок,
И волны кос ее душистых
Расчесывает ветерок.

Над ними облака белеют
И отражаются в реке.
Рассказывают две подруги
Две повести о Чирчике.

ПЕРВАЯ ПОВЕСТЬ

На берегу реки когда-то
Жила красавица одна.
Совсем одна. Дружили с нею
Лишь небо, ветер да волна.

Однажды юноша приехал
Из чужедальной стороны.
Расспрашивал о ней повсюду —
У птиц, у ветра, у волны.

Но даже друг ее заветный —
Весна ответила: «Поверь,
Я и сама скорблю и плачу,
Не зная, где она теперь».

Ища ее, чтоб отразиться
В чудесных девичьих очах,
Река неслась, рвалась, кипела,
Вселяя в души смертный страх.

Ярьась, посевы затопляла,
О берег билась, ошалев;
На всем живом, на всем цветущем
Безумный вымещая гнев.

И небо одевало траур,
И слезы лили облака,
Но не стихала — клокотала,
Вольнолюбивая река.

Ковры парчовые раскинув,
Устлав цветами все вокруг,
Весна томилась, ожидая
Прекраснейшую из подруг.

В горах тюльпаны расцветали,
Снег оседал, текли ручьи,
Удручены разлукой с нею,
Стонали в рощах соловьи.

Везде краса, и лишь прелестной —
Как не было, и след исчез.
От огорченья даже звезды,
Срываясь, падали с небес.

Могуч был юноша. Он гору,
Ударив, мог рассыпать в прах.
Летучих облаков касался
Железных рук его размах.

Но сердце юноши сжигала
Неугасимая любовь.
Скорбя, он приходил на берег
И днем, и ночью, вновь и вновь.

Он говорил: «Скажи, волна, мне,
Как звать ее? Скажи, волна!»
Он и скалу просил, тоскуя:
«Скала, скажи мне, где она?»

Скала ответа не давала,
Спала безмолвна день и ночь.
Река бессонная вскипала
И уносила волны прочь.

Безмолвна, как скала, бессонна,
Как с гор сбегающий поток,
Таилась девушка. Неведом,
Невидим был ее чертог.

А юноша не знал покоя...
Сменялась за зарей заря,
Листва алела, опадала,
В пожаре осени горя.

И вновь весна своих узоров
Плела расцвеченную пить...
А той все нет, к ногам которой
Он море слез готов пролить.

Лежал в ущельях снег алмазный,
Сверкая вечной белизной.
Лежал незыблемо, не таял
Ни жарким летом, ни зимой.

Над тучами, над облаками,
Как стража мира, как дозор,
Жемчужно-белыми чалмами
Касались неба гребни гор.

И юноша всходил на горы.
Что ему буря? Что обвал?!
Он шел и шел, одолевая
За перевалом перевал.

Спал на снегу, вставал с рассветом
И снова, снова — в путь, как в бой,
Давя снега, как будто львиной,
Тяжелой каменной стопой.

В долинах шел, в степях скитался
Ни день, ни месяц — много лет.
И вновь на берег возвращался,
А девушки все нет и нет.

Но где ж она? И где спасенье
От этой огненной тоски?
Решил он гору опрокинуть
На грудь стремительной реки.

Он, запрудив горою реку,
Похвастать силою хотел.
Он дерзостью такой безумной
Сквитаться с милою хотел.

И схватка началась. Ревела
В бессильной ярости река,
Гора гудела и трещала
В руках железных смельчака.

И он сломал ее и бросил
С размаха в реку, и река
Взлетела тысячами молний,
Пронзая в небе облака.

И тут вот девушка возникла
Подобно солнцу. И тогда
В реке затихшей отразились
Долины, горы, города...

А дерзкий вновь огромным камнем
Хотел взмахнуть, но в этот миг
Глаза красавицы сверкнули,
И он, затрепетав, поник,

За грудь схватился, зашатался
И, потеряв остаток сил,
С расколотым на части сердцем
Упал и камень уронил.

Окончила рассказ подруга,
Сказав: «Тому уж много дней».
И вдруг взглянула изумленно
На камень, что лежал под ней.

«Смотри! Вот он, тот самый камень,
Что выпал из могучих рук!»
И по реке вечерней тихо
Разлился нежный смех подруг.

«Да,— молвит девушка другая,—
Тот камень стал скамьей для нас.
Теперь послушай, дорогая,
Другой о Чирчике рассказ».

ВТОРАЯ ПОВЕСТЬ

Течет, бурлит река шальная,
Течет, бушуя, сотни лет.
В ее груди сказаньям древним
И древним тайнам счета нет.

Рожденная в снегах нетленных,
Навеки в сердце лед храня,
Она торопит с гор в долины
Алмазногривого коня.

О чем шумит, что хочет эта
Необычайная река?
Ее такую сотворили
Чье озаренье, чья рука?

Где человек, раскрывший тайны
Ее мятущейся волны,
Где тот, кому ее загадки,
Ее стремления ясны?

Не раз, не два пытались люди
Смирить ее мятежный нрав,
Но низко головы склоняли,
Свое бессилие признав.

И не одна душа навечно
В ее волнах погребена.
Вот почему рыдания, стоны
Доносятся с речного дна.

А ей ничто! Ломая скалы,
Она бежит вперед, вперед.
Бежит кипящая, как лава,
И все ж холодная, как лед.

Но в ней и благо. В каждой капле
Она несет горячий ток.
Порою даже гальке влажной
Дарует жизнь ее поток.

И долго тайну этой силы
Не мог постигнуть человек.
Река дарила и губила
Из года в год, из века в век.

Но не напрасно за свободу
Боролся в Октябре народ.
Раскрепощенная наука
Пошла стремительно вперед.

И вот недавно к нам в долину
Приехал мудрый инженер.
Как воду, впитывая знанья,
Проник он в тайны многих сфер.

Всю жизнь свою отдав наукам,
Служеньем родине горя,
Он изучил все реки мира,
Озера все и все моря.

Приехав, о своей задаче
Поведал этот человек —
Сказал собравшимся, что знает,
Как реку усмирить навек.

Сказал, что ныне для науки
Неодолимых нет преград,
Что даже нашу реку можно
Взнуздать и повернуть назад.

В работе показал машины,
Раскрыл нам смысл полезных книг,
Сказал нам, что, учась, мы сможем
Достичь всего, что он достиг.

Тогда к нему, как ливень хлынув,
Потек народ со всех сторон,
И с лучшими из многих тысяч
Большую стройку начал он.

Заполнилась людьми долина.
Потом почетный старожил
Для стройки первый ящик глины
Сам накопал и замесил.

С тех пор упорно, неустанно
В долине трудится народ,
Чтоб умножалось наше счастье
День ото дня, из года в год.

Тут нет ленивых. Днем и ночью
В гранит вгрызается кирка,
Чтоб новое родила солнце
Неугомонная река.

Растет могучая плотина
И заграждает путь волне,
Вздымая бешеную реку
С горой крутою наравне.

А после с высоты нагорной
Вниз упадет река. Тогда
Мильоном новых солнц заблещут
Все кишлаки и города.

Не будет яростных разливов,
И успокоится народ.
Не будет множества несчастных,
Погибших в дикой пляске вод.

«Быть может, утонул мой мальчик»,—
Ища сынка, не скажет мать;
Тревожась, не придет на берег,
Не станет реку проклинять.

Тогда в долинах изумрудных,
В цветущих бархатных полях
Жизнь станет райскою. Исчезнут
Слова «несчастье», «горе», «страх».

Дома просторные построив,
Забудут люди чад лачуг,
И солнце в ночи их навечно
Войдет, как верный добрый друг.

И все заветные желанья
Тогда окажутся просты,
И человек, века страдавший,
Перешагнет порог мечты.

Рекою будет литься радость,
Сверкать алмазным родником.
Во всей стране, в селенье каждом
Не будет горести ни в ком.

Встречая соловьев приветом,
В долинах розы расцветут,
И соловьи в жемчужных трелях
Прославят вдохновенный труд.

И назовут долиной счастья
Холмы и доли Чирчика...
Вот эту тайну, эту силу
Веками прятала река...

Тогда тот инженер ученый
Всех местных пригласит на той —
На многодневный праздник счастья,
На праздник славы трудовой.

Он будет сорок суток длиться
И дни и ночи напролет.
И вместе с нами вся природа
О нашем счастье запоет.

И скажет инженер народу:
«Друзья, ответьте мне сейчас —
С несбывшимся большим желаньем
Остался кто-нибудь из вас?»

И все ответят инженеру:
«Несбывшихся желаний нет».
И подойдут, и поцелуют,
И пожелают долгих лет.

ЭПИЛОГ

Тут девушка легко вздохнула,
С улыбкой косы заплела,
Смеясь, взглянула на подругу
И речь такую повела:

«А как ты думаешь, подружка,
Что, если внешнею порой,
Не тратя время по-пустому,
Пойдем туда и мы с тобой?»

Того ученого увидим,
Работать будем вместе с ним.
И, может, знающими станем
Под стать строителям другим».

Задумалась ее подруга
И в воду бросила цветок;
В ее сознание мысль за мыслью
Стремилась, как речной поток.

Как будто въяве, возникали
Картины дружного труда...
И вот она решилась: «Ладно!
С утра и мы пойдем туда».

Смеркалось. Шли домой подруги,
Их цель была светла, ясна...
И в двери их вошла, ликуя,
Большая яркая весна.

А бурная река ревела,
Крошила берега свои.
Со всех сторон гудели ветры,
И в рощах пели соловьи.

1935—1937

САМАРКАНД 21 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

Тот день не позабудется вовек,
В воображенье оживает он.
Как стан аистов, кружился снег,
Весь мир был белым снегом занесен.
В густом снегу все ветки и кусты,
В снегу, запахиваясь на бегу,
На площадь торопились старики.
И дети пробирались сквозь пургу
Между садов из дальних кишлаков,
И женщины бежали, все в снегу,
Отбрасывая паранджи покров.

В волнении великом вся страна,
Огромная печаль у всех одна —
Печаль утраты горше всех утрат.
Кто ж в том всеобщем горе виноват?
Какая весть сердца живых прожгла,
Как огненная грозная стрела?
И в изумлении старик один
Спросил в толпе у сына своего:
«Кто был тот человек, скажи мне, сын,
Что провожает весь народ его?
И ведь не в Самарканде умер он,
И даже не жил в наших он краях!»

Так почему ж печаль во всех глазах,
И тьмы людей пришли со всех сторон?»
«Сегодня умер Ленин! — сын в ответ.—
Таких, как он, еще не видел свет!
Стара вселенная, и много в ней
Рождалось мудрецов, богатырей.
Но Ленин всех великих превзошел.
Всю книгу жизни мира он прочел,
В ночи кромешной, в заточенье он
Голодных миллионов слышал стон.

Свой гнев он на тиранов устремил
И тиранию в пепел превратил.
В твердыню мрака рухнули врата,
Исчезла вечной ночи темнота!
Сквозь ураган провел он караван
Опустошенных, разоренных стран
И вывел страны на великий путь,
Где светит солнце, вольно дышит грудь!
Он хлеб голодным, кров бездомным дал,
Он беднякам навечно землю дал.
Будь жив сейчас могучий Прометей,
Огонь небес добывший для людей,
Увидев Ленина, он на вершинах гор
Порвал бы цепи, вышел на простор!
И вот кого смерть нынче унесла!
И вот чья смерть скорбь эту навлекла!
Все будет мало — сколько ни скорбим.
Не хватит в мире слез — рыдать
над ним!»

Печаль в глазах народа моего,
Печаль и скорбь в душе большой его.
Как море, дышит площади жерло.
Как море, толпы дышат тяжело.
И души-волны мчатся без конца,

И бьются, как морской прибой, сердца...
И снег валил. Косматый, талый снег,
Как хлопок белый, небывалый снег.
И облаков, тот снег несущих, мгла
Тяжелой тенью по земле легла,
И тени той, казалось, не отвести...
И в сумерках все гуще падал снег.

В воображенье оживает весь
Тот день, незабываемый навек.

1938

Иль ты родился не мужчиной?
Иль ты и мне и людям лгал,
Был трусом бледным и личиной
Джигита трусость прикрывал?

Львы — деды в битвах, хмурия брови,
Смерть презирая, шли вперед!
А у тебя нет ложки крови,
Чтобы пролить за свой народ?

Так до какой же ты решился
Последней отступать черты?
Иль той земли, где ты родился,
Совсем лишиться хочешь ты?

Ну, а потом тебя куда же
Глухая занесет судьба?
Тогда сам бог не сыщет даже
Скитающегося раба!

В чужбине дни влачить уныло
Средь унижений в море тьмы,
Хоть землю для своей могилы
Надеясь получить взаймы?..

Нет, сын! Придет пора иная,
Всех наших бед сотрется след,
Но внуки, труса вспоминая,
Стыдиться будут сотни лет.

А я утешусь только вестью,
Что милый сын мой храбр в бою,
Мне лучше, чтоб он умер с честью,
Чем бегством спас бы жизнь свою!

Вперед, мой сын! Назад — ни взгляда!
Пусть шаг твой в прах врага сотрет.
И если ранен будешь — падай,
Идя вперед! Лицом вперед!

Ты выбери из чуждых страху
Джигитов друга на войне.
Окровавленную рубаху
Твою он пусть пришлет ко мне.

Как знак священный искупленья,
Надену я ее тогда,
Я в ней пройду через селенья,
Через большие города.

«Вот,— скажут все, где ни пройду я,—
Мать истинного храбреца.
Он умер за страну родную,
Был верен клятве до конца!..»

Безмолвно, твердо и сурово
Встает Турсун в ряду бойцов.
Нет! В мире не родилось слово
Сильнее материнских слов.

Он стиснул яростней и крепче
В руках оружие свое.
И слово матери он шепчет,
И видит пред собой ее.

И в грозном смутном гуле боя
Он слышит голос матери!
В песке, хрустящем под ногою,
Он слышит голос матери!

Он слышит в непрерывном вое
Снарядов — стоны матери,
Во взрывах бомб над головою —
Крик иступленный матери!

Река померкшею струею
Течет, как слезы матери...
Склонились ветлы над рекою,
Подобно скорбной матери.

Мать чем-то огорченной
И строгой сыну кажется,
И ей в глаза взглянуть смущенный
Не может сын отважиться...

Но гневный, яростный, бесстрашный,
Прыжками мчится он вперед,
В жестокой схватке рукопашной
Ударом каждый шаг берет.

Враги бегут, оставя поле,
Скрываясь за прибрежный склон.
Грудь у него в крови, но боли
Не чувствует, не слышит он.

«Теперь ни ран, ни смерти даже
Я не боюсь!» — он говорит.
«Пролью хоть море крови вражьей —
Я не упьюсь!» — он говорит.

И мать встает над мглой степною,
Как пристально глядит она!
«Вперед, мой сын! Вперед, за мною!» —
Как будто говорит она.

И тучи с гор, очеловечась,
«Спеши! — из-за полей гремят,—
Без жалости всю эту нечисть
Кроши!» — все веселей гремят...

И он неудержимо колет
Врага бегущего штыком,
Не чуя ран, не слыша боли,
Одежда вся в крови на нем.

Как пуля звонкая, он мчится,
И вдруг осколком поражен,
Как влет подстреленная птица,
С размаху наземь рухнул он.

Кровь хлещет из глубокой раны
Ключом на вытоптаный луг,
Опершись на локоть, туманно
Он озирается вокруг.

Вся степь, покуда глаз хватает,
Покрыта трупами врагов,
Темнеет, запад угасает,
Клубится мгла между холмов.

А где друзья? Вот,— их колонна
Вброд перешла через реку,
И уж наводит мост понтонный
Вослед идущему полку.

И облегченно и глубоко
Вздохнув, джигит смежает взгляд,
Похож на тихий, на широко
В полях разлившийся закат.

На свежем беспредельном ложе
Уснул он или умер он?
Но смерть его на сон похожа,
На смерть его походит сон.

Под мглою ласковой, усталый
Лежит он среди родных полей,
Лежит он, как ребенок малый,
В объятьях матери своей.

1942

СЛЕЗЫ РОКСАНЫ

Как ветер, закруживший прах,
По темным тропам Шахрихана
Плутая, кружится Роксана
Со свертком малым на руках.

Молчаньем скован скорбный рот.
Она бродяжкой бесприютной
То в узких улочках мелькнет,
То в степь умчится тенью смутной.

То удаляется она,
То исчезает вдруг из вида,
Как будто бы нанесена
Душе смертельная обида.

Постой, молодка, погоди,
Поведай: что с тобой случилось?
Что прижимаешь ты к груди?
Зачем ты ночью всполошилась?

Кого ты ищешь над рекой,
На улицах безлюдных, в поле?
Какой гонима ты тоской?
Куда спасаешься от боли?

Напрасны были бы слова —
Роксана ничего не слышит
И, различая путь едва,
Бежит, бежит, надсадно дышит.

Со свертком мечется своим...
Его ли хочет спрятать где-то
Иль хочет вихрем кочевым
Носиться до скончанья света?

Одна, на всей земле одна,
Окутанная черной ночью.
Никто не знает, где она,
И некому помочь ей...

*

Передрассветная пора.
Все спит вокруг самозабвенно.
Но вздрагивает вдруг Сарá
И просыпается мгновенно.

Встает, вздыхает тяжело,
Идет во двор, глядит: как странно!
Еще и солнце не взошло,
А двери в горницу Роксаны

Открыты настежь и постель
Пуста... Сара похолодела,
Развеяв сна последний хмель,
Страх душу ей сковал и тело;

— Какая тут стряслась беда
С приезжей гостьей? Ведь ни крика
Не слышно было! И куда
Она бежала, горемыка?

Быть может, бродит у реки
Или в степи пустынной, темной?
Края родные далеки,
Родни здесь нету у бездомной.

Иль ненароком, не со зла
Ей рану словом нанесла я,
И, гордая, от нас ушла,
Простить обиду не желая?

Иль полюбившуюся нам
Сестру из Украины точит
Тоска по милым ей местам,
И к ним она вернуться хочет?

Тревогу подняла Сара.
И вот уже в рассвет туманный
Выходят люди со двора
На поиски Роксаны.

*

Роксана и сама, спеша,
Все ищет что-то, с плачем бродит;
Как дудочка, ее душа
Напев тоскующий выводит.

Она идет через арык,
Дувал минует молчаливый
И отдыхает,— лишь на миг
Припав к стволу плакучей ивы.

Она не знает, что Сара,
Ее судьбой обеспокоясь,
Еще задолго до утра
Соседей подняла на поиск.

Она не слышит голосов,
Ее зовущих издалека,
Ей кажется, что мир суров —
В нем страшно так и одиноко.

И сверток на руках... Душа
О нем одном болит и ноет:
Пред этой ношей — и гроша
Богатства всей земли не стоят!

Роксана бродит где пришлось,
Полужива, полуодета,
На прядях спутанных волос
Поблескивает луч рассвета.

А взгляд тяжел. Увлажнены —
Слезами иль росой? — ресницы,
И брови скорбно взметены
Крылами обреченной птицы.

Что ждет скиталицу в пути?
То, что она, ища защиты,
Прижала бережно к груди —
От солнца даже скрыто...

*

Роксана бедная! В какой
Из книг судеб — тебе сурово
Скитаться суждено одной
Далеко от родного крова?

Ужели горести одни
Тебе здесь выпали на долю?
Что прячешь ты, таясь в тени
От света, блещущего в поле?

Ужели в ужасе слепом
Ты прячешь ношу дорогую
От глаз людских и добрый дом
Покинула, в степи кочуя?

И неужели никому
Доверить тайну не могла ты,
И друга нет, чтобы ему
Поведать боль утраты?!

*

Вот чей-то слабый зов глухой
До слуха долетел как будто.
Иль в чьем-то сердце струнный строй
Тревожно загудел, как будто.

По незнакомым кишлакам
Роксана ходит как хмельная,
Прозрачен взор ее и прям:
Ей видится земля иная —

Едва лишь вспомнится она —
И сердце сразу бьется чаще
С какой-то нежностью щемящей,
Как будто грудь ему тесна.

Когда в их дом ворвался враг,—
Ища спасения, Роксана
Оставила родной очаг,
А муж подался в партизаны.

Как ей забыть село в дыму,
Пожаров пламенные жала,
Когда она в ночную тьму
С Володей на руках бежала?!

— Земля моя, ты всех милей!
Хоть стань золою — не в тебе ли
Могила матери моей,
Не мне ль была ты колыбелью?

О милая моя земля!
Когда глазенки голубые
Мой сын на мир открыл впервые,
Твои увидел он поля.

Я бы могла издалека
К тебе, родная, возвратиться,
Будь я, как сказочная птица,
И быстrokрыла и легка.

Но не вернуться мне домой!
Весь мир со мною обезумел.
Сегодня ночью... Боже мой!
Сынок... Володя... Умер...

*

Роксану ищет сельский люд:
Сара с соседями своими
То знак друг другу подают,
То громко выкликают имя.

В белесой мгле, за пядью пядь,
Они прочесывают местность.
И правду страшно им узнать,
И тягостна им неизвестность.

Одно их мучает: «Куда
Запропастилась наша гостья?»
Нигде не видно и следа,
Напрасно все, хоть плачь от злости!

Но воля у Сары крепка:
— Нет, не устану, не отстану,
Не знать покоя мне, пока
Не разыщу Роксану!

*

Роксана воспаленных глаз
Со свертка своего не сводит
И плачет, плачет, с ног валясь,
И к небу стон ее восходит.

И слышится на берегу:
— Как я земле тебя доверю?
Мертва при жизни, как смогу
Дышать я, пережив потерю?

В потоке быстрая вода
О камень бьется головою.
В Роксане мыслей череда
Несется бурей грозовою.

Так мало сил, а страх велик...
Как всплеск на пепелище,
Отчаянный взметнулся крик:
— Где христианское кладбище?

Сыночка примут ли в свою
Святую землю мусульмане?
Судьба! За что в чужом краю
Обречена я на страданье?

Куда ты занесла меня? —
На сердце горе тяжким гнетом...
Роксана шла, судьбу кляня,
К кладбищенским воротам.

*

Почтенный старец к ней из мглы
Выходит, медленно ступая;
И брови у него белы,
И борода — по грудь — седая.

Как перед встречей роковой,
Роксана молча задрожала
И только крепче сверток свой
К груди измученной прижала.

— Мир тебе, доченька! — Старик
С поклоном ей сказал негромко
И тотчас головой поник:
Он видит — в горе незнакомка.

— Отец! Мое дитя предай
Святой земле, приюту смерти.
Я потеряла отчий край,
Прошу тебя о милосердьи!

Была бедняжка так жалка,—
Едва душа держалась в теле,—
Что на глазах у старика
Невольно слезы заблестели:

— Я сына потерял в бою,
Твоя земля его укрыла;
Теперь в твоём родном краю
Есть и родная мне могила.

Все судьбы сблизила война,
Всех мучают одни печали,
Одни страдания, боль одна,
И общими могилы стали.

Ты землю эту — мне поверь —
Чужой не назовешь отныне,
Как не чужая мне теперь
Земля далекой Украины. .

Он сверток бережно берет,
Обернутый простынкой тонкой,
И слезы горестные льет,
Целуя мертвого ребенка.

Небесная светлеет синь,
И старца жаркая молитва
Кончается: «Да минет битва!
Да сгинет враг! Аминь».

*

Всю ночь напрасно пробродив,
Сара с большой толпой народа
Дорогою садов и нив
Пришла к кладбищенскому входу.

Какая общая тоска
Соединила на погосте
Рыдающего старика
С ее исчезнувшей гостьей?

А это тельце... Вне себя
Сара бросается к Роксане,
И слезы брызнули, слепя,
Из сердца вырвалось стенанье.

Лежит младенец, ничего
Не слышит. Крепко сжаты губки.
Пусть личико его мертво,
Он как цветок, прекрасный, хрупкий.

Нет, не цветок веселый он,
Что солнцем вешним приголублен,
А нераскрывшийся бутон,
Который стужей зла погублен.

Лежит он. Лоб его широк,—
Знак долголетия и счастья,—
Покой на веках тенью лег,
Недвижны белые запястья,

Молчит безгрешное дитя,
Что лепетало без умолку,
И легкий ветерок, грустя,
Ему расчесывает челку.

Боль матери — всего больней,
На сетованья нет ответа,
И птицы певчие рассвета
Печально кружатся над ней.

Малыш уже землю взял,
Рождая в людях скорбь и жалость,
А в небе голуби летят,
В слезах Роксаны отражаясь.

Краса-Роксана, дочь тоски!
О, как судьба тебя пытала!
Ты азиатские пески
Слезами щедро наплатала.

Не диво, если расцветут
Цветы в песках бывлой пустыни
И если птицы счастья тут,
Жизнь возвестят отныне...

*

Рассвет развеял мглу, как сон,
И мир меняет одеянье:
Он золотом лучей пронзен
И тонет в солнечном сиянье.

И люди, вспомнив про дела,
Домой торопятся — как будто
Спокойной эта ночь была
И было тихим утро.

1944

П О Э М Ы

ОЙГУЛЬ И БАХТИЕР

Я вспоминаю детство... Ночь,
А я не сплю, заснуть невмочь,
Я сказкам бабушки внимаю...
Я вспоминаю, вспоминаю
Красавиц, месяца нежней,
Без крыльев реющих коней
И крылья, мечущие пламень,
«Тахир-Зухру», «Рассыпся, камень»,
Парящий в облаках ковер
И вас, Ойгуль и Бахтиёр.

Там, в сказках, все твердит о чуде,
Там стены говорят, как люди,
Там превращаются цветы
В царевен дивной красоты,
А карлик — в злого великана,
А дряхлый старец — в мальчугана.

Меня пленил своей игрой
Чудесных сказок светлых рой,
Я слушал, затаив дыханье,
Волшебное повествованье.

Узнал я много повестей
От доброй бабушки своей.
В той — быть, а в этой — небылица...
Успели многие забыться,
Но вас, Ойгуль и Бахтиёр,
Не позабыл я до сих пор,
Узнать вас было мне отрадно,
И бабушку я слушал жадно.

*

Вот эта сказка, эта быль.
В стране по имени Джамбиль
Давным-давно, гласит преданье,
Рабов произошло восстанье.
Жестоким гневом обуян,
Издав приказ джамбильский хан
Бить в барабан, не уставая,
Войска со всех концов сзывая
И оглушая мир пальбой...
Так начался неравный бой.

Шли за неделями недели,
На улицах костры горели,
Стояли виселиц ряды.
Стонали пленники беды —
Их палачи четвертовали
На людной площади, в подвале,
Но возмущенные рабы
Не отказались от борьбы.
Джамбильский хан, хмельной от крови,
Все чаще, чаще хмурил брови,
В бессильной ярости дрожа,
Внимая буре мятежа.

Во имя хлеба и свободы,
Терпя страданья и невзгоды,
Боролся каждый раб, как лев,
В боренье смерть преодолев.
И страх забыв на поле бранном,
Мстил притеснителям-тиранам
Народ голодный и нагой.
Кто топором, кто кочергой,
Кто кетменем, а кто киркою,
Кто просто голою рукою,
В себе найдя источник сил,
Врагам удары наносил:
С горой столкнись он в эту пору,
Он опрокинул бы и гору.

Пошли на битву стар и млад,
Отец и сын, сестра и брат,
С серебряными бородами
Шли старцы твердыми рядами,
И много было героинь
Среди служанок и рабынь.
Сражались дети, молодухи,
Подростки, юноши, старухи,
И мощные богатыри,
И девушки светлей зари.
И не один погиб со славой
В борьбе упорной и кровавой,
И не один среди травы
Лежал герой без головы.
Враги восставших победили...
Тысячелетия в Джамбиле
Не видели подобных дел
И столько бездыханных тел.

Дархон, старик седобородый,
Был предводителем народа,
Рабов-мятежников вождем,
И дочь пошла его путем,—
Ойгуль, красавица рабыня.
О, пусть прославится рабыня!
Она бросалась в жаркий бой,
За правду жертвуя собой!
В тот черный день, когда в Джамбиле
Рабов восстание подавили
И над страной сгустилась ночь,
Попали в плен отец и дочь.

Возликовал властитель лютый,
Когда к нему, закован в путы,
С отважной дочерью отец
Доставлен в ханский был дворец.
Вокруг стояло войско ханства,
Являя пышное убранство.
Двух пленных в путах и в пыли
Пред очи хана привели
И под приветственные клики
Сказали злобному владыке:
«Обрадуй сердце: взят в полон
Вожак мятежников Дархон,
С ним — дочь его, Ойгуль, рабыня...
В них до сих пор жива гордыня».

На старца хан взглянул в упор,
На хана старец бросил взор.
В глазах тирана пламя злобы,
Оно всю землю сжечь могло бы!
В глазах Дархона — гнев святой,
Волнение души простой.

Скривив уста, спросил владыка
С усмешкой: «Ну, Дархон, скажи-ка,
Вам пользу ли мятеж принес?
Кто жив? Кто мертв? Вот мой вопрос».

Дархон спокойно молвил слово:
«Была судьба к рабам сурова.
Ты можешь править торжество,
Погибли все до одного,
Геройски с жизнью все расстались,
Лишь я и дочь в живых остались...
Я прожил столько горьких лет,
А не видал я столько бед,
Еще я столько горя не пил!
Ты превратил живое в пепел,
Добро последнее, злодей,
У бедных отнял ты людей,
Джамбиль ты сделал пепелищем,
И стал цветущий сад кладбищем.
Иной желали мы судьбы,
И вот восстали мы, рабы.
Народ решил, душой воспрянув,
Себя избавить от тиранов,
Низвергнуть навсегда владык,
Кладбище превратить в цветник,
Хотели мы освободиться —
Ты победил нас, кровопийца!
Однако ты себя не тешь:
Хотя подавлен наш мятеж,
Но правда наша не померкнет,
Тебя народ восставший свергнет,—
Тебя и всех твоих вельмож,
И ты могилу обретешь,
Когда пробьют возмездья сроки!»

Нахмурил брови хан жестокий,
Сверкнула сабля из ножен —
Дархон был наповал сражен,
Пал, как подстреленная птица,
И сердце перестало биться.

Хан мановением руки
Велел, чтоб вышли все стрелки,
Лукавства и коварства полон,
К рабыне юной подошел он
И заглянул Ойгуль в глаза.
Сияла перед ним краса,
И, как трава перед грозой,
Склонился хан перед красой
И молвил, тяжело дыша:
«Мятежница, ты хороша,
И даже слишком для рабыни,
Ты будешь мне женой отныне,
Моей женой, моей душой,
Моих чертогов госпожой».

Ойгуль от гнева задрожала.
«Я не люблю тебя! — сказала.—
Убийца моего отца,
Ты знай: не надо мне дворца,
Я никогда твоей не стану,
Я отомщу тебе, тирану,
За всех рабов я отомщу
Тебе, народа палачу!
Сам на себя взгляни, подумай:
Ты — дикий зверь с душой угрюмой,
Нет, хуже диких ты зверей,—
И мне женою стать твоей?
Да если бы помог мне случай,
С какою ненавистью жгучей

В тебя вонзила бы я меч,
Чтоб сердце злобное рассечь!
Твоя погибель — мне награда,
Иного счастья мне не надо!»

Джамбильский хан, осатанев,
Не знал, как потушить свой гнев.
Метался он, как бесноватый,
Звериной яростью объятый,
Не знал он, что ответить ей.
Тогда он кликнул палачей:
«Рабыню бросьте в подземелье!»
Почуял злобное веселье
Джамбильский хан, когда в ночи
Ойгуль схватили палачи...

Среди дворцовых слуг в то время,
Влача забот и горя бремя,
Всегда унижен, оскорблен,
Был престарелый раб Тарлон...
Когда Дархон упал без стога,
Кровь закипела у Тарлона.
Ужасной казнью потрясен,
Он потерял покой и сон...

Мерцая, месяц всплыл над тучей.
Не кряж ли то горы могучей
Поднялся в темных пятнах ввысь!
То капли крови запеклись!
Луна страдальницей казалась,
И сердце старика терзалось:
Луна скорбит не потому ль,
Что жаль ей пленницу Ойгуль!
Измучилась душа Тарлона.
Он знал: решение непреклонно.

Обидой, гневом обуян,
Казнит Ойгуль джамбильский хан...

Тогда, влекомый светлой целью,
Тарлон пробрался к подземелью.
Он девушке решил помочь —
Спасти рабыню в эту ночь.
Кто прав, тот презирает робость!
Веревку опустил он в пропасть,
У края самого прилег,—
Ойгуль из пропасти извлек!
Вдвоем, сквозь мрак ночной кромешный,
Они пустились в путь поспешный.
Был долго молчалив Тарлон.
Но вот остановился он.

«Дитя мое! — сказал рабыне,—
Тебя от смерти спас я ныне —
Тирана страшен произвол —
И я к реке тебя привел.
Что делать дальше? Что я в силах?
Один я из рабов бескрылых,
Отрезал хан мои крыла,
В неволе жизнь моя прошла.
Зато теперь тиран проклятый
Дождался от меня расплаты:
Испорчу торжество врагу,
Тебе спастись я помогу.
Ойгуль! Тебя в сундук я спрячу,
Пусть поплывет он наудачу,
Пусть понесет его река.
Быть может, взорам рыбака
Сундук таинственный предстанет
Иль сам он к берегу пристанет,
Тогда ты будешь спасена,
Вернется дней твоих весна».

Взглянув на старца лучезарно,
Ойгуль склонилась благодарно,
Слезами разразилась вдруг,
Согнула стан, вошла в сундук.
Тарлон, честнейший среди честных,
Дал девушке лепешек пресных,
И огляделся он вокруг,
И потащил к реке сундук...
Тарлон сундук бросает в реку.
Река послушна человеку,—
Ойгуль несется по реке
И исчезает вдалеке...

Хан поутру проснулся рано,
Ничто не мучило тирана.
Нет, не спросил он, какова
Судьба живого существа,
Судьба рабыни в подземелье!
Он время проводил в безделье
И думал: заживо она
На дне земли погребена.
Тарлон, своей довольный тайной,
Усерден был необычайно.
Казалось всем, что раб Тарлон
Своей работой поглощен,
Покорный каждому приказу.
И радость у него ни разу
Не проступила на лице.
Спокойно было во дворце,
Молчала ханская твердыня...
А между тем Ойгуль-рабыня
Неспешно в легком сундуке
Плыла, качаясь, по реке.

Три месяца без перерыва
Она плыла — то вдоль обрыва,

То вдоль холмистых берегов,
То мимо заливных лугов.
Вокруг — безмолвно и безлюдно,
Навстречу — ни пловца, ни судна,
И наступил тяжелый час:
Лепешек кончился запас,
Ойгуль испытывала голод...
Но вот неожиданно вырос город:
В степи Джарджонской он возник.
На берегу стоял старик.
Здесь хворосту набрал он малость,
Потом почувствовал усталость,
Решил немного отдохнуть,
Чтоб вольно подышала грудь.
Вдруг видит что-то в отдаленье!
Пришел он в сильное волнение,
И сердца участился стук:
Покачиваясь, плыл сундук!

«Вот наконец и мне пожива!» —
Сказал старик, разделся живо,
Поплыл навстречу сундуку:
Пришла удача к старику,
Теперь порадует он душу!
Он вытащил сундук на сушу,
Но отпереть его не мог:
Сундук был заперт на замок.

Старался, мучился, устал он,
И, рассердившись, нож достал он,
Дыру проковырял, глядит:
Внутри красавица сидит!
Она, как видно, в тяжком горе,
Тоска в ее прекрасном взоре...
У старца онемел язык!

В раздумье погрузясь, поник
Простак седою головою:
Дитя купца передо мною
Иль пери, может быть, сама?
Никак не приложу ума!
Красавица, одна из гурий,
Быть может, стала жертвой бури:
Корабль погиб, и по реке
Она умчалась в сундуке?
Рыдает мать ее, быть может:
«Где дочь?» Тоска ей сердце гложет...

«Эй, девушка! — сказал старик. —
Неужто связан твой язык?
Давно ль река тебя колышет?»
И голос девушки он слышит:
«Когда разрубишь мой сундук,
Освободишь меня от мук, —
То дочерью тебе я буду,
И счастье я тебе добуду».

Старик не знал, как быть сейчас:
Ответ Ойгуль его потряс,
Но хитрости он опасался,
Взломать сундук не соглашался.
Он думал, страхом обуян:
«Быть может, здесь сокрыт обман?
Бывает всякое порою!
При людях я сундук открою.
Чуть что — пущусь я наутек!»
Умом старик был недалек,
Он испугался этой встречи.
И поднял он сундук на плечи,
Прошел на рынок напрямик, —
О хворосте забыл старик...

Но был бедняга схвачен скоро,
Он стражей принят был за вора,
Его нагайками секли
И к падишаху привели.
Беднягу окружили слуги.
Стал озиаться он в испуге.
«Что это?» — крикнул падишах.
Старик почуял пуший страх.
С чего начать? И в чем признаться?
Он стал дрожать и запинаться
И, не удерживая слез,
«Не знаю», — тихо произнес,
Глаза вздымая к падишаху.
Тот обнажил свой меч с размаху,
И старика ударил меч,
И голова упала с плеч.

Вот, после множества усилий,
Придворные сундук открыли,
И заглянули все в него,
А там — живое существо!
Дрожат и стража и вельможи:
На девушку оно похоже,
Глаза прекрасны, строен стан,
Как удивительный платан.

Из сундука Ойгуль выходит,
В смущенье, в трепет всех приводит,
Дворец красою озарив, —
И стал он светел и красив.
Он засиял, подобный чуду,
Сиянье разлилось повсюду.
Ойгуль бы солнцем нарекли,
Ее луною бы сочли,
Но разве есть у солнца очи?
Где разум у светила ночи?

От уст прекрасных, от бровей,
Что крыльев ласточки темней,
И от задумчивого взгляда
Распространяется отрада,
И расцветает жизни цвет,
И рассветает счастья свет.

Сверкая красотой великой,
Она стояла пред владыкой,
И был красою падишах
Раздавлен и повержен в прах.
Не может вымолвить он слова,
То сядет он, то встанет снова,
Застынет перед красотой,
Перед прелестною звездой.
Таких не видел он красавиц!
Глазами на нее уставясь,
Как бы ее желая съесть,
Сказал он: «Окажи мне честь,
Будь мне женой. Твой облик дивен!»

Красавице он был противен,
И глубоко была она
Унижена, оскорблена.
Но так как бедствие свершилось,
Прибегнуть к хитрости решилась,
Надеясь помощь обрести,
Найти к спасению пути.
«Согласна я! — она сказала,—
Но волю ты мне дай сначала,
Ты сроку дай мне сорок дней,
И стану я женой твоей.
Я в жизни много претерпела,
В пути я слишком ослабела,
Чуть не погибла я в реке,
Не задохнулась в сундуке!»

Ответил падишах жестоко:
«Не дам тебе такого срока!»
Взмолилась девушка: «Меня
Ты отпусти хоть на три дня!»
Ответил падишах отказом:
«Забудь свои печали разом.
Послушай, что тебе скажу:
Я на день свадьбу отложу,
А завтра, милая, с тобою
Мы станем мужем и женою!»

Огонь в глазах Ойгуль погас.
Ответив на его приказ
Своим согласием притворным,
Она прислужницам придворным
Сказала: «Выйдем из дворца,
Повеселим свои сердца,—
Последний час девичий дорог!»
И все ее прислужниц сорок
За ней, сгорающей в тоске,
Спустились весело к реке:
Ойгуль решила искупаться.
Служанки стали раздеваться,
Окрестный возмутив покой,
Шептались там одна с другой,
Подшучивали друг над другом.
Звенели над холмистым лугом
Девические голоса...
Ойгуль зажмурила глаза,
Задумалась — нежна, красива —
И в воду бросилась с обрыва,
Исчезла сразу же в воде,
И не видать ее нигде.

Джейхуну в пасть попала дева,
Прошла чрез горло рыбы в чрево,
Как волосок, легко-легко;
И рыба скрылась глубоко.
Ойгуль недавние подруги,
Вскричали девушки в испуге:
«Беда стряслась! Беда! Беда!»
И вопли поднялись тогда.
Служанки потеряли разум,
Кто в чем, полунагие, разом
Они помчались во дворец.
И, задыхаясь, наконец
Предстали перед падишахом,
Объяты трепетом и страхом.

Властителя страны потряс
Несвязный, скорбный их рассказ.
К реке в смятенье поскакал он,
И долго девушку искал он,
Но был ее потерян след.
Река текла, как много лет
Она течет,— спокойно, плавно,
То ласкова, то своенравна...
Пришел в расстройство падишах,
Едва с досады не зачах:
«Увы, мой жребий безотраден!
Зачем я дал отсрочку на день
И свадьбы не ускорил срок?»
Он проклинал суровый рок.

Жил-был в далеком Сусамбиле
Джигит. В народе говорили:
Отважен, честен Бахтиёр,
И разум у него остер.

Как взмах меча, он был проворен,
Он, как Рустам, был непоборен,
Красив и строен, как чинар,
В глазах светился солнца жар.
Пастушеством он занимался,
Он к богатеям нанимался,
Чужие пас всегда стада,
Всегда дружила с ним нужда.

Он в край степной забрел однажды,
Ослаб от голода и жажды,
Добрел до берега реки,—
Ему навстречу рыбаки.
«Меня измучила дорога.
Прошу я хлеба, хоть немного»,—
Пастух голодный попросил:
Последних он лишился сил.
Один из рыбаков ответил:
«Твой путь, пастух, да будет светел,
Но хлеба нет у рыбаков,
Зато обычай наш таков:
Мы помогаем человеку!
Вот сети. Ты закинь их в реку
И весь возьми себе улов!»

Пастух, благодаря без слов,
Взял сети, в реку их закинул...
И что же он, счастливцев, вынул?
Джейхуном-рыбой он владел!
Благословил он свой удел:
Была огромной эта рыба!
Сказал он рыбакам: «Спасибо!»
И, положив на двух волов
Свой удивительный улов,

Отправился в свою лачугу.
Так оказав ему услугу,
Довольны были рыбаки.
Они стояли у реки,
Сочувственным следили взором
За уходящим Бахтиёром.
А тот пошел своей тропой
И рыбу приволок домой.

Пастух, закончив путь тяжелый,
Сказал, усталый, но веселый:
«Отец, смотрите: ваш сынок
Какую рыбу приволок!»
Веселый зов старик услышал
И на порог лачуги вышел.
Взял в руки нож, а Бахтиёр
Взял в руки сильные топор,
Рассек топор Джейхуну брюхо.
Нож до хребта дошел, и глухо
Раздался в чреве рыбы стон.
Старик испуган, потрясен,
От рыбы в ужасе отпрянул.
Сын, не смутившись, в чрево глянул,—
И что ж его увидел взор?
Ойгуль увидел Бахтиёр!
От света яркого, дневного,
Ойгуль пришла в сознание снова:
Людей услышав голоса,
Очнулась, подняла глаза
И увидела Бахтиёра!
Она отнять не в силах взора,
Любовь ей сердце обожгла,—
Вот-вот сгорит она дотла.
Краснеет, слова не находит,

К двум избавителям подходит,
Уста пылают, как гранат,
Отец и сын глядят, молчат...

Ойгуль, увидев,— тяжело им,
Поклон отвесила обоим,
Красой сверкая, как заря,
За помощь их благодаря.
И старого и молодого
Ее обрадовало слово,
И к дочери чужой земли
Они поближе подошли.
Ойгуль сказала: «Голодна я.
Во чреве рыбы пребывая,
Ждала я смерти каждый час.
Найдется ль корочка у вас?»
Старик ответил: «Верь мне, дочка,
У нас нет хлеба ни кусочка,
Но потерпи, я говорю,
Сейчас я рыбу нам сварю».
И молвила Ойгуль: «Спасибо...»
Пока в котле варилась рыба,
Ойгуль сказала: «Мой отец,
Устройте счастье двух сердец,
Меня возьмите в жены сыну,
Я никогда вас не покину,
Став сыну вашему женой,
Вам буду дочерью родной».

Старик опешил, растерялся,
С трудом он с мыслями собрался.
«У нас нет денег ни гроша,
А ты, Ойгуль, так хороша!
Скажи мне: как мы свадьбу справим?
Тебя мы только обесславим!»

«О, я богатства не хочу,
Женой не стану богачу,
Согласье ваше получу я,
И вас, отец, озолочу я...»
Снял умом девичий лик.
Как бы согласье дал старик,
Не продолжая разговора.
Забилось сердце Бахтиёра.
То счастье, что всего милей,
Соединило трех людей...

Поужинали рыбой вкусной,—
Старик сварил ее искусно,
Вечерний мрак окутал дол.
Старик вздохнул и спать пошел.
Замолкла степь, в туман одета.
И лишь немолчно, до рассвета,
Свой задушевный разговор
Вели Ойгуль и Бахтиёр.
Что было, с самого начала
Ойгуль подробно рассказала
Любимому, лаская слух:
Милее хана ей пастух!
Внимал ей Бахтиёр счастливый:
Она была такой красивой,
Что он дивился вновь и вновь,
Цвела в глазах его любовь...

Мы счесть богатою могли бы
Ойгуль: она во чреве рыбы
Огромных две серьги нашла,
Про черный день их сберегла.
С луной соперничали в блеске
Их драгоценные подвески!
Когда старик восстал от сна,

Отца приветствуя, она
Ему про серьги рассказала
И старику их показала.
Едва увидел их старик,
Восторг его небес достиг!
Ему красавица вручила
Одну серьгу и поручила:
«Отец, сходите на базар,
В большой цене такой товар.
Серьгу продать не поленитесь,
С запасом золота вернитесь».

С зарей отправился старик.
Базара в полдень он достиг.
В толпе толкаясь многолюдной,
Он проходил с серьгой чудной.
И вот один богач-купец
Серьгу заметил наконец,
И, полный счастья и восторга,
Он приобрел серьгу без торга
И отдал золота сундук.
Старик, разбогатевший вдруг,
Домой направился с поклажей,
Довольный выгодной продажей.
Купец воскликнул: «Не солгу!
Вторую я б купил серьгу,
Я б цену запросил такую
За эту пару дорогую,
Что люди б цену ту сочли
Казной семи держав земли.
Я стал бы всех людей богаче!»
И вот, мечтая об удаче,
Поехал он, забыв покой,
На поиски серьги другой,
В кишлак заглядывая каждый...

Вот старику-отцу однажды
Ойгуль, как ясный день светла,
Серьгу вторую отдала,
Сказав: «Продать не поленитесь,
С запасом золота вернитесь».
Приходит на базар отец,
Его встречает наш купец.
Глядит: блестит серьга вторая!
Купец, от жадности сгорая,
Купил серьгу у старика,
Дал золота два сундука!
Поднять их был старик не в силах.
На лошадей он погрузил их,—
Купил он славных лошадей,—
Домой пустился поскорей,
Пошел, довольный, за арбою
Уже знакомою тропюю.

Вот, золота собрав запас,
Ойгуль решила в добрый час
Созвать людей лачуг и хижин,
Всех, кто измучен и унижен.
И стар и млад пришли чуть свет,
И начался большой совет.
И сидя с Бахтиёром рядом,
Всех обведя лучистым взглядом,
Ойгуль, сверкая красотой,
Сказала так: «Народ простой
Не знает счастья в Сусамбиле.
Здесь только богатеи в силе,
Жиреют хан и падишах,
В неволе бедный люд зачах.
Терпеть страдания доколе?
Пора подумать нам о воле,
Пора забыть нам старину.

Построим новую страну.
Себе добудем в Сусамбиле
Покой, свободу, изобилье!»

Ойгуль смогла сердца зажечь.
Народ одобрил эту речь.
И толпы в степи повалили,
Чтобы воздвигнуть в Сусамбиле
Блаженный край, цветущий сад.
Трудиться стали стар и млад.
Владея золотым запасом,
Кормила хлебом всех и мясом
Ойгуль, трудами занята,
И явью сделалась мечта.
Ойгуль насытила голодных,
Ойгуль приветила безродных,
Всех успокоила сирот,
Благоустроила народ.

Возвел народ в степи чертоги,
Провел каналы и дороги.
Забили всюду родники,
И запестрели цветники.
Пошла молва об этом чуде.
Днем, ночью в степь стекались люди
Со всех сторон, из всех племен,—
Собрался целый миллион!
Стал Сусамбиль неузнаваем:
Он стал обетованным раем.
Кто ж был источником щедрот?
Прогнавший всех владык народ!

Ойгуль прекрасна, как свобода,
Была любимицей народа.
Ее, надежду той земли,

Луной бы, солнцем нарекли,
Но разве есть у солнца очи?
Где разум у светила ночи?
О, пусть прославится Ойгуль!
Цвела красавица Ойгуль,
Всем близкою была, родною
И мудро правила страну,
И люди под ее рукой
Нашли приют, нашли покой,
Богатства приумножив скоро,
И под защитой Бахтиёра
Народ расцвел, народ окреп,
Владыкой стал своих судеб.

Однажды стража, охраняя
От недругов границы края,
Схватила нищего: старик
Обманом в Сусамбиль проник,
Вздыхая, жалуясь и плача,
Тяжелый меч в лохмотьях пряча.
От слез он пользы не извлек:
Его мольбам не внял стрелок,
Сказал, чтоб не болтал он вздору,
Повел к Ойгуль и Бахтиёру.
Был строгий учинен допрос.
Подумав, нищий произнес:

«Я был в Джарджоне падишахом,
Всех подданных сровнял я с прахом.
Я потопил народ в крови,
Но стал я жертвою любви,
Грущу я по своей невесте;
Пропала милая без вести,
Я на день ей отсрочку дал,—
Ее с тех пор я не видал.

Брожу в тоске невыразимой:
Лишился я своей любимой!
Я исходил весь белый свет,
Как нищий каландар одет,
Но кончились мои печали:
Ойгуль, я вижу не тебя ли?
Я жил, к тебе любовь храня.
О, полюби, Ойгуль, меня!»

Тиран перед Ойгуль склонился,
Обман в глазах его таился,
Но смолк он, как побитый пес,
Услышав от Ойгуль вопрос:
«Скажите правду перед всеми:
А сколько жен у вас в гареме?»
Ее вопросом поражен,
Сказал бесстыдник: «Сорок жен».
Народ кругом расхохотался:
Обманщик в дураках остался!
Он поспешил тогда извлечь
Из-под лохмотьев тяжкий меч:
Хотел Ойгуль убить с размаха...
Схватила стража падишаха,
Народный гнев его настиг.
И был казнен он в тот же миг.

Злодея позабыли скоро.
И для Ойгуль и Бахтиёра
Счастливые сияли дни.
Страною правили они,
И кличем их была свобода...
Сердцам людей мила свобода!
Но думала Ойгуль не раз
О том, что близок битвы час,
Что там, на родине, в Джамбиле,

Свободы люди не вкусили,
Народ тираном угнетен,
Страдает бедный раб Тарлон...

Весною, в радостную пору,
Ойгуль открыла Бахтиёру,
О чем души ее печаль,
Сказала: «Мне джамбильцев жаль!»
И оба приняли решенье:
Все войско привести в движенье,
Джамбильский перейти рубеж
И за подавленный мятеж
Прийти к тирану с грозной мезтью
И оживить счастливой везтью
В цепях измученный народ.
Вот заалел зари восход,
И принялась Ойгуль за дело:
Ударить в барабан велела,
В карнай затрубить, собрать
Свою карающую рать.
К походу воинство готово.
Ойгуль народу молвит слово:
«С тираном начата война.
Возьмем на сорок дней зерна,
Припасов хлеба, трав целебных,
В тяжелой битве нам потребных,
Пойдем: мы победить должны!»

Поставив во главе страны
Возлюбленного Бахтиёра,
Чья мощь — отечества опора,
И пловом угостив народ,
Ойгуль отправилась в поход.
Сверкали пики и пищали,
Из пушек пушкарн стрельали

Вдоль речек и степных озер;
Ойгуль через вершины гор
Перелетала, как орлица;
Стрела с ней не могла сравниться:
Через цветущие сады
Неслась она быстрее звезды...
Вот позади — долины, горы,
Пустыни страшные просторы,
Лесная мгла, степная пыль,—
Уже недалеко Джамбиль.

Джамбильский хан — мучитель края —
Спокойно жил, забот не зная;
И днем и ночью был он пьян.
Про Сусамбиль не слышал хан,
Он жил в безделье и веселье
С тех самых пор, как в подземелье
Ойгуль он заточить велел.
Простой народ о ней скорбел,—
Не вспомнил хан о ней ни разу,
О той, что по его приказу
В темницу ввергнута была.
«Она, быть может, умерла!» —
Шептались люди возбужденно
И проклинали все Тарлона,
Его считая ханским псом,
Не зная, что, к Ойгуль влеком
Всем сердцем, бедствовал в Джамбиле
Тарлон; его друзьями были
Мученье, горе и нужда;
Обиды он терпел всегда.
Жила в рабе многострадальном
Мечта о Сусамбиле дальнем,
Он знал, что там Ойгуль найдет,
Что счастлив там простой народ.

Мечтал он обрести опору.
Бежать к Ойгуль и Бахтиёру,
С тираном повести войну,
Освободить свою страну.
Но был седой Тарлон бессилён,
Не мог пробраться в Сусамбиль он...
А между тем Ойгуль вперед
Вела своих стрелков в поход.
Остались позади равнины,
Высокогорные вершины,
Вода озер, степной ковыль,
Уже виднеется Джамбиль.

Летит Ойгуль, как мечь, крылата,
Как справедливая расплата,—
В Джамбиле ждет ее народ!
Достигли воины ворот,
Но в город заперты ворота!
«Как быть теперь?» — воскликнул кто-то.
И саблю извлекла Ойгуль —
Ворота рассекла Ойгуль!
Запоры тяжкие ослаблн,
Упали от удара сабли,
Сталь разлетелась на куски,
Открылись весело замки.
Тут разом грянули пищали,
Чертогов стены затрещали,
Раздался гром, взметнулась пыль,—
Вступило воинство в Джамбиль.

Бежали важные вельможи —
Мороз пошел у них по коже;
Бежал в пещеры ханский сброд,
Но всех вылавливал народ,
Их жалобным словам не веря.

Схватили и тирана-зверя:
Скрывался гордый хан в хлеву.
Конец былому торжеству!
Вы только злость его измерьте:
Он был избит до полусмерти
И выставлен всем на позор!
Народ изрек свой приговор:
«Убей, Ойгуль, убей тирана!»

Ойгуль, ударив саблей хана
И привязав его к ядру,
Поставив пушку на юру,
Велела выстрелить: из дула
Его с ядром наверх взметнуло,
И он рассыпался золой —
Так был казнен властитель злой.

Старик Тарлон к Ойгуль подходит,
От счастья слов он не находит.
Ойгуль, как ясный день, светла,
Его в объятья приняла,
Благодаря за избавленье.
Пришли все люди в удивленье:
Ойгуль от смерти спас Тарлон,
Он благороден и умен!

Сказал народ: «Одни печали,
Ойгуль, в Джамбиле мы познали,
От ханов, от зверей-господ
Немало претерпел народ.
Здесь нашу юность мы сгубили,
Мы не останемся в Джамбиле,
Отныне горе — позади.
Ты в Сусамбиль нас поведи,
Там жизнь свою начнем сначала!»

Ойгуль народу отвечала:
«Тиран, мучитель ваш, убит.
Вы заживете без обид,
Трудиться будете вы дружно.
Стремиться в Сусамбиль не нужно —
Джамбиль должны вы полюбить,
Сады и нивы полюбить,
Здесь ваши горы и равнины,
Здесь ваши реки и стремнины,
Здесь ваши тучные поля,
Здесь ваша родина-земля.
Когда у вас господ не будет,
То горя и невзгод не будет
И опечаленных сердец.
Тарлон, ваш любящий отец,
Отныне пусть Джамбилем правит,
Он вас на добрый путь наставит,
Он укрепит родимый кров,
Он умереть за вас готов,
Он верен вольности заветам!»
Народ был восхищен советом
Своей красавицы Ойгуль.
О, пусть прославится Ойгуль!
Печали, беды улетели,
Достиг народ желанной цели,
Народ обрел покой и мир,
Народ устроил шумный пир,
Народ плясал и веселился,
И праздник сорок суток длился.

Сияя чистою красой,
Ойгуль отправилась домой
По благодатному простору —
К возлюбленному Бахтиёру.
В карнаи затрубил народ,

Он оказал Ойгуль почет,
Из пушек в честь ее стреляя,
В напеве каждого сурная
Восторг свой выразил Джамбиль!

Вот эта сказка, эта быль.

1937

ЗАЙНАБ И АМАН

Я не знавал светлей повествований,
Чем о Зайнаб и преданном Амани.

Послушайте и вы, как в двух сердцах
Зажглась любовь, испепеляя страх.

Что верность оба сохраняли строго,
Узнаете вы из правдивых слов.

О двух влюбленных говорилось много,
Однако же рассказ мой будет нов:

Ни злоязычие, ни яд, ни меч
Не смогут жизни юные пресечь,

Поскольку время лучшее настанет.
Зайнаб, как лист осенний, не увянет.

Аман, хотя ему придется туго,
Все ж избежит печального конца...

Увидите,— они найдут друг друга,
Навек соединятся их сердца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Беспечно, вольно, как цветок весной,
Росла Зайнаб в семье своей родной.

Безгорестно щебечущие птицы
Могли б веселью у нее учиться.

Доверчива, приветлива, смела,
Зайнаб еще не испытала зла.

Ни разу даже легкой тенью боли
Девический не омрачался взор,

И под ноги ей подстилало поле
Зелено-красный бархатный ковер.

Когда Зайнаб вставала на заре,
Тюльпаны, расцветая на горе,
Вослед ей посылали поцелуи,
А Зеравшан¹, перебирая струи,
И вправду чистым золотом блестя,
Приветствовал прелестное дитя.

И отражалось у Зайнаб в глазах
Все это ликование земное.
Зайнаб не знала, что такое страх,
Она дышала счастьем и весною.

---

¹ З е р а в ш а н — в переводе означает «Золотая река».

II

Шаля, играя, подросла Зайнаб.
В чудесном крае расцвела Зайнаб.

Казалось, тут от века жизнь сладка.
Заметивший тот край издалека,
Усталый путник ликовал заране
И предвкушал свершенье всех желаний.

Здесь воздух был так первозданно-чист.
Меж трав арык струился говорливый,
И за листом роняли узкий лист
В его прохладу трепетные ивы.

Разбрызгивал алмазы водопад.
Соперничал озер лазурный взгляд

С голубизною неба и фиалок.
Луг походил на пестрый полушалок,

И строгое величье снежных гор
Лишь оттеняло красочный узор.

Из-под скалы источник бил целебный.
Когда ж всплывала по ночам луна,
Была округа в синеве волшебной
До камушка мельчайшего видна.

А поутру джида слагала сказки
И обещала, расточая ласки,

Что сбудется заветная мечта.
...Такая нега всюду разлита,

В лугах, в садах — такое изобилье!..
Вот-вот взлетит любовь, расправив крылья.

Не зря уроки страсти небывалой
Дает цветам влюбленный соловей!
...Вот где Зайнаб росла и достигала
Расцвета нежной прелести своей.

III

Любовь... С тех пор, как создан род людской,
Любовь смущает наш ночной покой.

Все люди любят, нам нельзя иначе:
С холодным сердцем не достичь удачи.

Но в старину царил такой закон:
Кто любит истинно — тот обречен.

Любовь... Жестоким было это бремя
Во всех краях, во всех концах Земли...

Как беспощадно растоптало Время
Надежды нежно-преданной Лейли!

Был век подобно деспоту — жесток:
Меджнун блуждал по свету — одинок.

Эпоха — счастьем древняя преграда,—
Лишила милой родины Фархада...

Неужто проклята любовь от века
И неизбежен роковой исход?..

Нет, это — плод бесправья человека,
Погибнет ядовитый этот плод!..

Мы видим, до иных дожив времен,
Что человек любовью окрылен.

Подобно вдохновляющему чуду,
Любовь ему сопутствует повсюду.

Любовь — мятежный, яростный поток
И нежный, чуть раскрывшийся цветок.
Оставшись неизменно загадкой,
Она в просторы намечает путь:

Девичью грудь взволнует тайной сладкой,
У юноши расправит гордо грудь.

IV

В душе Зайнаб, не ведавшей печали,
Казалось, что-то дрогнуло вначале.

Как будто завязь вешнего цветка
Возникла,— чуть заметная пока,

Растет — неуследимо и несмело...
Зайнаб внезапно так похорошела,

Что думал, глядя на нее, любой:
Ресницы-стрелы, и косички-змеи,
И родинка-малютка над губой
Земных сокровищ во сто раз ценнее...

Крылами ласточки — разлет бровей...
Все девушки другие перед ней —

Как звезды — пред луной прекрасоликой...
В неясном чаянье любви великой

Зайнаб мятется: то — бежит домой,
То — вновь из дома, не найдя покоя...

Смеется, плачет... Странно ей самой —
Да что же с ней содеялось такое?!

Что ждет ее?.. Веселье? Торжество?..
Беда?.. Не зная в жизни ничего,

Зайнаб не верит в горе и препоны.
Ей кажется: довольно быть влюбленной,

Довериться любимому во всем,
И будешь век счастливой с ним вдвоем!..

Откуда жизнь познать она могла б?!
Но в некий час неведомая сила,
Как буря, ворвалась в судьбу Зайнаб,
Сместила все.

И разум разбудила.

V

Не счесть цветов на яблонях весенних,
А юных смельчаков — у нас в селеньях.

Так что ж Зайнаб вздыхает об одном,
О том, кого считали чужаком?..

Так почему она так неустанно
Желает видеть лишь его — Амана?..

Напрасно ей рассудок говорит:
Другой он — тоже чести не уронит,

В огне, как говорится, не сгорит,
В воде, когда случится, не потонет.

Он тоже может ослепить отвагой,
Пустыню напоить живою влагой.

Любой другой в труде горяч и смел,
Достиг бы славы, если захотел,

В сраженьях мог бы превзойти Рустама...
Так что ж Аман?.. Неужто лучший самый?

«Ну почему Аман мне всех дороже,
А на других не хочется смотреть?!
Он стал моим избранником... За что же?
Скорее, сердце глупое, ответь!»

Но разве может сердце дать ответ,
Ведь сердцу только девятнадцать лет!

Подобно розе, угодившей в пламя,
Оно лепечет что-то лепестками,

Дрожит, бессильно корчится в огне...
Аман!.. «Да что о нем известно мне?..

Хорош он впрямь? Иль только показалось?
На счастье эта встреча? На беду?»

Порой страшит Зайнаб любая малость,
Тоскует сердце... Мечется в чаду...

А иногда — в душе светло и ясно.
«Молва молчит о нем? Ну и прекрасно!

У слуха злостного проворный бег,
А ни один досужий человек

Ни здесь, у нас, ни в кишлаках соседних —
Не поминал его, Амана, в сплетнях.

Никто из кумушек худого слова
И мимоходом не сказал о нем!..»
И, просветлев, Зайнаб смеется снова
И дивно хорошеет с каждым днем.

VI

Ночь наступила... Зеравшан — в тумане.
Кишлак закутан в призрачные ткани.

Над спящими садами — лунный свет,
Весь мир дрожащим серебром одет.

Но почему Зайнаб опять не спится?
Глаза ее мерцают сквозь ресницы...

С постели поднялась. За столик села,
Взяла перо — взволнованна, бледна...
На столике — листок бумаги белой,
На нем играет полная луна.

Зайнаб писала:

«Сон бежит от глаз...
Аман! Аман! Беда со мной стряслась,

Мне совладать с собою не под силу,
Аман! Аман!.. Тебя я полюбила.

А ты... Ты — равнодушен и жесток...»
Перечитала. Порвала листок.

И пишет вновь, вздыхая глубоко,—
В который раз! — все — снова, все — сначала:

«Ты думаешь, признаться мне легко?
Клянусь, любимый!.. Я бы промолчала,

Когда б ты сам со мной заговорил.
Но ты молчишь!.. Таиться нету сил,

И за письмо к тебе я села ночью...»
Читает... Снова рвет бумагу в клочья.

А сердце замирает и болит...
Терзают бедную сомненья, стыд...

«Нет, первую писать ему не буду,
Я все же гордость сохранить должна...
Пойду на улицу...»

Безлюдно всюду.

Над спящим кишлаком плывет луна.

VII

Как ночью все таинственно и строго!
По Зеравшану лунная дорога

Бежит и зыблется средь черноты.
О чем-то глухо шепчутся кусты,

Лишь кое-где облитые луною.
«Они как будто недовольны мною...

А в чем я перед ними виновата?..
И лунный путь, и черная вода,

И берега зовут меня куда-то.
Велят бежать отсюда... Но — куда?!»

Но в этот миг ее горящих щек
Коснулся сердобольный ветерок,

И на душе как будто легче стало.
Зайнаб в себя пришла мало-помалу.

«Да, нелегко любить!.. Но все равно
Любовью все кругом просветлено!..»

...И словно бы глаза ее прозрели,
И перед ними расступилась мгла...
...Зайнаб вернулась. Подошла к постели...
Поправила подушечку. Легла...

VIII

Но спать не удастся ей никак...
В ее душе опять сгустился мрак,

В уме возникли новые сомнения: i
«Что, если пред Аманом, без стеснения,

Во всем признаться, вслух сказать, как есть?!
Неужто это запятнает честь?..

Мол, так и так... Я избрала тебя.
И, если я твоей душе угодна,

Твоей женою стану я, любя...
Нет! Нет... Такая смелость мне несродна!

Да повернется ль у меня язык,—
Ведь он к таким признаньям не привык!..

А если он, Аман... Подумать тяжко!..
Вдруг засмеется?!»

Мучится бедняжка.
Пылает... Руки холодны как лед.
Да как же так — она к нему придет?!

«Аман!.. Каким заклятьем ты достиг,
Что ты в моих мечтаньях — каждый миг?!

Из памяти уйди! Души не мучай!
В моей груди пылает уголь жгучий.

Зачем тебя я встретила, Аман?!
Жила бы я беспечно и привольно.
Не знала бы душевных, тяжких ран!..
Как стыдно мне, любимый! Как мне больно!

Ох, если бы тебя я не встречала!..
А сердце чует: это — лишь начало

Жестоких бед... Из-за тебя (прости!)
Придется столько мук перенести,

Такая тяжесть плечи мне придавит,
Что буду я бродить, едва дыша.

Все надсмеются. Все меня оставят.
Да разве это вынесет душа?!»

...Всю ночь Зайнаб взывала без ответа,
В слезах стонала и ждала рассвета.

IX

И наконец оконца просветлели...
Зайнаб встряхнулась, спрыгнула с постели,

В лицо плеснула ледяной воды.
Скорей к подругам — в поле!.. За труды!

...А в поле грусть как будто ветром смыло,
Работа девушке вернула силы,

Приободрил веселый смех друзей...
Подружки — розы, парни озорные
Так улыбались, так шутили с ней,
Что горести рассеялись ночные.

И опасений словно не бывало...
Спокойно и светло на сердце стало,

И флейты радости в ушах поют...
Простор полей, кипучий общий труд,

И вешний ветерок, и помощь друга —
Не лучшее ли средство от недуга?!

И вновь Зайнаб уверенна, смела,
Душа, как птица, вырвалась из плена,
Рванулась к небу, развернув крыла:
«Нет, счастье будет, будет — непременно!

Любовь — не прегрешенье, не порок,
Любовь — великой радости исток.

Пускай молва потом меня осудит.
Но я права, а дальше будь что будет!»

Х

Садится солнце. Завершился труд,
Чредою девушки домой идут.

Плывет их песня надо всей округой...
Зайнаб идет с Хури — своей подругой.

Адаль — с певуньей звонкой Рухсорой,
Асаль — с плясуньей — тонкою Сарой.

Сурма идет, за ней Суксур, Анар,
Вослед Гульнар, которой мил дутар.

Смеются все, работа им — отрада.
Во всей красе, как звездная плеяда,

Идет чредой прекрасный строй сестер,
И над землей плывет их дружный хор.

На улочке, что издавна знакома,
Зайнаб неспешно повернула к дому.

Помедлила... Жаль покидать подруг!..
И, на пороге став, глядит вокруг.

Смеясь, болтая, оживленно споря,
Колхозники идут сегодня так,

Как будто возвращаются с нагорий,
Где было козлодрание — улак.

Так весело на улице сегодня,
Ну точно в славный праздник новогодний!..

Сдается, что никто и не устал,
Все так довольны нынче — стар и мал, —

Ну словно бы — не с поля, а с гулянья
Веселый возвращается народ...
Зайнаб стоит и смотрит в ожиданье:
— А вдруг Аман среди других мелькнет?..

...Но кто — Аман?.. Отец его и мать?
Об этом даже слыхом не слышать.

И так и сяк Зайнаб разузнавала,
Да от расспросов толку было мало.

Никто не знал — откуда он пришел,
В каком гнезде он подрастал, орел?..

Никто не виделся с его родными.
Где жил он, что он делал до сих пор?..
«Что, если у него — дурное имя?!
Тогда падет на голову позор!

Тогда с презреньем скажет кто угодно,
Что приглянулся девушке безродный

Пришлец, бродяга жалкий — без корней...
Тогда проклятий не избежать ей.

Все назовут беспутною, дурною.
Подруги повернутся к ней спиною...

Что дух Былого — тягостный и жуткий —
Царит еще и в сердце, и в рассудке

У множества старух и стариков,
Что он живуч и цепок, дух веков,

И под предлогом ласки и участия
Угрозой станет молодому счастью...

Но чтоб об этом толком рассказать,
Мы повернем повествованье вспять.

II

В судьбе Зайнаб проклятый узел бедствий
Затянут был еще в далеком детстве.

Ей было от роду лишь два-три дня,
Когда в их доме собралась родня.

Все нарядились будто бы для пира,
С собой ребенка принесли — Сабира.

— Вот он — для вашей девочки — жених!..—
И преломили над столом лепешку.
Так накрепко связали их двоих:
Малютку-жениха, невесту-крошку,
Короткую молитву прочитав.

Сабира отличал спокойный нрав,
И он игрой был поглощен всецело.
От голода невеста заревела,
И был истошным криком завершен
Обряд, столь роковой для многих жен.

Казалось, все о том забыли позже
В чередованье радостей и бед...
Но мы увидим, что обычай все же
На девичьей судьбе оставил след.

III

Шли годы унижений и нужды.
Осыпались, как с дерева плоды,

Родные разбрелись куда попало...
Отца и матери Зайнаб не стало.

И вот сиротка в кишлаке одна.
Кому она, бездомная, нужна?!

Нет у бедняжки ни угла, ни крова,
Нет матери, и нет отца родного,

И друга нет, кто б в горе пожалел...
Печален обездоленных удел!..

Легко ль чужие обивать пороги?..
Бредет Зайнаб-сиротка по дороге.

Вон дом богатых — ладен и высок.
Зайнаб рукою отирает слезы,
Дрожмя дрожит, как слабенький росток,
Когда в него ударили морозы.

Приюта робко просит сирота,
Но дверь в богатом доме заперта.
Зайнаб напрасно молит об ответе...

...Однако не без добрых душ на свете!
Нашла Зайнаб гостеприимный дом
И приютилась под его крылом.

Домишко этот — неприметный, скромный —
Был неухожен, был убог и стар...
Сиротка стала дочерью приемной
Незлой, но шумной тетушки Анар.

В те годы тетушка была бедна...
Зайнаб в делах — с рассвета дотемна:

Встает с зарей и тут же — за уборку,
Пылиночку и ту заметит зорко...
Так прибран дом, что любо поглядеть!
...Зимой сиротке нечего надеть,

Дрожит, бывало, в драной одежонке,
Но твердо помнит: жаловаться — стыд,
И только голосок — дрожащий, тонкий —
О потаенном горе говорит.

IV

Луна и черной ночью свет зажжет.
Растопит солнце самый толстый лед.

Те времена лихие миновали,
Хотя сотрутся в памяти едва ли

Царапины и шрамы прошлых лет:
Нет-нет, да обнаружится их след...

Но все слышнее поступь жизни новой,
И будущее — рядом, за дверьми.
Минувших дней прогнившие основы
Навеки уничтожены людьми.

Привольней беднякам живется ныне.
Колхозы стали строиться в долине,

В них записалось множество семей,
Средь них — Анар, Зайнаб, конечно, с ней!
И пред глазами девичьими скоро
Открылись необъятные просторы.

Зайнаб узнала, что, как все, она
На уважение имеет право,

Что новые настали времена
И перед нею — трудовая слава.

Опять Зайнаб, как в детстве,— весела,
В колхозе ценят все ее дела:

Терпенье, трудолюбие, умелость,
Пожить ей по-иному захотелось,

Не так, как жили бабушка и мать,—
Своей судьбы хозяйкой полной стать.

Глаза ее, искристые, живые,
Глядят на мир, не опуская век.
Зайнаб всем сердцем чувствует впервые,
Что ведь она и вправду человек.

Судьба к сиротке проявила милость.
Тогда и чувство в сердце пробудилось,

Преображая все, как свет зари.
Зайнаб решила: «Хватит мне скрываться!»
И в тот же день к ней подвела Хури
Амана...

Мы о том расскажем вкратце.

V

Свершилось то, что было неизбежно.
Он смотрит на нее тепло и нежно,

Он покраснел... («А ведь, пожалуй, он
Уже с давнишних пор в меня влюблен?..

Как я, быть может, с первого же взгляда?..
О сердце, сердце!.. Нет с тобою сладу!..»)

Но о любви не заводил он речи.
(«Иль чувство проверяет он сперва?»)
Нечасты были первые их встречи,
Робки Амана первые слова.

Как будто что-то он сказать не может,
Как будто мысль какая-то тревожит

Джигита втайне... («Или, может быть,
Меня боится речью оскорбить?

А может, посерьезней есть причины?
Поди пойми, что в сердце у мужчины!»)

Но час настал. В июньский вечер лунный,
Когда звенел и шелкал соловей,
В душе Амана задрожали струны
И наконец-то он признался ей.

И слушала Зайнаб, опьянена,
Слова любви, забыв о целом мире,
Забыв о всех сомнениях сполна
И уж совсем не вспомнив о Сабире...

К тому же в кишлаке Сабира нет.
Уехал, ходит в университет
И с головою погружен в ученье...
Жених?! Да кто же придает значение
Тому, что начудили старики?!

Но, времени и смыслу вопреки,
Родня Сабира помнит это свято,
И мать его готовит пир богатый:

«Как только сын мой ступит на порог —
По мне, так лучше и не уезжать бы! —
Исполним то, что повелел пророк
И выберем счастливый день для свадьбы!»

VI

Зайнаб о том не знает ничего,
В ее душе восторг и торжество.
Она о радости своей огромной
Поведать хочет матери приемной.

Но как начать?.. Зайнаб мешает стыд.
За смелую Хури она бежит...

Весь путь они проводят в жарких толках —
Как поучтивей подготовить мать?
Пришли. Анар сама как на иголках
И разговор сама спешит начать:

— Зайнаб, ты знаешь, что спокон веков
Удел узбекской женщины таков:

Стать мужу своему женой примерной,
Богобоязненной, до гроба верной,

И послушаньем заслужить свой хлеб.
Так велено и Книгою Судеб.

Все ищут пару — молодой и старый,
И птицы разбиваются на пары.

Жить по двое все в мире норовит...
Хороший муж — от всех напастей щит.

На одиночку валятся все беды,
Горит и мучится ее душа.
Недаром за пророка Мухаммеда
Пошла девятилетняя Айша...

VII

Кому отец твой прочил дочь свою?
Зайнаб, он тешился мечтой одною,
Чтоб ты вошла в Сабирову семью,
Чтобы Сабиру стала ты женою!

Так завещал пред смертью твой отец...
Счастливица! Жених твой молодец!

Ученый он, умелец в каждом деле,
А ты — его невеста с колыбели:

С молитвою лепешку преломив,
Соединили вас навеки вместе.
Сабир учтив, разумен и красив.
Все позавидуют его цевесте!

VIII

Так, торжествуя, говорит Анар,
И за ударом падает удар

На сердце девушки, как лист, дрожащей.
Зайнаб молчит, но дышит чаще, чаще
И в страхе слышит:

— Подошла пора.

О сроках говорили мы вчера.

Когда Сабир — жених твой золотой,—
Закончив курс, из города приедет,
Сыграем свадьбу, справим славный той...

...Зайнаб — ни слова...

Может статься, бредит

Она, Зайнаб?.. Все — точно злой кошмар!
Нет, наяву ей говорит Анар:

— Да, вот еще... По просьбе всей родни
И ради соблюдения приличий
Наденешь паранджу на эти дни —
Как нам велит старинный наш обычай!

IX

Зайнаб сидит, как будто онемев,
Обида, возмущение и гнев

Кипят в груди — глубоко и подспудно.
Словами высказать ей это трудно.
Сидит, как ночь беззвездная,— глуха.
Ужасна боль, когда она тиха.

С негодованьем слившись воедино,
Она терзает, мучит изнутри...

Тут, как река, ломающая льдины,
Внезапно речью прорвалась Хури.

X

— Апа, простите мне прямое слово:
Но вы нас к рабству возвратили снова.

От вашего решения Зайнаб
В былые годы умереть могла б,
То, что зовете вы богобоязнью,
Могло бы обернуться лютой казнью.

«Зайнаб обещана была когда-то!..»
Но изменилось все жите-бытье.
И если к девушке приходят сваты,
Как не спросить согласия у нее?!

Считать ее невестой — просто бред!
С тех пор прошло почти что двадцать лет!..

А может быть, Зайнаб за это время
Сама кого-то избрала меж всеми?..

Решенье, может статья, приняла
И обещание сама дала...

Так как же ей свое нарушить слово?!
Апа, решайте сами — где исход...
Зайнаб не может выйти за другого!
Она, как лист, засохнет и умрет!..

XI

Анар вскочила. Щеки у Анар
Дрожали и пылали, как пожар,

В течение всей строптивой этой речи.
Тяжелым грузом ей легло на плечи

Все, что сказала горячо Хури...
— Девчонка! Что ты там ни говори,

Закон нельзя нарушить! И к тому же...
Да обойди Зайнаб весь белый свет,
Где, где она отыщет лучше мужа?!
Умней, достойнее Сабира нет!

Сабир — мечта красивейших невест.
Как солнечный восход — его приезд.

Тебе, Зайнаб, завидует любая!..
Сабир умножит хлопок в нашем крае,

И хлынет золото к нему в хирман!..
Да можно ли, решившись на обман,

Вдруг отказать Сабиру?! Дико это!..
А что тебе, Зайнаб, велел отец?!
Отцов и дедов мудрые заветы
Кто смеет нарушать?! Какой подлец?!

ХII

Зайнаб молчит, в себя погружена.
И разговор ведет Хури одна,
Теперь помягче, просто и сердечно:
— Я понимаю вас, апа!.. Конечно,

И вам, апа, нерадостно сейчас.
Зайнаб хотела б выполнить наказ
И сделать так, чтоб всем приятно было.
Сдержать обет, хоть он не ею дан...
Но ведь она Амана полюбила,
Ее избранник — молодой Аман...

Он объяснился... В этом нет греха!
Не надо ей другого жениха!..

По счастью, злые годы миновали,
Когда насильно замуж выдавали!

Аман — ее любовь, ее судьба...
Нет, женщина сегодня не раба,

Не вещь бездушная, и не забава,
И не служанка мужа, наконец!..
Кто у Зайнаб теперь отнимет право
На счастье, на любовь?! Какой подлец?!

XIII

Слова Хури звучали гордо, смело,
Глаза метали огненные стрелы
В противницу... А та — горит огнем,
Она готова в бешенстве своем
Избить Зайнаб, Хури... Чернее тучи
Вскочила, и поток упреков жгучий
Обрушился на голову Зайнаб:
— Выходит, вот она — твоя работа!..
Бесстыжая! Ох, знала я когда б!..
Хотя б намеком надоумил кто-то!..

Твердила мне о деле, а пока
Нашла себе сердечного дружка

И, с подлою подружкой условясь,
Гуляла с ним, забыв и честь, и совесть!..
Вот где твои колхозные дела!..

Все не могла Анар уговориться,
К Зайнаб она вплотную подошла
И крикнула: — Бесстыдница! Блудница!..

XIV

И, словно молнией обожжена,
Зайнаб качнулась... Вся дрожит она,

Однако оскорбительнице прямо
Глядит в глаза:

— Остановитесь, мама!..

Прошу, не торопитесь оскорблять!
Ведь вы мне были как родная мать!

Когда б вы поняли, как мне обидно!..
Смирите свой несправедливый гнев!

Увидите, вам тоже будет стыдно,
Когда увяну, чуть зазеленев...

Не будьте так жестоки, так упрямы...
Спокойно выслушайте правду, мама!

— Да, да, всю правду! — крикнула Анар.—
Всю правду! Как тащила на базар

И красоту свою, и стыд девичий!
О чем ты думала, презрев обычай?!

Какой наглец тобой руководил,
Толкая на презренную дорогу!
Какой хитрец с пути прямого сбил?!
Да, да, скажи всю правду ради бога!
С кем ты слюбилась?! С чертом, с сатаной —
Ты, что могла быть честною женой!..

Меня в пример хотя бы взять могла б...
Достойной жизнью я жила, Зайнаб,

Шестнадцатый всего пошел мне год,
Когда на свадьбу повалил народ.

Сказали, что приданое готово,
Но больше мать не проронила слова,

Кто мой жених — о том не говорят...
Красивый, помню, был на мне наряд,

Дрожала я от страха и стыда...
День показался бесконечно долог.

А кто мой муж, узнала я тогда,
Когда передо мной открыли полог...

Родителей за то я не кляла...
И что дурного?.. Я не умерла.

Здоровьем — видишь — с молодой поспорю.
От мужа мало я видала горя,

Хоть и счастливого не знала дня.
Жила, как все другие до меня,

Как жили сотни бабушек и дедов
За много лет до нынешних времен,
Хваля аллаха, злобы не изведав
И соблюдая мудрый наш закон...

А ты, блудница, вздумала роптать
И все, что нам священо, в грязь втоптать,

Все уничтожить за одно мгновенье,
О кротости забыв и о терпенье!..

XV

Пронзительные крики сердце жгут,
И слезы непрерывные бегут

По бледным щечкам девушки несчастной.
Хури молчит...

Внезапно, с мукой страстной
Зайнаб сказала, голову подняв:
— Как черен ваш обычай! Как неправ!
Поймите! И по вашему рассказу
Его жестокость очевидна сразу.

На свадьбе мужа увидеть впервой!
Да это ж гибель для души живой,
Источник всех обид и унижений!
Пуškai не испытали вы лишений,

Но — сами согласились вы сейчас,—
Что счастье тоже обходило вас!..

Все годы — в беспросветной кабале,
Без радостей любви брести устало...
Нет, изо всех бесправных на земле
Бесправней наших женщин не бывало!

Защитника вы в муже обрели?!
Но кем был муж?.. И он лежал в пыли,

И муж, и вы в течение поколений
Склоняли пред богатыми колени!

Для вас — хоть вы не признаётесь в том! —
Богатство было высшим божеством.

Рабом был муж... Рабой вдвойне — жена!
Тьма, униженья в тысяче обличий!..

Нет, мне такая участь не нужна!
Будь проклят он — священный ваш обычай!

XVI

Да, да, вы прожили немалый век.
Но как вы жили?.. Так, как человек?..

Сначала были дочерью послушной,
Потом женою стали равнодушной

И уступали мужу, не любя...
Как страшно обокрали вы себя,

Смирясь и покорившись без усилий!
Иль вы не поняли — хотя б теперь:
Те, что на свадьбе полог приоткрыли
Пред вами — к радости закрыли дверь,

В тот миг на вас обрушилось несчастье,
Вас обрекли на вечное ненастье,
А вы в смиренье пагубном своем
Считать его хотите ясным днем!..

Неужто, если б вас лишили зренья,
Вы и тогда бы, копошась впотьмах,
Не потеряли рабского терпенья
И повторяли: — Так велит аллах!

Я порвала с терпеньем. И не каюсь!
От вашего закона отрекаюсь.

Да, я хочу и счастья, и любви
И сердцу говорю: — Люби! Живи!

Рвануться к небесам я захотела,
Мечтанья воплотила наяву
И ту судьбу, что вы считали белой,
По праву черною теперь зову.
Ко мне теперь пришла весна в цветах.
Очнулась я. Я победила страх,

И в каждой жилке заиграла смелость.
В груди большое пламя разгорелось,

Как будто неподвластное уму
И вот я устремилась к одному,

Заметила его меж остальными,
Хоть, может быть, он даже нехорош...
Но чуть слышу дорогое имя,
Тотчас по телу пробегает дрожь,

Огонь в груди, в глазах моих туман...
Как сладостно зовут его — Аман!

О мама! Я честна перед тобою.
Аман, Аман! Он стал моей судьбою!

Один Аман желанен и любим!
О мама! Я неразделима с ним!

Неужто преступленье я свершила,
Что на людей смотря без паранджи,
Нашла такого, чье лицо мне мило!..
В чем виновата я,— сама скажи!

XVII

Я слишком долго говорила, мать.
Все для того, чтоб вы могли понять,

Чтобы меня вы отпустили с миром...
О мама! Не терзай меня Сабиром,

Не раскаляй на медленном огне!
Пусть он хорош, он все же не по мне.

Пусть он ученый, пусть он — самый лучший.
Но сердце не способно на обман.

Словами гневными меня не мучай.
Что мне Сабир?! Мне нужен мой Аман!

Сабир прекрасен, это всем известно,
Так пусть с любую девушкой прелестной

Идет он подобру и поздорову...
А мне оставьте моего дурного

И неученого,— какого есть!
В любви Амана — жизнь моя и честь!..

Когда я с ним, душа моя спокойна...
О мать! Я сожаления достойна!
Вы были доброю ко мне всегда,
Так не лишайте и сейчас участия.
Поймите вы: Сабир — моя беда.
Аман — мое единственное счастье!

XVIII

В глазах Анар горит все та же злоба...
— «Аман...», «Аман...» Противны мне вы оба!..

Так, значит, за Сабира не пойдешь?
— О мама!.. В сердце не вонзайте нож!

Я все вам рассказала не тая.
— Тогда решай: любовник или я?..
Я иль Аман?..

— Аман мне всех дороже!
— Ох, слышать не могу о нем без дрожи!

Да кто он — подлый этот негодяй?
Откуда родом?.. Слышишь?.. Отвечай!

— Кто он?.. Об этом я не дознавалась.
Сама я в нем сначала сомневалась,
А нынче верю. Верю навсегда.
И этой верю душа горда.

Меня он любит... Разве мало это?!

Анар невзидала от злости света:
— Прочь! Убирайся с глаз моих долой!
Уйди, змея! Чьей хочешь, будь женой,

Себе, отцу покойному на горе!
Околевай в презрении, в позоре!

Тебе я много сделала добра!
Другое подыщи себе жилище!
Ох, вспомнишь обо мне!

Придет пора,
Тебя он бросит... И бездомной, нищей —

Поймешь тогда, как ты была слепа!

— Не нужно проклинать меня, апа!
Не причиняйте сердцу лишней боли
И не жалеете вы о хлебе-соли,

О том, что дали девочке приют...
Проклятья ваши, точно плеткой, бьют.

Все ж прежней доброты я не забуду,
И больно мне, что я, уйдя отсюда,

Свои долги с лихвой не отдала...
Когда в себя придете вы от зла,

Того, что мысли вам сейчас туманит,
Увидите, вам тоже горько станет,

А я пойду, покинув этот дом,
Дурным ли, добрым, но своим путем!

И слезы льются у Зайнаб опять,
И тихо плача, стала собирать
Она свои нехитрые вещицы,
Все то, что оставалось в ичкари...

А старая не думала смириться,
Браня Зайнаб, а вместе с ней Хури,

Кляня свои убытки и потери,
Пока не вышли девушки за двери.

Старуха, распалясь, вопила так,
Что говорил в тот вечер весь кишлак

О ссоре, о Зайнаб и об Амане...

...А поутру, когда в рассветной рани
Сверкнуло небо розовой каймой,
Сабир вернулся к матери домой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Как только над селеньем тьма сгустилась,
Зайнаб в уже знакомый путь пустилась.

Шаги ее пугливы и легки...
Пришла... Стоит у Зеравшан-реки.

Заводит с ней загадочные речи
Свидетель первый — черная вода.
Второй свидетель тайной этой встречи —
Над Зеравшаном горняя звезда.

Свидетели такие не опасны.
Они к прелестной девушке пристрастны.

Обет молчанья всей природой дан...
Кусты, шурша, раздвинулись... Аман,

Волненья полон, полон ожиданья —
Торопится к любимой на свиданье.

Но что случилось?.. Кто ее обидел?
Лицо возлюбленной бледней луны.

Столь грустною Аман ее не видел:
Слезами очи звездные полны.

II

Дрожа, Зайнаб шепнула еле внятно:
— Аман!.. Должна молчать я, вероятно.

Но, милый, сердце у меня болит...
Недавно я... ох, даже вспомнить стыд!..

Я поступила недругам в угоду:
И не сказала — из какого рода

Ты, мой любимый, где твой отчий кров,
К нам ты явился из каких краев?

Кто твой отец? Кто мать твоя родная?..
Ведь ничего я о тебе не знаю!

Поведай мне: в каком достойном месте
Тебя растили родичи твои!..

Все расскажи подробно, честь по чести,
И ничего — прошу! — не утан.

Я и сейчас, Аман, горжусь тобою,
И — верь, мой друг! — гордиться буду вдвое.

Простой, правдивый выслушав рассказ..
Что ты молчишь, любимый?..

Свет погас
В глазах Амана. Щеки побледнели.
— Ты, рассердился, милый?! Неужели,

Спросив тебя, я совершила грех?..
Аман молчал. Он был далек от всех

И от Зайнаб... Путь совершал он длинный,
Взбирался на пригорки, шел долиной,
Селенья посещал и города..
Он погрузился мыслью в те года,
Когда судьбы чуть намечалась завязь...

И наконец с волненьем жгучим справясь
И глядя в нежные глаза Зайнаб,
Он речь повел о бедах, о печали,
Был голос у джигита тих и слаб.
Как шум травы, слова его звучали.

III

— Ты мне велишь все рассказать!.. Изволь.
Но твой вопрос разжег такую боль!..

Едва дышу от муки нестерпимой..
Как все мне объяснить моей любимой?

Клянусь, не повинуется язык!..
Печальны главы повести унылой.

И хоть мужчина плакать не привык,
Но удержать рыданья не под силу!

Что мне известно о себе — Амане?
Вспоминанья?.. Нет воспоминаний!

Какое имя я ни назову,
Ни в сокровенных снах, ни наяву

Оно не будет связано с чертами
Родимой матери или отца!..
Как тяжело мне!.. Меня сжигает пламя.
Но все же слушай... Слушай до конца!..

IV

Ты знаешь, чем подлунный мир живет?
Его опора, светоч, и оплот,

И противостоянье вероломству —
Любовь и нежность матери к потомству.

Весь мир согрет любовью и теплом,
Он материнским осенен крылом.

Над всем живущим сень оно простерло...
И если смерть хватает мать за горло,

То, прежде чем оцепенеет взгляд,
Пока еще он стынет понемногу,
Следит он за ребенком, говорят,—
Не надо ль оказать ему подмогу?

Безгранна эта нежность и крепка.
Собака воет, потеряв щенка.

Над малыми птенцами суетится,
Питает их неутомимо птица.

Везде, Зайнаб,— ты погляди вокруг! —
Любовь родимой... Даже мама-жук,

На черного жучонка глядя нежно,
Жужжит тихонько: — Ах, мой белоснежный!

Все, даже змеи, даже скорпионы,
Что, как известно, ядовито-злы,
На чад своих любуясь умиленно,
Бормочут: — До чего они милы!..

V

Благоухают по весне сады,
Под осень наливаются плоды,

А в сердце материнском круглый год
Любви и нежности сияет плод.

- Какая мать ребенка не голубит?
Какой ребенок мать свою не любит?..

Дитя — цветок, а мать — цветущий сад,
Цветы, пестрея, сад благодарят.

И только я — угрюмый, нелюдимый,
Один брожу по свету с детских дней,
Грустя о матери своей родимой
И ничего не ведая о ней.

Лишь я тоскую, плача и стеная,
О песенке, которой я не знаю,

О той, что до меня и не дошла,
Той, что лучами света и тепла,

Что звуками своими золотыми,
Как ручеек, журчала над другими.

Журчанию такого ручейка,
Бывало, я внимал издалика.

Бывало, чуть на улицу я выйду,
Услышу, как ребенка кличет мать,
Такую чую зависть и обиду,
Что не могу тебе и описать!

VI

Мне было девять в горьком том году,
Когда узнал я про свою беду

И навсегда утратил бодрость духа.
В тот самый год согбенная старуха,

В чьем бедном доме я, мальчишкой, рос,
Сказала, не удерживая слез:

— Узнай всю правду-истину, сынок,
Ты, как листок последний, одинок.

Истории твоей скрывать не стану
И больше притворяться не могу.

Однажды подошла я к Зеравшану
И там нашла тебя на берегу.

Нет ни сестрицы у тебя, ни брата,
Нет женщины, что приняла когда-то

Тебя, склонясь над матерью твоей.
Нет у тебя ни близких, ни друзей:

Нет никого на целом белом свете,
Кто б за тебя, несчастный, был в ответе!

Тебя я возрастила, как могла,
Но доля престарелых тяжела,

Слаба я, видишь... Иссакают силы,
И мне тебя не прокормить... Прости!

Покинь мой дом! Ступай в дорогу, милый!
Да сохранит аллах тебя в пути!..

За эти годы поутихли войны.
Наш край родной теперь живет спокойно.

Быть может, там, куда направишь путь,
Родных своих ты сыщешь где-нибудь.

Мне жаль тебя, я безутешно плачу!
Но, может быть, судьба пошлет удачу

И Зеравшан подаст сиротке знак,
И ты узнаешь свой родной очаг...

Старуха замолчала и с тоскою
На небо устремила тусклый взгляд...

Я понял все. Я встал, махнул рукою
И зашагал — куда глаза глядят.

VII

Я шел вдоль Зеравшана. Но, однако,
Река нигде не подавала знака:

Вот, мол, твой дом!.. Стучись и заходи!..
Меня хлестали ветры и дожди,

Жара томила, с ног сбивали грозы.
Глаза кровавые струили слезы.

Я всюду был бродягой из бродяг
Пришелец жалкий, робкий и безмолвный,
Я речку заклинал: «Яви мне знак!»
Но равнодушные звенели волны.

Бывало, дом завиху за холмом —
Взбегу на холм, спешу с надеждой в дом...

Выходят мне хозяева навстречу.
Случается, приветливы их речи:

-- Садись, мол, путник! Отдохни в тени! —
Но ни один не знал моей родни.

Никто из жителей окрестных стран
Не слышал, чтоб ребенка потеряли...
Я продолжал свой путь...

И Зеравшан

О берег бился, устремляясь в дали.

VIII

И, как река меж гор, среди долин
Я шел все дальше... Шел один, один,

Расспросами всех встреченных тревожа,
Но слышалось в ответ одно и то же:
— Нет, не знавали мы твоих родных!
Да что искать?! Их, верно, нет в живых.

Несчастья нашу землю посетили.
И люди гибли жертвами насилий,

От голода и от иного зла...
Бесчисленны жестокие потери!..
Творились в мире страшные дела.
Брось поиски!..—

Но, никому не веря,

Я шел все дальше. Я менял места
И плакал, как ягненок — сирота,

А надо мною щебетали птицы:
— Не мучься попусту! Пора смириться!

Шептали мне тенистые сады:
— Смирись!.. Напрасны все твои труды!

Но шел я дальше — через перевалы.
И видел — жизнь повсюду расцветала.

Живет в довольстве, в радости народ,
Забыв о злополучье, о ненастье,

И лишь меня все та же боль сосет.
Непоправимо лишь мое несчастье!..

Дурной вопрос ты задала Аману,
Ты старую разбередила рану,

Невольно на нее насыпав соль!
За что, Зайнаб, ты причинила боль

Тому, чье сердце издавна разбито?
Вновь поднесла ты кубок ядовитый

К губам, сухим от жажды с юных лет!..
Кто я, Зайнаб?! Что мне сказать в ответ?!

Ты разбудила сонмище смятений.
Ты пламя гнева разожгла во мне!..
Зайнаб, я сохну, словно лист осенний,
Зайнаб, я гибну в медленном огне!

Откуда я?.. Спроси у Зеравшана,—
Что земли оmyвает неустанно,

Кто мать моя? И сам я — кто таков?
Спроси у седовласых стариков,

Спроси у горлиц, что на ветках ивы
Стоняют жалостно и сиротливо,

Спроси у ветра, что летит в поля,
Спроси у ветки белой миндаля,

Кто — твой Аман, твой друг — кого, тираня,
Ты ввергла в жесточайшее из зол?..

Они тебе расскажут об Амани —
Кто я таков, откуда я пришел...

IX

Ох, сколько утекло воды с тех пор,
Как начал я — среди пустынь и гор —

Искать свое родное пепелище,
Родителей или хотя б кладбище,

Где упокоился их бедный прах...
Нигде о них я не слышал ни слова,
И Зеравшан, волнуясь в берегах,
Не подавал мне знака никакого,

Где родина моя, моя семья...
Зайнаб! Я к вам пришел, в твои края,

От горя пожелтевший, как солома,
И встал усталый на пороге дома,

Смотря на лица через сетку слез...
И стал мне отчим домом ваш колхоз.

Здесь я нашел себя, покой и честь
Среди друзей моих в работе славной.

Я стал самим собой, каков я есть.
Я — человек, я между равных — равный.

Х

Здесь я обиды позабыл свои.
Я здесь у вас — в кругу родной семьи.

И не унижен, и не обездолен,
И, наконец, своей судьбой доволен.

Я честно зарабатываю хлеб,
И понял я, что жалок был и слеп,

Не видя радостей, сокрытых в мире,
Не видя красоты его и шири,

И в заигравшей радостно крови,
В душе моей, очнувшейся впервые,
Возникла жажда счастья и любви,
Любви, которой дышат все живые.

ХІ

Зайнаб! К тебе я стираю руки,
А с ними сердце, где тоска и муки

Преобразилась в нежные цветы,
И это чудо совершила ты!

В твоей любви нашел я обновленье,
Забвенье всех моих минувших бед,
Ты, как заря, блеснула в отдаленье,
И над землею разгорелся свет,

Степь расцвела. Зашелестели травы.
О милая! Ты мне вернула право

На жизнь и радость... Где найду слова
Для той, чьей нежностью душа жива?!

Не мучь меня за то, что я измладу
Отвержен был — не по своей вине,

Не изгоняй из благостного сада
Твоей любви, что навсегда — во мне!

XII

Все это высказав, умолк Аман,
Рассеялись сомненья, как туман,

В душе Зайнаб... Глаза ее сияли
Глубоким светом нежности, печали,

Вспониманья, высшей доброты...
Еще милее сделались черты,

Освободясь от тени недоверья.
И ощутил Аман, что он в преддверье
Большого счастья. Пламенем сердец
Окрестный мир был озарен, казалось.

Все осияли — из конца в конец —
Взаимная любовь, доверье, жалость.

В ночи струился Зеравшан, шумя,
Двумя глазами, звездами двумя

Был освещен благоуханный воздух.
И влажно трепетали в этих звездах

Еще не высказанные слова...
Был берег тих, не двигалась трава,

Но в ветках трепетали ветра струи,
И листья посылали поцелуи

Друг другу — рядом и влюбленным — вниз.
Влюбленным, чьи сердца так сладко бились,
Чьи руки так доверчиво сплелись,
Чьи губы — наконец! — соединились...

XIII

...Как только посветлело за окном,
Зайнаб вскочила и с Хури вдвоем

По улице пошла походкой смелой...
Куда они?..

    Пред ними домик белый,
Чинары, длинный глиняный дувал...
Сабир-ака тут с детства проживал.

Семья пила неспешно чай зеленый,
Когда к ним двери приоткрыли вдруг.

Сабир привстал навстречу изумленный,
Приветствуя вошедших двух подруг.

Одна из них Зайнаб... Что приключилось?..
— Да, я к тебе, Сабир!.. Яви мне милость!

Сабир! Надежда только на тебя!
Мне тяжело, Сабир. Я погибаю.
Разбили сердце у меня, дробя...
Виною — ты... Нет, нет, судьба слепая!

С младенчества связали нас двоих:
Я, мол,— твоя невеста, ты — жених.

Так старики считают и старухи,
Они к моим слезам и просьбам глухи,

И нет конца проклятьям и хуле!
А мне всего дороже на земле —
Аман мой милый, мой жених желанный.
Из всех других я избрала Амана...

Прости, Сабир!.. Не ты, не ты мне дорог!
Да, верно, и тебе не я нужна!..
Все это бредни бабок, у которых
В оковах разум и душа темна.

Мы оба связаны не нашей клятвой...
Проклятый узел разруби, о брат мой,

И мы освободимся — ты и я,
Мы — не супруги. Мы с тобой — друзья.

И мы с тобой, Сабир, совсем не пара.
О, помоги сломить обычай старый,

Любовь и счастье превративший в ложь!..
И ты, Сабир, любимую найдешь,

Которая во всем тебя достойна...
От нас обоих отстрани беду!..
Пусть будет сердце у меня — спокойно.
Освободи меня, Сабир!..

Я жду.

Пока звучали тихие слова,
Сабир молчанье сохранял едва,
Он морщился, как будто выпил яда,
И все ж, горящие бросая взгляды,

То на Зайнаб, то на отца и мать,
Не смел рассказа девушки прервать.

Когда ж Зайнаб замолкла, покраснев,
Он распрявился, он излил свой гнев

В негромкой речи, сказанной сурово.
Немногословен был его ответ,
Но каждое продуманное слово
Зачеркивало мудрость прошлых лет.

XIV

— Пусть злые старики уйдут с пути,
Пусть не мешают молодым идти,

Как нам велит душа и наше право.
Людские чувства — больше не забава

Для старших и не рыночный товар!
Мир — не темница больше, не базар,

Где женщину — и дух ее, и тело —
Друг дружке предлагают торгаши.
Мы сами избираем — гордо, смело
Тех, кто всего желанней для души!

XV

Не мучься, милая! Люби Амана!
Кто-кто, а я тебе мешать на стану.

Я знаю цену подлинной любви.
Будь счастлива, сестра моя!.. Живи

В спокойствии и радости всегдашней!
Да сгинет он бесследно — день вчерашний!..

Забуть о нем давно пришла пора.
Ты — не моя невеста, ты — сестра,

И у меня есть девушка другая,
С которой разлучиться я б не смог!..
Будь счастлива с Аманом, дорогая!..
Да озаряет радость ваш порог!..

Ступай, Зайнаб!.. Ступай, сестричка,
с миром!..—
Зайнаб сияла. И перед Сабиром

Склонилась низко, чуть не до земли...
Вдвоем с Хури они домой пошли,

Сабира восхваляя неустанно.
Сейчас они порадуют Амана...

XVI

На крыльях добрая помчалась весть.
И в кишлаке все жители как есть

Слова Сабира громко повторяли,
Судили, и рядили, и гадали,

Что скажет мать Сабира и отец,
Что сделает Анар... И, наконец,

Решили в кишлаке единогласно:
Что, мол, Анар кричала понапрасну,
Что прежнее забыто сватовство,
Что, мол, Зайнаб добился своего
И что никто ей не желает зла.

Твердили молодые: жизнь пошла
Добрее, справедливей, чем когда-то,
И согласился дружно млад и стар,
Что скоро-скоро посреди рабата
Столы поставят и споют яр-яр.

XVII

На пышный той собрался весь кишлак.
По-своему о свадьбе думал всяк:
Седым все это было не по нраву,
А тот, кто молод, пел невесте славу

За то, что смелый проявила дух,
Не убоившись стариков, старух

И древнего жестокого закона.
Кто горестно смотрел, кто — восхищенно.

Все пожилые проявляли страх,
И все ж иная женщина в годах
Нет-нет, да и вздыхала поневоле
О юности своей, о горькой доле,

О девичьей загубленной красе,
Зазя увядшей, точно лист в несчастье,
А молодые радовались все,
Аману и Зайнаб желая счастья.

XVIII

И в этот день чудесный, говорят,
Битком набит колхозный был рабат.

Народ сюда стремился отовсюду —
Из мест соседних шли, издалека.
Храпели кони, горбились верблюды...
Из самого глухого кишлака

Спешила молодежь — не опоздать бы!
Народ стремился, как весенний сель.
Хотелось всем поспеть на праздник свадьбы,
Еще невиданной у нас досель.

XIX

На этом пире отыскалось место
И тем, кто раньше осуждал невесту,
Кто сгоряча желал влюбленным зла...
Хоть грустно было, все ж сюда пришла

Анар притихшая с погасшим взглядом,
Со старой матерью Сабира рядом

Она забила в дальний уголок,
Чтобы никто к ней подойти не мог.

Зато Хури смеялась, ликовала,
В девичьем звонком хоре запевала,

Она, хваля подругу, как всегда,
Счастливейший ей обещала жребий.

Хури была сегодня, как звезда,
Светлее, ярче всех сестер на небе.

Рубаб и чанг звенят. Цветной ковер
Великолепный развернул узор.

На пестром фоне, как большие птицы,
Порхают и кружатся танцовщицы.

Напевы слышатся со всех сторон,
Поет Халимахон, Назирахон...
Подобно облакам, кружатся пары.
Все веселятся — молодой и старый...

Сменяет пляску буйная игра.
Сегодня не затихнут до утра...

И только двое — лишь молодожены —
Как будто от веселья в стороне,
Но радость в них сияет потаенно,
Как отблеск звезд в полночной глубине.

XX

Вот так друг друга наконец нашли
Зайнаб с Аманом — детища земли,

Взломав оковы древнего завета...
Немного оставалось до рассвета,
Когда подруги, обступив кольцом,
Молодоженов проводили в дом,
Где жизнь свою они начнут сначала.
И песнь яр-яр, как никогда, звучала,

Все обещало счастье им двоим,
Был этот давний миг неповторим.

Вставало солнце. Зеравшан-река —
В лучах зари — и вправду! — золотая —
Струилась, освежая берега
И новое сознание пробуждая.

1938

**СЕМУРГ,
ИЛИ ПАРИЗАД И БУНЬЯД**

Была прелестна Паризад,
Она цвела, как вешний сад,
Она росла, не зная горя,
С цветами красотою споря.
Об этой красоте молва
Оделась в яркие слова,
В народе сделалась преданьем,
Для пылких юношей — страданьем.
Тот, кто ее не видел, — в путь
Спешил, чтоб на нее взглянуть,
Кто видел, — жаждал с нею встречи,
Чтобы ее услышать речи.
Все в мире мерилось молвой
О красоте ее живой,
Как золото, ценились вести
О раскрасавице-невесте.

Влюбленные не знали сна,
Их ночь была тоской полна,
Настало время смуты в ханстве, —
Шумел базар на всем пространстве:
Посол к царевне за послом
Валили каждый день валом,

Но всем отказом отвечала:
В ее душе любовь молчала.
Среди своих, среди чужих
Ей не был ни один жених,
Из витязей, стяжавших славу,
Ни по душе и ни по нраву.

Любви не ведая, она
Была, как мрамор, холодна.
Она девичества желанья,
Влюбленных страстные посланья
Отринув раз и навсегда,
Была бездушна и горда.
Горело — да и гасло много
Сердце вблизи ее порога,
Был пепел у ее дверей,—
Не делалась она добрей.
Послы, отвергнутые разом
И уезжавшие с отказом,
Твердили, возвратясь назад:
«Слывет недоброй Паризад».

Печаль вселилась в сердце хана,
Он был в унынье постоянно,
Вздыхая, думал день и ночь:
«Обычай нарушает дочь.
Иль старой девою остаться
Она решила, может статься?
Любовь душе ее чужда.
Куда же денусь я? Куда?
Какая доля мне досталась:
Без внука наступила старость!
Я так несчастен, обрета
Каменносердое дитя!
Как мне глядеть в глаза народу?»

Таких владык не знали сроду!
Кому я нужен? Я в аду,
Повергла дочь меня в беду!»

Хан, угнетен судьбой плачевной,
Решил поговорить с царевной:
«О Паризад, исчадьем зла
У нас в стране ты прослыла.
Ты — дочь моя, ты дорога мне,
Но сердце у тебя из камня,
Не знают слез глаза твои,
Душа не ведает любви.
Всех женихов ты отвергаешь,
Меня на муки обрекаешь,
Мне от тебя позор и стыд,—
Я горших не знавал обид,
И слыша о тебе плохую
Молву, я плачу и тоскую,
Меня ты режешь без ножа,
Моей судьбой не дорожа.

Меня года не пощадили,
Я быстродвигаюсь к могиле,
Уже давно я слаб и сед,
Старик семидесяти лет.
Позоришь ты мои седины,
Причина ты моей кручины,
Не вижу горестям конца,—
Прошу я, пожалей отца!

Ты камень сердца мягким сделай,
Решись на шаг бесстрашный, смелый:
Услышь призыв других сердец,
Чтоб радовался твой отец.
Ты избери себе супруга,

Отдай ты сердце сердцу друга.
Ты станешь знатному женой —
Избавлюсь от молвы дурной!»

Тут призадумалась царевна.
Молчала долго, но безгневно.
«Даю согласие, — наконец
Она сказала, и отец
Почуял вновь покой, здоровье, —
Но ставлю я одно условие,
Я выйду только за того,
Кто сможет выполнить его.

У нас в саду растет чинара,
Свидетельница жизни старой.
Вершина — чудо из чудес —
Достигла синевы небес.
Сто лет она живет на свете,
И не одно еще столетье
Дано ей жить, листвою манить
И тайны времени хранить.
Теперь глашатаев отправим —
Все земли в золото оправим:
Тот всадник мужем станет мне,
Кто, как на крыльях, на коне
Взлетит, сияньем неба залит,
Взлетит — и ту чинару свалит!

Я буду верною женой.
Пусть все пройдут передо мной,
Кто подвиг совершить решится.
Но если сердце не смягчится,
Не скажет: «К милому приди», —
Я вырву сердце из груди,
Швырну его своим врагам я
Иль мясникам его продам я!»

Послушной дочери ответ
Явил отцу надежды свет.
Он в путь глашатаев отправил,
Так приказал им, так наставил:
«Помчитесь, вестники, вперед,
Оповестите весь народ:
«Пусть каждый, в Паризад влюбленный,
Ее красою истомленный,
На состязание придет —
Жену и царство обретет.
Пусть каждый попытает счастье,
В борении приняв участие,
Чтоб улыбнулось торжество:
Ее условие таково».
И возвещает всем глашатай:

«Пусть всадник, будто он крылатый,
К вершине дерева взлетит,
Где небо синее блестит,
И свалит старую чинару,
Подвластную его удару.
Тогда, удачею богат,
Он женится на Паризад,
Свершив свой подвиг беспримерный,
А та женою станет верной.
Всем опасеньям вопреки,
Пусть приезжают смельчаки,
Пусть каждый попытает счастье,
В борении приняв участие.
Позор тому, кто не придет,
А кто придет — тому почет!»

Глашатаи, длинноязыки,
Помчались, издавая клики,
По всем селеньям, городам,

По всем базарам, площадям,
Под гром карная и сурная,
За весть подарки получая.
От этой ханской вести вдруг
Заволновалось все вокруг.
В державе толки не смолкали.
Вперед глашатаи скакали.

Богатыри из разных стран
Преопоясали свой стан,
Из ближнего, чужого ль края
Помчались, плетками играя,
Отважные во весь опор,—
Все знатные, как на подбор.
Парчой украшенные славно,
Бежали аргамаки плавно,
Красавиц поступью затмив,
Был каждый конь игрив, ретив.
Джигиты с Запада, с Востока
К чинаре двигались высокой.

Их потрясали голоса
Земную твердь и небеса.
Тропа, не знавшая предела,
От ржанья конского пьянела,
Кусали кони удила,
Все небо пыль заволокла,—
Так верховые издалёка
К чинаре двигались высокой.

Бессчетные, как муравьи,
Объятые огнем любви,
Из камня искры высекая
Иль стрелы меткие пуская,
Взвиваясь над хребтами гор
Иль отдыхая у озер,

Преграды одолев, твердыни,
Сухие степи и пустыни,
Тьмы знатных женихов текли,
Текли со всех концов земли,—
Быстрее бурного потока
Текли к чинаре превысокой.

Чтоб все на свете превозмочь
И в жены взять владыки дочь,
Чтоб стала храбрость их известна
Всему народу повсеместно,
Чтоб, счастьем вдохновясь таким,
Изведать, кто из них любим
Красавицей, досель жестокой,—
К чинаре двигались высокой.

Как много рослых силачей
Семь долгих дней и семь ночей
Пытались на чинару эту —
Недосягаемую мету —
Взобраться на лихом коне
И, оказавшись в вышине,
Свалить, подвластную удару,
Ту превысокую чинару!

Как много сильных удалцов,
Видавших виды гордецов,—
Юнцы и зрелые мужчины,—
С высокой падали вершины:
Как прежде, ствол стоял, ветвист,
И ни один не дрогнул лист!

Как птицы, всадники летели,
Как ветер, на лету гудели
И, отдохнув, устав скакать,
Садились на коней опять.

Как пули, всадники взметались,
Взобратся вновь они пытались
На дерево, на самый верх,—
Никто чинару не поверг!

Иные, становясь хитрее,
Ствол обвивали, точно змен,
Они карабкались, ползли,
Глядишь — они лежат в пыли!
Иные, хоть сперва упрямо
Взбирались вверх,— сгорев от срама,
В сторонку уходили прочь:
Нет, не для них владыки дочь!

О, сколько из коней, из многих,
Вдруг превратилось в хромоногих,
О, сколько юных полегло,
Отдав земле свое тепло.
Те — без сознания, те — калеки,
Те — успокоились навеки.

Шло время — ни один седок
Условье выполнить не мог:
Взлететь на дерево — и разом
Чинару опрокинуть наземь.
Богатыри, стыдясь, скорбя,
Кляня судьбу, вина себя,
Не обретя победы в споре,
Обратно возвращались в горе.

Был хан-отец тоской объят,
Казалось, что вкушал он яд.
Всегда спокойная дотоле,
Мрачнела Паризад до боли.
Роптал на бога хан-отец:

«Какую дочь мне дал творец!»
Владыку пожирало пламя,
Он бил себя по лбу руками,
Созвал придворных на совет,
Сказал им: «Дайте мне ответ,—
Больной нуждается в лекарстве!
Быть может, в нашем государстве
Есть хоть один из храбрецов,
Кто не откликнулся на зов,
Кто не услышал нашей вести?»

Вельможи стали думать вместе,
В конце концов сказали так:
«Остался лишь один бедняк —
Чабан Буньяд. Хоть с виду ладный,
Он горемыка безлошадный,
С ним дело не пойдет на лад.
Не ровня нашей Паризад,
О ней он даже и не грезит.
На верх чинары он не влезет,
Не свалит дерево чабан!»

Не внял своим придворным хан,
Сказал: «Когда беда нависла,
Вы рассуждаете без смысла.
Гонцов отправьте по стране,
Доставьте чабана ко мне.
Я дам коня тому Буньяду,
Я дам и дочь ему в награду.
Пусть крылья обретет джигит,
На верх чинары пусть взлетит,
Взлетит — и дерево повалит,
И весь народ его похвалит.
Глуп, неотесан, простоват,—
Он женится на Паризад,

И пусть он даже прокаженный,
А дочь ему отдам я в жены!»

Гонцы коней пустили в бег,
Вот из-за гор и дальних рек
Они доставили Буньяда.
Хоть сердце хана и не радо,—
Бедняк владыке не родня,—
Он все же дал ему коня.

Всю плоть Буньяда почему-то
Обжег огонь, объяла смута.
Глядит: чинара высока,
Ветвями входит в облака.
Отвага вспыхнула в Буньяде,
В его живом и дерзком взгляде.
Скакун, стремителен, ретив,
Как будто крылья распустив,
Заржал под синим небосводом
Пред взбудораженным народом.
Чабан властителя потряс:
Почувствовал он в первый раз,
Что нечто странное творится,
Что вся волнуется столица.
Затрепетала Паризад:
Какие беды ей грозят?

Проснулась в чабане решимость,
Вселилась в сердце одержимость.
Как богатырь, подняв чело,
Бесстрашно он вскочил в седло,
С неожиданной силою могучей
Коня огрел он плеткой жгучей.
Как молния, взметнулся конь,
Он распалился, как огонь,

Копыта звонкие четыре
На синей засверкали шири.
Небесный растоптав простор,
Как сокол, крылья распростер,
И на чинаре превысокой
Скакун уселся быстроокий.

С корнями прочными, с землей,
Взметая ввысь за слоем слой,
Как ветер, загудела яро
И гулко рухнула чинара,
Корнями в небо уперлась,
Зарылись ветви в пыль и грязь.
Свершив свой подвиг многотрудный,
Улыбкою сияя чудной,
На землю, несказанно рад,
Спустился на коне Буньяд.
Народ хвалил его и славил:
Державу от забот избавил!
И хан был счастлив: пробил час,—
Буньяд его от горя спас.
Стояла Паризад в бессилье,
Уста раскрылись и застыли.

Меж тем, Буньядом восхищен,
Спешил народ со всех сторон
На пир, на свадьбу, на веселье,
Столь долгожданное доселе.
К царевне подошел Буньяд.
У Паризад был темен взгляд.
Когда он протянул ей руку,
Она почувствовала муку.
В ней гордо закипела кровь.
Сказала, с бровью сдвинув бровь:

«Да, победил ты, я согласна,
Моя рука твоей подвластна,
Но счастья в том не нахожу,
Что нынче замуж выхожу.
Как быть? Должна сдержать я слово.
Но если б ты решился снова
Мое условие принять,
В дорогу двинуться опять,
Была б довольна я тобою,
Свою судьбу с твоей судьбою
Соединила б, как жена
Была б навек тебе верна».

Буньяд склонился перед нею.
«Я все преграды одолею,—
Сказал,— готов я хоть сейчас
Исполнить твой любой приказ.
Скажи, чего ты захотела?
Какое должен сделать дело?
Я в путь-дорогу поспешу!
Но если дела не свершу,
То замуж за меня не выйдешь,
Меня ты больше не увидишь!»

Буньяд, отвагою богат,
Ответ услышал Паризад:
«Далёко, в стороне закатной,
Есть див ужасный и отвратный,
И пожирает он людей,
И пьёт людскую кровь злодей.
Все от него: и мор, и голод,
И засуха, и лютый холод,
И громко радуется див,
Свой мрак над светом утвердив.

Он — горе наше и злосчастье,
Живет он у горы-напасти,
У родника горячих слез.
Его дыханье, как мороз,
Мертвит и лист, и цвет весенний.
Он есть начало всех мучений,
Источник самых тяжких бед.
Его увидев, гаснет свет,
Река любая высыхает
И тварь любая издыхает.
Погибели он предает
Все, что растет, цветет, поет,
Его страшится вся природа!
И сверх двух месяцев два года
Ты в трудном проведешь пути,
Чтоб до чудовища дойти,
Когда вы вступите в сраженье,
Придут два мира в изумленье!
И если, чтобы род людской
Обрел свободу и покой,
Ты одержать победу сможешь,
Чудовище ты уничтожишь,
И если, невредим и цел,
Вернешься ты в родной предел,
То в тот же день мы свадьбу справим,
Себя от горя мы избавим».

Буньяд зажегся весь, едва
Царевны выслушал слова.
Хан растерялся, пораженный,
Как будто громом оглушенный:
Что делать? И на этот раз
Надежды день, блеснув, погас!
Вокруг народ стоял в печали,
В народе многие рыдали.

Буньяд взглянул на небеса,
Взглянул на степи и леса,
Взглянул на горные вершины,
Взглянул — и в путь пустился длинный,
И скрылся сразу же из глаз.
Все разошлись в тревожный час.

Перевалил он через горы,
Степные одолел просторы,
Была дорога тяжела —
Упорно цель его влекла,
Прошел он реки и пустыни
И оказался на чужбине.
Из края в край, из дола в дол
На битву и на подвиг шел,
Шел бесконечною дорогой,
Был самому себе подмогой.

Песков сыпучих он достиг,
Озер кипучих он достиг,
Пустыня без конца и края
Пылала, пламя извергая.
Здесь не заметишь и листка.
Здесь, кроме душного песка,
Нет ничего: нет ни травинки,
Ни зернышка, ни паутинки,
Не видно твари ни одной,
Здесь только зной, песок и зной!
Над ним лучи свой жар простерли,
В поту лицо, и сухость в горле,
Ослабли ноги и горят.
Так много месяцев подряд
В песках он двигался устало,
Ему дыханья не хватало.

Буньяд скитался целый год,—
И что же взору предстает?
В песках без края и предела,
Где озеро вдали кипело,
Барханами окружено,
Стояло дерево одно:
Хотя и бедное убранством,
А возвышалось над пространством.
Буньяд поближе подошел:
Прогнил и высох старый ствол,—
Тысячелетие в пустыне
Он простоял, а на вершине —
Гнездо большое, птичий дом,
Нависло небо над гнездом.
Змея в пустыне той безвестной,
Обвив кругами ствол древесный,
Вонзая жало в плоть ствола,
Наверх ползла, к гнезду ползла,
Где выводок стонал пернатый,
Смертельным ужасом объятый.

Птенцов Буньяду стало жаль.
Он вынул меч, блеснула сталь,
Змею коварную и злую,
Приблизясь к дереву вплотную,
Мечом рассек он на куски
И кровью обагрил пески:
Змея погибла вместе с ядом!
Птенцы, спасенные Буньядом,
Уселись, ожидая мать,
Тревог не ведая опять
И громко радуясь спасенью.
Улегся наш Буньяд под сенью
Гнезда, пустыней истомлен,
И погрузился в долгий сон.

Вот минул полдень, и светило
Огнем все небо охватило.
Казалось, ветер взвился вдруг,
Земной, казалось, вздрогнул круг.
Иль молния упала рядом?
Иль стадо двигалось за стадом?
Закрыв крылами небосвод,
Семург свершала свой полет.
Но что же видит диво-птица?
Лежит Буньяд — и не таится!

Со львом в когтях летит она,
В ее зобу — пуды зерна,
Из глаз низвергнутое пламя
Весь мир объемлет языками.
Покоя не найдя нигде,—
Ни в воздухе и ни в гнезде,—
Над спящим начала кружиться
Разгневанная диво-птица,
Пугая хохотом весь мир,
Наполнив грохотом весь мир,—
Как бы лишь для того кружилась,
Что мир втянуть в свой клюв решилась.

Птенцы заплакали тогда,
Выглядывая из гнезда:
«О мать, он выказал отвагу,
Мы просим, пожалей беднягу,
Его не надо убивать,
Он спас твоих птенцов, о мать!
Не появись храбрец в пустыне,
Всех деток ты б лишилась ныне,
Добычей стали б мы змеи,
Погибли б птенчики твои!»

Семург задумалась, а жалость
Уже в груди ее рождалась.
Она простерла два крыла,
Чтоб над Буньядом тень легла,—
Над погруженным в сон глубокий
В песке, среди жары жестокой.

Мы диво-птицу назовем
Великим, мощным существом.
Ее серебряные крылья
Все мироздание закрыли.
Шли ночи и сменялись дни.
Буньяд в прохладе и тени
Семь суток под ее защитой
Не просыпался как убитый,
В пустыне, побежденный сном,
Все крепче спал он с каждым днем.

Семург взлетела — и мгновенно
Реки достигла многопенной
И влагу вобрала, свой клюв
И крылья в реку окунув.
Пустилась птица в путь обратный...
Не дождь ли хлынул благодатный?
Не зашумел ли водопад?
Проснулся, увидал Буньяд:
Уселась рядом диво-птица,
С обоих крыл вода струится.
Он в трепете к земле прирос.
Тут птица начала допрос,
Язык усвоив человеческий,
И повела такие речи:

«Здесь, в обиталище песков,
Я двадцать прожила веков.

Нет жизни здесь, в глуши пустынной
Не сыщешь твари ни единой,
Лишь с давней высятся поры
Песков-кочевников шатры.
Здесь и травинки не жилицы,
Давно повымерли все птицы,
Здесь нет ни одного ростка,
Не сыщешь даже червяка,
Земля здесь влаги не знавала,
Всегда от жажды изнывала,—
Лишь ненавистница моя
Сумела выжить здесь змея,
И ни одна душа другая,
Звериная или людская,
Здесь не оставила свой след...
Две тысячи пустынных лет
Парю над этой стороною:
Лишь небо да земля со мною.
Скажи мне, бедный человек,
Кто в горе жизнь твою поверг?
Хоть и явил свою отвагу,
Пришел ли ты сюда ко благу?
Тебе охотно помогу,
Но чем помочь тебе могу?»

Буньяд ответил: «В путь опасный
Я послан Паризад прекрасной,
Чтобы взглянуть хотя бы раз
На дива, губящего нас,
На недруга всего живого,—
Взглянув, убить убийцу злого,
Чтоб люди счастье обрели,
Чтоб расцвели сады земли.
И я пошел, к борьбе готовясь,
Как мне велели честь и совесть,

Как мне велел родной народ:
Див от руки моей умрет.
С победою назад вернусь я —
Тогда на Паризад женюсь я!»

Семург произнесла в ответ:
«Эй, человек, ты столько бед
В дороге претерпел напрасно!
Хоть Паризад лицом прекрасна,
Тебе царевна солгала,
Тебя на гибель обрекла.
С тем дивом, полная обмана,
Давно сдружилась дочка хана:
Того, кто, на свою беду,
Внушает девушке вражду,—
К злодею-диву посылает!
Зла и тебе она желает.
Пойми, по этому пути
Идешь ты, чтобы смерть найти.
Ты откажись от встречи с дивом,
С другой женою стань счастливым».

Сказал Буньяд: «Не откажусь,
С победой к милой возвращусь.
Без битвы храбрым нет возврата,
Мужчина верен слову свято.
Мне лучше смерть найти свою,
Чем дива не убить в бою.
Поэтому пойду на сечу,
Свою судьбу достойно встречу».
И птице дорог стал смельчак,
И ласково сказала так:
«Чудовище живет не близко.
Ты на крыло ко мне взберись-ка.
Закрой свои глаза на миг.

Хочу, чтоб цели ты достиг.
Да пригожусь тебе я в горе!
Когда под нами будет море,
И ты подумаешь тогда,
Что залила весь мир вода,—
Закреть глаза покрепче надо.
На море не бросай ты взгляда,
Не вздумай в море ты упасть,
Утратив над собою власть.

Так путь мы быстро одолеем,
Взгляну, как бьешься со злодеем.
Умрешь — сам будешь виноват,
Ты сам, бесстрашный мой Буньяд!
А если в битве справедливой
Убьешь чудовищного дива —
Назад помчимся над землей,
Тебя возвышу похвалой».

Вот на крыло Буньяд взобрался,
Закрыв глаза, не растерялся.
Летят Семург и человек
Туда, где наших дней ночлег,
Весь мир наполнив необъятный
Гуденьем — в край летят закатный.
Над ними кружится весь мир,
Готов обрушиться весь мир!

Как молния, сверкала птица,
Иль со стрелой могла сравниться.
Был на земле переполох,
Со страха небосвод оглох.
Не зная тягот и мытарства,
Минуя царства-государства,
Летела птица на закат,
А на ее крыле — Буньяд.

Шумя крылами, опустилась.
Под ними лес, где мгла сгустилась.
Пред чудищем, поверх дерев,
С высот на травяной покров,
Все утрашая, сокрушая,
Низверглась, как напасть большая
Или возмездия гроза!

Чабан Буньяд открыл глаза.
Увидел лес в лучах заката,
Стволы деревьев в три обхвата.
Был чем-то страшен этот лес.
Достигли тополя небес,
Сливаясь шумною листвою
С заоблачною синевою.
Чуть не свела его с ума
Дремучая лесная тьма.
«Эй, богатырь,— сказала птица,—
Ступай, настало время биться.
Найди врага в лесу густом
И обезглавь его мечом.
Ступай и завойуй удачу,
А не вернешься — я заплачу.
Иди счастливою тропой,
Да будет дружен меч с тобой!»

Сказав, в лесу исчезла темном:
Вдруг камнем сделалась огромным.
Отважно в лес вступил Буньяд,
Подумав, что вступил он в ад.
Сжимал он меч рукой могучей.
Почуял трепет лес дремучий.
Деревья падали во прах,
И гибли хищники впотьмах.
И все лесное население —

Червяк ли, птица ли, растение —
С тревогою смотрело вслед
Тому, кто не боялся бед,
Всем сердцем храбреца жалея:
Он станет жертвою злодея!

Рыдали звонко соловьи,
Роптали тихо воробьи,
Но ради правой битвы шел он,
Как богатырь, бесстрашья полон,
Искал он чудище в лесу.
«Ему я гибель принесу», —
Так думая, нетерпеливо
Шагал, желая встретить дива,
Чтоб в поединке одолеть,
Чтоб люди мирно жили впредь.

Стремясь достичь заветной цели,
Буньяд блуждал семь дней недели, —
В лесу не встретил никого.
Донесся запах до него,
И запах тот почуяв странный,
Он вздрогнул: близок бой желанный!

Придя в себя, пошел вперед.
А лес грохочет и орет,
Деревья ссорятся друг с другом,
Охвачен каждый лист испугом.
Буньяд вступил в лесной тайник
Внезапно див пред ним возник.
Со злобой чудище глядело,
Но хохотало то и дело.
Буньяд увидел: супостат,
Как зверь, хвостат и волосат.
Был этот див самой алчною,

Злорадством, чванством, похвальбою!
Чумы страшнее во сто крат,
Из пасти источал он яд,
Под ним была в крови дорога,
Вонзил он в небеса два рога,
Облизывался с хохотком:
Буньяд был лакомым куском!
«Добро пожаловать, сыночек,
Как поживаешь, мой дружок,—
Он крикнул сквозь лесистый мрак.
Пойми, я друг тебе, не враг.
Ты в Паризад влюблен, я знаю,
А доченька-то озорная,—
Здорова ль звездочка моя,
И хан, и ханская семья?
Скажи, к какой стремишься цели?
Уйдешь ты с радостью отселе!»

Буньяд ответил на вопрос,—
Слова он твердо произнес:
«Не жди ты дружбы от Буньяда,
Такого друга мне не надо!
Слывешь ты недругом людей,
Могильщиком богатырей,
Слывешь ты гибелью самую,
Слывешь напастью и чумою,
Ты — мерзостный, свирепый гад.
Пусть девушка, пусть Паризад
Дружна с тобою, волосатый,
И пусть она умрет с досады,—
Я все равно тебя убью,
Убив, приду в страну свою!»
В руке Буньяда сталь сверкнула,—
На миг лесная даль сверкнула!
Исполнен ярости Буньяд,

Противник злобою объят.
Из глаз летит за искрой искра.
Из леса тьма уходит быстро.

Едва огонь извергнет див,
Разверзнув пасть, глаза раскрыв,
Как в пламени пылает яром
Весь лес, охваченный пожаром.
Дыханье дива — черный вихрь,
Жестокий, смертотворный вихрь!
Деревья шумно с мест срывались,
Корнями кверху ввысь взвивались,
Закрыла небо стая птиц,
Их горю не было границ,
Навзрыд рыдала птичья стая,
За битвой в страхе наблюдая.

Метались хищники вокруг,—
То ярость в каждом, то испуг:
Боялись — их не ждет пощада,
Пытались проглотить Буньяда,
За горло храбреца схватив.
То падал, то грозился див,
Что разорвет врага на части,
И пламя извергал из пасти,
Но, ярче пламени горя,
Всеправый меч богатыря
Сверкал над дивом — острый, гордый,
Над головой и перед мордой.
Буньяд опять мечом взмахнул,
По шкуре дива полоснул,
В бою кровавом бились оба,
Чудовища слабела злоба.
Отвергнув отдых, мир, покой
И цели не ища другой,

Два долгих дня без перерыва
Буньяд сражался против дива,
Пред чудищем не трепеща,
Разящим острием меча
Мохнатое кромсая тело,
И кровь на острие густела.

Кровь затопила темный лес,
Где был владыкой изверг-бес.
При каждом взмахе острой стали
Куски от кожи отпадали.
Убийцу меч пронзил насквозь,
Дыхание оборвалось.
Уже чудовище сдавалось,
С презренной жизнью расставалось.
Когда ж вонзился в горло меч,
Чтоб горло, как скалу, рассечь,
Дыханья диву не хватило,
Ушла губительная сила,
Двурогий рухнул наконец,
Пал с грохотом злодей-мертвец.

Земля, когда свалилось тело,
Затрепетала, загудела.
Такого не было давно:
Отвагой зло побеждено!
Убитый изверг, див двурогий,
И руки распластав, и ноги,
Заполнил весь простор лесной,
Ущелья гор и край степной,
На все пространства тень отбросил.
Дремучий лес обезголосел.

Был счастлив богатырь Буньяд:
Глаза от радости блестя!

Отмыл он меч, в руке зажатый,
Поцеловал его, как брата,
Потом вложил его в ножны:
Храбрец и меч всегда дружны!

И птицы всей семьей певучей,
И лунный серп, и лист пахучий
Тому, кто их сумел спасти,
Желали доброго пути,
Ликуя и познав отраду,
Они глядели вслед Буньяду.
А он, удачей вдохновлен,
Своей победой окрылен,
Спешил покинуть лес высокий,
Где крови пенились потоки.
Чащобой дикой он спешил:
К Семург великой он спешил,
Он зренье напрягал и разум,
Как бы хотел он стать стоглазым!

Но в камень преобразена,
Казалось бы, в забвенье сна,
Лежала птица и смотрела,
Как кровь лилась, листва горела,
Как длилась день за днем подряд
Борьба — и победил Буньяд:
Домой счастливец возвратится!
Отбросив тень, лежала птица,
В своей дремоте колдовской
Вкушая отдых и покой.

Какая ей была отрада
Увидеть храброго Буньяда!
И в птицу превратилась вновь,
А в сердце — доброта, любовь.

Могучая, возликовала,
Его в глаза поцеловала,
Сказала: «Все вокруг светло!
Взберись-ка на мое крыло,
Назад с тобою мы прибудем,
О подвиге расскажем людям.
Буньяд, отправиться пора:
Тебе прославиться пора!»

Буньяд ей на крыло взобрался:
На молнию в седло взобрался!
Едва Буньяд закрыл глаза,
Взлетела птица в небеса.
Внизу — кусты, деревья, травы.
Казалось, целые державы
Внезапно с места поднялись
И затряслись и прах, и высь,
Гул покотился небывалый,
Как будто начались обвалы!

Так, путь держа к родной стране,
Буньяд на молнии-коне,
С мечтой о Паризад прелестной,
Летел среди синевы небесной.
Открылся им простор степной.
Семург пора к птенцам, домой.
«Эй, богатырь,— она сказала,—
Открой свои глаза сначала,
На мир широкий погляди,
Сияет счастье впереди!
Ступай-ка по степной равнине,
Ты сам найдешь дорогу ныне,
Ступай и на своем пути
Друзей надежных обрети!»

Простились богатырь и птица:
К птенцам ей нужно торопиться!
Буньяд, исполненный тепла,
Погладил два ее крыла.
Друг друга полюбив навечно,
Расстались ласково, сердечно.
Буньяд пустился в путь опять,
Стараясь ветер обогнать,
Перевалил холмы и горы,
Степные одолел просторы,
Неделям потерял он счет —
Пред ним последний холм встает,
И вот уже река струится —
Родной страны видна граница!

Подсчет скиталец произвел
Тем дням, что он в пути провел,
И вышло, что блуждал три года
Вдали от своего народа,
Три года странствовал Буньяд...
Как запахи цветов пьянят!
О Паризад своей тоскуя,
Но торжествуя и ликуя,
Зеленой раннею весной
Буньяд вернулся в край родной.
Пройдя весь мир необозримый,
Расспрашивал он о любимой,
Как бы не видя никого,
А сердце билось у него.

Вот привела его дорога
К воротам ханского чертога.
Он спросит Паризад сейчас:
Как ей жилось? И сам рассказ
Начнет он о земном пространстве,

О трех годах нелегких странствий,
О том, как, распахнув крыла,
Семург Буньяда подняла,
Как силы в битве приумножил,
Мечом он дива уничтожил:
Да будет повесть смельчака
Переливаться, как река!

Он шел, надеясь и печалясь,
Огонь и смута в нем смешались:
«Как пери день за днем жила?
Ужель росток жара сожгла?
Не ранила ль ее невзгода?
Что делала она три года?»

В таком смятении храбрец
Вступил в сверкающий дворец.
Хан растерялся престарелый,
Увидев лик Буньяда смелый,
И разгадать хотел джигит:
Какие мысли хан таит?
Сказал: «Вернулся в край родимый,
Весь мир пройдя необозримый,
Домой, счастливый, я пришел,
Убил я дива — и пришел.

Того, кто иссушал все реки,
Кто рыб уничтожал навеки,
Того, кто истреблял людей,
Того, кто был чумы страшней,—
Того злодея нет на свете,
Ушли напасть и лихолетье
И пусть не возвратятся вспять!
И слово должен ты сдержать,
Чтоб не знавался я с обидой:

Царевну за меня ты выдай.
Да будет свадьбы светлый час,
Да будет музыка и пляс!»
Лицо у хана потемнело,
Сказал уклончиво, несмело:
«Услышь ты девушки ответ,—
Той, что дала тебе обет.
Пусть обо всем сама расскажет,
Сей узел пусть сама развяжет,
Она сдержань вольна была
То слово, что тебе дала,
И надо будет — свадьбу справим,
Невесту с женихом восславим.
Горда, красива, молода,
Пусть Паризад придет сюда».

Хан замолчал как бы в испуге.
К царевне поспешили слуги.
Едва явилась Паризад,
Одета в пышный свой наряд,
Оторопел чабан безродный,
Обжег Буньяда пот холодный.
Однако Паризад была
Спокойна, даже весела.
Дочь на руках ее, а рядом —
Двухлетний мальчик с бойким взглядом,
И Паризад на бедняка
Глядела зло и свысока.

Не ждал Буньяд подобной встречи,
Он замер и лишился речи.
Сказала Паризад, полна
Лжи и коварства: «Чабана
Я взять в мужа не захотела:
Противились душа и тело,

Об участи своей скорбя,
Послала к диву я тебя.
Я думала: умрешь, несчастный,
Тебя погубит див ужасный.
Пусть ты силен, широкоплеч,
Остер твой богатырский меч,—
Ты — чернь, а мать твоя — служанка,
Солома для тебя лежанка.
Я — дочка хана: в женихи
Мне не годятся пастухи!
Отец мой свадебного пира
Желал, и за его вазира
Я вышла замуж наконец:
Мне домом должен быть дворец!
В тот день, как с нами ты расстался,
В ту ночь, когда в степи скитался,
Вазиру стала я женой:
Теперь мне доли нет иной».

Хан голову склонил в смущенье,
Стыда он испытал мученье.
Царевна отвела свой взгляд.
В огонь повержен был Буньяд.
Страдал он, гневаясь, пылая,
Его пронзила боль немая.
Почувяв ненависть к двоим,
Он был готов мечом своим
Убить и Паризад, и хана,
Живущих только для обмана.
Но гнев его был так велик,
С такою силой в этот миг
Он всех владык возненавидел,
С таким прозрением увидел
Коварства полные сердца,
Что вышел молча из дворца.

Была трудна его дорога,
И подвигов свершил он много
Во имя правды на земле!
У мощной птицы на крыле
Летел он часто в бой кровавый,
Вздыхал отважно меч всеправый,
Об этих подвигах рассказ
В другой услышите вы раз.

1939

МУКАННА

*Драматическая поэма в 4-х действиях
8-ми картинах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Му кан на — вождь повстанцев
Фи ру з — зеравшанский феодал, рабовладелец
О та ш
Гу ль о б о д, его жена } рабы Фируза
Гу ль а й и н, его дочь }

Ги р да к }
Ба ги } зеравшанские земледельцы
Хи ш ри }
Ха ки м }

Ку р ал та ки н — воин
Се й и д Ба т т а л ь — арабский военачальник
Д же б р а и л — имам
На и м
Зе й д
С лу га
С тра ж
Ра бы, дехкане, воины, арабские
всадники и другие.

Действие разворачивается во второй половине VIII века в Ма-
вераннахре, Согде и Хорасане (на территории современных
Узбекистана, Таджикистана и Туркменини).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дом Оташа. С одной стороны — горы, холмы. Весна. Одинокосидит Г у л ь о б о д. Входит О т а ш.

О т а ш

Где дочка наша?

Г у л ь о б о д

Там, среди полей,
Весна, природа — ей всего милей!
Когда есть поле, розы, тишина
Да воля — вот и счастлива она...

О т а ш

Дочь — умница у нас.

Г у л ь а й и н
(входит с охапкой тюльпанов)

А вот и я!
Отец мой, здравствуй!

О т а ш

Здравствуй, дочь моя.

Г у л ь о б о д

Моя родная! С каждою весной
Ты расцветаешь, как тюльпан степной.

Г у л ь а й и н

Пусть, как тюльпан, лицо мое красно,
Но сердце... горя черного полно...

Г у л ь о б о д

Дитя, откуда горе ты взяла?
Цветы в руках твоих, ты весела.

Г у л ь а й и н

Когда б от них
(указывает на цветы)
был весел человек,
Печали в мире не было б вовек.
Цветов так много, всяк их волен рвать.
Так что ж людей счастливых не видать?..

О т а ш

Толкова ты, красавица, умна!

Г у л ь а й и н

А ведь у нас в былые времена
Великим праздником была весна.
В пирах и играх у привольных вод
Весну беспечно праздновал народ.

Но где хоть признак праздника теперь?
Не весела я, матушка, поверь!

Пауза.

То, что ты видишь,— пепел, не цветы!
Теперь, когда не мусульманин ты,
Последний хлеб твой силой отберут.

О т а ш

Все отберут — и в рабство отдадут...

Г у л ь а й и н

В отчизне нашей как чужие мы!
Весна для нас не ласковой знымы.
А в городе что нового, отец?

О т а ш

Из Хорасана прискакал гонец.
Халиф карать и жечь велит опять.
Он приказал Пайкенд с землей сровнять.

Г у л ь о б о д

Несчастный город! Страшная судьба!
Давно ль его разрушил Кутейба?

О т а ш

Да. А когда, ограбив горожан,
Не слыша стонов их, не видя слез,
Он все добро их кровное повез
В Багдад — за караваном караван,
В одной кумирне отыскал у нас
Он золотую статую — ценой
Дирхемов тысяч в сорок...

Вместо глаз

Жемчужины в яйцо величиной
У изваянья были... Говорил
Сам Кутейба, что среди прочих стран
Таких богатств нигде он не встречал.
О том в Ирак Хаджаджу он писал,
Когда за караваном караван
Богатства из Пайкенда увозил.

Г у л ь а й и н

За что же город вновь ровнять с землей?

О т а ш

О-о! В том хитрость вражьей силы злой!
Народ наш подымается опять.
А нас хотят запутать, запугать,
Вцепиться вновь когтями в горло нам...

Г у л ь а й и н

За что же обречен Пайкенд страдать?

О т а ш

Злодеи долго в сердце зло хранят.
Когда — лет семьдесят тому назад —
Пришли они,— непрошеным гостям
Один Пайкенд отпор жестокий дал.
Там весь народ на хищников восстал,
И тысячи пришельцев полегли.
В крови их по колена кони шли.
Свирепый Кутейба примчался вспять,
Прекрасный город стер с лица земли.
Так было дело... А теперь опять
В народе возмущение растет.
Предав Пайкенд железу и огню,
Наместник хочет устрашить народ,
Чтобы мятеж подрезать на корню.

Г у л ь а й и н

Кто ж восстает теперь?

О т а ш

Да вся страна!
Все междуречье наше!.. Муканна!

Г у л ь а й и н

Сказал ты — Муканна. Кто он такой?

О т а ш

Из Мерва он...

О нем все говорят.

На голове его всегда покров.

Его лица ничей не видел взгляд.

В народе как пророка, чтут его,

А многие в нем видят божество.

Г у л ь а й и н

А в Бухаре, отец, что ты слышал?

О т а ш

Четыре раза город отвергал

Чужую веру. Яростью горя,

Над ним улемы колдовали зря.

А знать вся в мусульманство перешла.

Г у л ь о б о д

Фируз большие делает дела.

Г у л ь а й и н

Мечеть построил этот лизоблюд.

О т а ш

Арабы даже деньги раздают

Тем, что в мечеть молиться к ним идут!

Г у л ь о б о д

И нам пойти б и деньги взять бы там!

Г у л ь а й и н

От денег тех не легче будет нам.

Ужель пошла бы к мусульманам ты?

Ужели веришь их обманам ты?

Г у л ь о б о д

Чиста покамест совесть у меня.
Мой дух в огне «Обители Огня».

Г у л ь а й и н

Огоны! Кому и чем огонь помог?

О т а ш

Жрецы нас учат, что огонь есть бог.
Мы верим, поклоняемся ему.
А ты?

Г у л ь а й и н

Ах, трудно одному уму
Свой путь во тьме неведенья найти.
Как высоко птенец ни залети,
Но, и окрепши, все же знает он
Лишь то, к чему в гнезде был приучен...
Огонь,— меня учил ты,— божество!
И больше я не знала ничего.

О т а ш

Учил, чему был сам учен с пелен,
Покамест ты была еще мала.
Вот выросла, и в разум ты вошла,
Я волю, дочь моя, тебе даю,
Сама дорогу избирай свою,
Лишь был бы выбор для тебя хорош.

Г у л ь а й и н

И наша, и чужая вера — ложь.
И с вами в храме, где живет мобед,
Огню я поклонялась много лет.
Но я без горя дня не прожила.

Я счастлива и часа не была.
Огонь во храме предо мной горел,
Лишь иногда глаза слепил мне дым...
Но если б я свободу обрела,
Была б свобода божеством моим.

Г у л ь о б о д

Весь в белом кто-то вышел из ворот.

О т а ш

Он прямо к дому нашему идет.

Г у л ь а й и н

В одеждах белоснежной чистоты,
Кто это?

Входит Г и р д а к в белом.

О т а ш

Э, Гирдак, да это ты!
Я думал — вижу ангела во сне!

Г и р д а к

Я нечестивец — это знак на мне.
Ведь я — я поклоняюсь Муканне.

О т а ш

А как людей Батталя ты избег?
А Муканна? Что он за человек?
Рассказывай!

Г и р д а к

Сейчас все расскажу.

Г у л ь о б о д

Он — чародей, колдун — я так скажу.

Г и р д а к

Пророк новоявленный, маг, хитрец —
Так, что ли?

Нет, не маг он, а мудрец!

Он выше, чем арабский Мухаммед.
Он — друг поработанных бедняков.
Он — озаривший нашу землю свет.
Он нас освобождает от оков,
Великий страх внушает он врагам.

О т а ш

(в волнении)

Но где он?

Г у л ь а й и н

Как его увидеть нам?

Г и р д а к

Одеваются в белое те, кто хотят увидеть его!
Одеваются в белое те, чьи сердца страданий
полны!

О т а ш

Одеваются в белое те, кто хотят увидеть
его?!

Г у л ь а й и н

Одеваются в белое те, чьи сердца страданий
полны?..

Г у л ь о б о д

(смотрит наружу)

Чужие люди подошли к дверям.

Г у л ь а й и н

А эти люди в белом или нет?

О т а ш

То — волки правоверные чуть свет
Опять с мечами рыщут по домам.

Входит Д ж е б р а и л, Б а т т а л ь и несколько
а р а б о в - в о и н о в.

Д ж е б р а и л

Привет, Оташ!

(Видя, что Оташ разгневан.)

Ты нас не ждал опять?

Я помешал? Пришел я невпопад?

О т а ш

(иронически)

Желанный гость не может помешать.

Г у л ь а й и н

(про себя)

Одеваются в белое те, кто хотят увидеть его!

О т а ш

Базаром шумным стал мой тихий двор,

Купцы толкуются в нем, как мошкара,

О малом и великом буйный спор

Здесь затевают с самого утра.

Что делать бедной голове моей?

От гордости как не кружиться ей?

Мой дом — ваш дом. Примите мой привет!

Д ж е б р а и л

(Батталю)

Да! Ярости его предела нет.

(Оташу.)

Благодарю, мой сын! Ты нужен нам.

О т а ш

Пока еще не принял я ислам...

Д ж е б р а и л

Без бога дальше жить нельзя. Решай!

Б а т т а л ь

(смотрит на Гульайин)

И без присмотра дочь не оставляй.

Г у л ь а й и н

(смотрит на Батталь)

Одеваются в белое те, кто хотят увидеть его!

Д ж е б р а и л

В Писанье, что нам дал святой пророк,
Весь Зеравшан уверовал, мой сын!
Остался нечестивым ты один.

О т а ш

Коль я один — мир для меня широк,
А более мне нечего хотеть!

Б а т т а л ь

Сегодня открывается мечеть.

Д ж е б р а и л

Коль ты, как пес, не хочешь умереть
В нечестии,
прими святой ислам!

Б а т т а л ь

Ну так идем!

О т а ш

О горе, горе нам!

Г у л ь а й и н

Одеваются в белое те, кто хотят увидеть
его...

Оташа, Гульбод и Гульайин уводят.

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обращение Гульайин в ислам. Мечеть Фируза, великолепное здание. Резные ворота придают мечеть еще более внушительный вид. Люди сходятся со всех сторон. Воины Батталя, пришедшие на молитву, все вооружены. Г и р д а к, окруженный близкими людьми, ведет разговор.

Б а г и

Придет ли день, когда его увидим мы?

Г и р д а к

Одеваются в белое те, кто хотят увидеть
его.
Одеваются в белое те, чьи сердца страданий
полны.

Х и ш р и

Во сне ночном приходит он ко мне,
Весь день потом хожу я, как во сне.
Где он?

Г и р д а к

Он здесь, он в городе сейчас.
Покров зеленый на лице его.
Он для врагов невидим, но от глаз
Его не ускользает ничего.

Слова и мысли ваши слышит он.
И вот послушайте, что пишет он.
(*Вынимает из-за пазухи свиток.*)
Здесь нож халифу — каждая строка.

(*Читает.*)

«Освободится от насилья тот,
Кто, белое надев, за мной пойдет.
Простерта беднякам моя рука.
Да слышит слух любого бедняка:
Все, кто обиды терпит от врагов,
Чей дом разграблен, чей разрушен кров,
Ко мне! Ваш Мухаммед я, ваш Иса!
Ко мне! Ваш Ибрагим я, ваш Муса!»

Баги

(*показывает наружу*)

Стой! Замолчи! Батталь идет... Беда...

Хишри

С ним Джебраил-лиса. Идут сюда.

Гирдак

На главном месте оборвали! Жалы!

Баги

Прячь, прячь письмо, чтоб не видал Батталь.

Из мечети выходят Фируз, его слуги и арабы.
Входят Батталь, Джебраил. За ними ведут Оташа,
Гульобод и Гульайин.

Джебраил

(*осматривая мечеть*)

Великолепно! Каждый камень сих
Узорных стен — творцу хвалебный стих.
Того, кто веру щедро так дарит,

Халиф благоволением озарит.

(Смотрит на Фируза.)

Салам, Фируз!

Ф и р у з

Вам, Джебраил, салам!

И вам, Батталь, салам сердечный вам!

Г о л о с а

Добро пожаловать! Салам! Салам!

Г и р д а к

(иронически)

Весь бедный люд приносит свой привет.

Н а и м

Пошли господь Фирузу много лет!

Ф и р у з

(довольный, поднимаясь по лестнице)

Бисми-иллахи, рахмани-рахим!..

Слух обрати, аллах, к мольбам моим!

Во славу веры я воздвиг мечеть.

Еще усерднее я буду впредь

Склонять в ислам народ земли моей.

О т а ш

(тихо)

Твой каждый шаг нам смерти тяжелей...

Д ж е б р а и л

(с возвышения)

Поближе подойдите к нам, Оташ

И Гульайин!

Друзья, весь округ наш

Уверовал в пророка в эти дни.
Без веры в Зеравшане — вы одни.

О т а ш
(выходит вперед)

Одни ли мы?

Г у л ь а й и н
(смотрит на людей)

Одни ли мы среди вас?

Д ж е б р а и л
Строптивою не будь на этот раз!..

Г у л ь а й и н
(будто не слыша)

Одеваются в белое те, кто хотят увидеть
его.

Д ж е б р а и л
Повторяй за мной:
Ля илях илля ллах
Ва Мухаммадун расулу ллах.

Г у л ь а й и н
Что скрыто в непонятных нам словах?

Д ж е б р а и л
Кул хува ллаху ахад, аллах ус самад
Лам ялид ва лам юлад
Ва лам якун лаху куффан ахад.

Г у л ь а й и н
Открой же смысл нам темных слов твоих.

Д ж е б р а и л

Аллахом дан Корана каждый стих.
Чтоб тайный смысл стихов не исказить,
Иначе их нельзя произносить.

Г у л ь а й и н

Тогда не мучь нас больше, отпусти!
Зачем ты против совести идти
Дорогой мрака принуждаешь нас?
Зачем, скажи, сердца терзаешь в нас,
Кровь клокотать ты заставляешь в нас?
Слова Корана для меня темны.
Открой: во что поверить мы должны?
Не можешь? Так не мучь нас, отпусти!

Д ж е б р а и л

Святой пророк, вину мою прости!
Ну, слушай:

«Кул хува лаху ахад».

То значит: «Бог один, нет у него
Подобия...»

«Аллах ус самад» —

«Не пьет он, не вкушает ничего».

И дальше:

«Лам ялид ва лам юлад» —

То есть: «Господь никем не порожден,

И никого не порождает он,

Кто мог бы власть наследовать его».

«Ва лам якун лаху куффан ахад» —

«И никого в подлунной не найти,

Кто б мог его величием превзойти».

Прими же, Гульайин, ислам святой.

Г у л ь а й и н

О, кто ты, мир? Безбрежною рекой
Меня ты мчишь и крутишь в бездне вод...

Все спуталось во мне. Кто поведет
Меня в пучине неизвестных сил?
Едва я отрешилась от огня,
Как чуждый мощный бог настиг меня.
«Уверуй!» — говорит мне Джебраил...
Что делать?

(К отцу.)

Научи, совет мне дай!

О т а ш

Прими их веру, но не омрачай
Свой чистый дух! Пусть будет он, как был!..
Не справедливый этот Джебраил
Пусть радуется! Ты же не спеши,
Храни свободу в глубине души...

Д ж е б р а и л

Что ты стоишь в молчанье? Отвечай,
Кто дал тебе дыханье? Отвечай!
Кто создал мирозданье? Отвечай!

Г у л ь а й и н

Что знаю я? Ты знаешь,— поучай.

Д ж е б р а и л

Внемли ж:

Вселенную и все, что в ней
Заклучено, бог сотворил в шесть дней.
Вот дни миротворенья: было в них
По времени — шесть тысяч лет земных.
В пространстве, где предвечный мрак царил,
В два первых дня бог землю сотворил.

А р а б ы

Из полезного он все, что есть, сотворил.
И из вредного он все, что есть, сотворил.

В третий день, бросив взор на творенье
свое,
Он земные просторы горами покрыв.

А р а б ы

Из полезного он все, что есть, сотворил,
И из вредного он все, что есть, сотворил.
В день четвертый черед был деревьев и вод,
Он их создал, живой их душой одарил.

А р а б ы

Из полезного он все, что есть, сотворил,
И из вредного он все, что есть, сотворил.
В пятый день он воздвиг над землей
небосвод
И на нем свой высокий престол утвердил.

А р а б ы

В день шестой он мильоны светил сотворил,
Их сияньем созданья свои озарил.
И на землю послал Мухаммеда аллах,
Чтоб о божьих делах нам пророк говорил.

Г о л о с а

А что же в день субботний создал бог?

Д ж е б р а и л

В субботний день господь подвел итог
И от трудов творенья опочил.

М у к а н н а

(невидимый, из-за толпы)

О самом важном ты не сообщил!

Д ж е б р а и л

На все отвечаю, что б ты ни спросил.

М у к а н н а

Когда народ несчастным сделал бог?
В который день он рабство сотворил?
Зачем тебя он зреньем одарил,
А наши очи занавесил тьмой?

Д ж е б р а и л

Кошунство мерзкое!.. Кто ты такой?

М у к а н н а

Кто я? Коль ты всеведущ — угадай!

Д ж е б р а и л

Уйди же прочь! Молиться не мешай!

Муканна и с ним Куралтакин выходят вперед. Лицо Муканны закрыто. Гирдак приближается к Муканне. Взоры всех устремляются на пришедших. Джебраил и Батталь тоже смотрят на них.

М у к а н н а

Есть у меня еще к тебе вопрос!

Г у л ь а й и н
(в смятении)

Одеваются в белое те, кто хотят увидеть его!

М у к а н н а

За что ты столько горя нам принес?
Терзаешь ты народ мой для чего?
И почему сто лет близ наших вод
Ничто не зеленеет, не цветет?..
Мертв Зеравшан, мертва Кашкадарья!..
Что иссушило корни бытия?
И над страной не молкнут плач и стон!
Зачем насилье ты возвел в закон?

Дневной грабеж ты «пошлиной» назвал.
Разбой «хараджем» наименовал.
Увод в неволю «верою» нарек.
Не потому ль свободный человек,
Приняв ислам, становится рабом
Или бездомным нищим, бедняком?
Кем обездолены, разорены
Все коренные жители страны?
Ремесленники в плен уведены,
Земли своей крестьяне лишены!
Так вот в чем твой ислам, вот твой аллах?
Таков он — подвиг твой в «святых делах»?

Г у л ь а й и н

Одеваются в белое те, кто хотят увидеть его!

М у к а н н а
(к Гульайин)

Прими ислам. Но знай: твоей земли
Они омусульманить не смогли.
И хоть «Дома Огня» они сожгли,
В мечеть мы на молитву не пошли.
Ни меч им, ни Коран им не помог.
Но коль последний малый ты залог
Свободы хочешь потерять, ну что ж,—
Иди, прими ислам, уверуй в ложь
И повтори за Джебраилом вслед:
«Нет бога кроме бога». Средства нет
Иного, чтоб несчастный Джебраил
Утешился, свой дух возвеселил.
Не зря же здесь трудился он сто лет!
Он меч ислама с тысячей угроз
Над бедной головой твоей занес.
Пусть он надеется, что весь народ
Вслед за тобой в их веру перейдет!

О т а ш

Смятением великим разум мой
Наполнил ты! Кто ты?

Б а т т а л ь

Кто он такой?

Г и р д а к

Одеваются в белое те, кто хотят увидеть его!
Одеваются в белое те, чьи сердца
страданий полны!

(Возгласы в толпе.)

Кто он такой? Кто он такой? Кто он?

Г у л ь а й и н

О, кто ты? Речь твоя мне сердце жжет!

М у к а н н а

Я человек. Свобода — мой закон,
Но я и бог, коль бога ждет народ,
Я — исцеление всех ваших ран.
Я презираю лживый их Коран.
Я пред исламом не паду во прах.
Обманщик, сказочник их Мухаммед,
Он не пророк. Им выдуман аллах.
До вздорных слов его мне дела нет.

Д ж е б р а и л

О мерзость! О кощунство! О позор!
Как он не пожран адом до сих пор?!

М у к а н н а

Освободится от насилия тот,
Кто, белое надев, за мной пойдет!
Простерта беднякам моя рука!
Да слышит слух любого бедняка:

Все, кто терпел насилия врагов,
Чей дом разграблен, чей разрушен кров —
Ко мне! Ваш Мухаммед я, ваш Иса!
Ко мне! Ваш Ибрагим я, ваш Муса!

Н а р о д

Он — Муканна!

То — Муканна!

Да, да.

Он — Муканна!

Д ж е б р а и л

Он смел прийти сюда?

Г у л ь а й и н

(радостно, на глазах слезы)

Привет тебе!

Живи среди нас всегда,
Счастливого созвездья властелин!

О т а ш

О Муканна, приди! Ты Гульайин
С собой от Джебраила уведи!
Ты от тирана нас освободи!
От лжи Корана нас освободи!

Г у л ь о б о д

О Муканна, приди! О, будь мне сыном!

Р а б

Пришел он, жданный долгие года!..

Г у л ь о б о д

Веди нас к свету, ради Гульайин
Измученный народ освободи!

Д ж е б р а и л

Не будь глупа, не верь ему, он лжет!
Его геенна огненная ждет.
Над ним восстанет Азраил с мечом,
Отчета спросит у него во всем.
Клокочущее олово ему
На голову там будут лить ведром!

М у к а н н а

В зеленом мужи омейядов шли
В бой, в черном львы Абу-Муслима шли.
В одеждах белых люди Муканны
Против арабов выйдут в день войны.
Я вам дорогу к счастью укажу!
Я от неволи вас освобожу!
Где белые одежды? Кто со мной,
Не дрогнув, выйдет на великий бой?

Н а р о д

Мы все!

М у к а н н а

Наденьте белое!

Муканна и Куралтакин уходят. Народ в смятении. Оташ
и Гульайин растеряны.

Д ж е б р а и л

(кричит)

Стой! Стой!

Держите их!

Б а т т а л ь

Хватайте в воротах!

Несколько стражников устремляются вслед за Муканной.
Сверкают мечи. В руках у Джебраила и Батталя тоже обна-
женные мечи.

Д ж е б р а и л

Минуй нас грозный гнев твой, о аллах!
(Обращаясь к Гульайин.)
Прими святую веру мусульман!

Г у л ь а й и н

Оставь меня! Ни вера, ни Коран
Мне не нужны! Я не хочу их знать.
Нет сердца у меня, чтоб их принять.
Нет языка, чтоб их именовать.

Д ж е б р а и л

Ну так вини себя в своей судьбе!
Покамест не вернется ум к тебе,
Пока твой дух во власти темноты,
Наложницей Баттала будешь ты!

Гульайин уводят. Все в гневе и волнении.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Дом предводителя халифского войска Сейида Баттала. На стене висят арабский меч, бухарское копьё, железные кольчуги и щиты. Вечер. Сейид Батталь сидит, погруженный в задумчивость. Входит слуга.

С л у г а

Пришли крестьяне жаловаться к вам.

Б а т т а л ь

Нашли заступника!

Ты к ним поди.

Что говорят у них по кишлакам,
Где Муканна,— расспросы поведи!
Потом скажи им: предводитель наш,
Мол, слушать жалобы не приучен,
Халифовых владений грозный страж
И повелений исполнитель он.
И все, что совершается в стране,
То по его приказу свершено.
А плачущих по собственной вине
Ему и слушать власти не дано.
Я звал Фируза. Здесь он?

С л у г а

Здесь.

Б а т т а л ь

Его

Впустить ко мне. А больше никого.

Слуга уходит.

Как удивляет здесь меня народ;
Он миллионы жалоб мне несет.
Кто согласится слушать их? Сам бог,
Когда бы всех их выслушал, оглох!
И жалобы, и просьбы... Вся страна
На голову мою устремлена
Потопом жалоб. Самарканд гудит
От бури жалоб. Бухара горит
В пожаре жалоб на сто сотен бед.
Сейхуна и Джейхуна больше нет,
И реки жалоб вместо них текут
По желобу, что жалобой зовут...
Текут мне в уши. Боже! Сохрани

Меня от жалобщиков!
(Смотрит в дверь.)
Всех гони!
Скажи: Сейид прощений не берет,
Он лишь...

С л у г а
(входит)

Пришел Фируз.

Б а т т а л ь
Пускай войдет.

Слуга уходит. Входит Ф и р у з.
Ты с жалобой?

Ф и р у з
Что ты изволил мне
Сказать?

Б а т т а л ь
Что ты один во всей стране
Мне жалобами слух не раздражал.
Что драгоценный носишь ты кинжал
На поясе владыки золотом.

Ф и р у з
Аллах, наполни счастьем этот дом!

Б а т т а л ь
Ну, пожеланье счастья, как на грех,
Сегодня для меня — пустой орех.
Вот силы ты не проявил своей,

И нам Нахшаб не платит податей.
Хараджа, пошлин не взыскали мы.
Едва ли треть одну собрали мы
Того, что взял когда-то Кутейба.

Ф и р у з

Страну застал богатой Кутейба.
На диво был благоустроен край.
Нам слал свои сокровища Китай.
И по путям из Ферганы в Яркенд,
Из Самарканда древнего в Пайкенд
Верблюды шелк и золото несли.
Обильны были все дары земли —
Щедры плоды усердного труда.
Свободны были все у нас тогда.
Владык над нами не было извне.
Ни слез, ни жалоб не было в стране.

Вот почему здесь Кутейба открыл
Сокровищницу — с море глубиной!
Вот почему он здесь и находил
Жемчужины в яйцо величиной!
В харадж он обращал весь этот клад,
К Хаджаджу отправлял его в Багдад.
Осталась наша родина тогда
Скуднее разоренного гнезда.
Бежали люди в страхе кто куда,
Исчез народ торговый без следа.
Пайкенд, Нахшаб — где эти города?
Где Бухара, счастливых дней звезда?
Пропал покой, нарушен мирный труд,
Остался в кишлаках лишь бедный люд.
Да им — не то чтобы харадж платить, —
Своих детей им нечем прокормить!

И гонят обездоленных людей
Косить ячмень для ваших лошадей...
Сто лет в стране такая благодать.
Откуда для хараджа деньги взять?
Когда иссохнет вся вода в реке —
И рыба сдохнет на сухом песке.
Вот в чем зерно народных смут ищи!
Ведь те, что носят белые плащи,
У вас отбили Самарканд и Кеш.
Кашкадарья в огне!.. Кругом — мятеж!
И всюду — Муканна...

С л у г а входит.

С л у г а

Толпа кричит,
Ворота рвет! Что повелишь, Сейид?

Б а т т а л ь

(*слуге*)

Поди скажи, утешь проклятый сброд:
Начальник, мол, приказы отдает,
А все, что мне хотят они сказать,
Фируз уже успел, мол, передать.

Слуга уходит.

(*Фирузу с гневом и иронией*)

Ты, что ж, их представитель?

Ф и р у з

Вовсе нет.

Я человек, построивший мечеть.
Но я свидетель всех народных бед.

Б а т т а л ь

Так расписать их — надобно уметь...

Ф и р у з

Мой долг: пред вами правду открывать.

Б а т т а л ь

Не долг борца ислама — защищать
Простой народ!

Но, впрочем, как с ним быть?..

Ф и р у з

По-моему — так надо облегчить,
И люди перестанут бунтовать
И за работу примутся опять.
А если им не уступить сейчас,
Потом труднее будет и для нас.

Б а т т а л ь

Для исполнения мысль твоя трудна...

Ф и р у з

Для управления чернью нам нужна
И твердая, и мягкая рука.
Судьба народа впрямь сейчас тяжка,
Но в гневе он все может сокрушить...
(Показывая на людей за дверью.)
Поди попробуй с ними говорить!

Б а т т а л ь

Ты выйди к ним... Ты с ними прожил век,
Ты уважаемый здесь человек.

Ф и р у з

Давно не уважает никого
Из нас народ.

Б а т т а л ь

Но если гнать его
Имеешь ты возможность, то народ,
Как стадо, под бичом твоим пойдет.
Ты свой здесь, и значение твое
Не меньше... да, не меньше, чем мое.
Толпа тебя послушает, поверь!

Ф и р у з

Нет, нас толпа не слушает теперь,
Крича «Прогнать арабов!» — весь народ
Потоком бурным к Муканне течет.
Повсюду слышно только: «Муканна!»
Власть наша черни стала не страшна.

Входит слуга.

С л у г а

Народ не хочет уходить, шумит...

Ф и р у з

Так как же поступить решил, Сейнд?

Б а т т а л ь

(слуге)

Скажи, что выйдет к ним Фируз сейчас,
Объявит предводителя приказ.

Слуга уходит.

(Фирузу)

С мечом вступил на вашу землю я
И коль уйду, так только под мечом.
Вот воля вам последняя моя:
Харадж народ уплатит целиком.
Я пошлину возьму с бород, усов,

Я соберу оброк с ушей, с носов!
Так и скажи. Но умиротвори,
Утешь их, сказками заговори.
И служба не забудется твоя
Там, у халифа... обещаю я.

Ф и р у з

Все сделаю!..

Ну как же Гульайин?

Б а т т а л ь

Прекрасна, как всегда.

Ф и р у з

Ты властелин

Сокровищ, коль достиг, чего желал.

Ты клад Мавераннахра отыскал,

Какой не снился даже Кутейбе.

Не надо ли тут чем помочь тебе?

Б а т т а л ь

Нет, в этом деле помощи твоей

Не нужно. Без тебя я справлюсь с ней.

Фируз уходит.

Ух, тяжело! Будто строит рой чертей

Свой чертов дом над головой моей!

И гул в ушах, и дух стеснен в груди.

(Зовет слугу.)

Эй, где ты!

С л у г а входит.

С л у г а

Здесь.

Б а т т а л ь

Рабыню приведи!

Слуга уходит.

Пролей, о боже, в душу ей свой свет!

Слуга приводит Гуль а й и н. Она утомлена и печальна.
Слуга выходит. Батталь знаком предлагает Гульайин сесть.

Прекрасная язычница, привет!

Г у л ь а й и н

В твоих словах тепла и света нет.

Б а т т а л ь

Но о любви хочу я говорить.

Г у л ь а й и н

Нельзя тебе язычницу любить.

Б а т т а л ь

Но суждено принять ислам тебе.

Г у л ь а й и н

Где суждено? На небе? Я судьбе
Иной, судьбе земной подчинена.
Огнем земного горя сожжена.

Б а т т а л ь

Ты розой будешь цвести в моем саду!..

Г у л ь а й и н

Но разве может роза цвести в аду?

Б а т т а л ь

...Петь соловьем в моих ветвях густых!..

Г у л ь а й и н

Сгоришь от вздохов горестных моих.

Б а т т а л ь

Должна ты будешь стать моей женой.

Г у л ь а й и н

Что ж о любви ты говоришь со мной?

Любовь лишь со свободою дружна.

Враждует с принуждением она.

Б а т т а л ь

Дивлюсь, как ты смела, как ты умна.

Кем мудрость, девушка, тебе дана?

Вот женщины арабской стороны

Трусливы, слабы, разумом бедны.

Когда же Кутейба пришел сюда,

Здесь женщина царила — Тугшада,

Как муж разумный, правя Бухарой.

Г у л ь а й и н

Сама она войска водила в бой.

Б а т т а л ь

Ну, а у женщин нашей стороны

Ум короток, хоть волосы длинны.

Пророк в Святом писании своем

Зовет их — «обделенные умом».

Г у л ь а й и н

(значительно)

У вас была Лейли.

Б а т т а л ь

Глупа была,

Из-за любви к безумцу умерла.

Г у л ь а й и н

Для той любви земля тесна была.
Лейли с возлюбленным разлучена была
И от любви великой умерла.

Б а т т а л ь

Откуда ты могла узнать о ней?

Г у л ь а й и н

Я слышала от матери моей
Преданье это.

Б а т т а л ь

Выдумка и вздор!
Сама ты не любила до сих пор.

Г у л ь а й и н

Любви не знала до сего я дня.

Б а т т а л ь

Ну, если так, тогда люби меня!

Г у л ь а й и н

(вскакивает в волнении)

Исчезни прочь, мне сердце не терзай!
На счастье я надеюсь тоже, знай!

Б а т т а л ь

В жестоком этом мире что одна
Надежда?

Хочешь счастья? Власть нужна,
Меч нужен, щит, чтобы добыть его.
Слаба ты, не добудешь ничего.
Ты женщина, где счастья взять тебе?

Тут нужен меч, отвага, море сил...
А ты должна покорствовать судьбе.

Хочет приласкать Гульайин. Гульайин отталкивает его. Входит слуга. Гульайин и Батталь разгневаны.

С л у г а

Пришел высокочтимый Джебраил.

Б а т т а л ь

Поди скажи, что ожидаю я.

Г у л ь а й и н

Пусть околет старая змея!

Слуга поспешно выходит. Входит Д ж е б р а и л.

Б а т т а л ь

Какой счастливый ветер вас привел?

Д ж е б р а и л

Не ветер, смерч пригнал меня сюда!
Сквозь тысячу смертей сюда я шел.
Вокруг, как пламя Страшного суда,
Восставшие бушуют кишлаки
И в белых саванах бунтовщики...

Г у л ь а й и н
(оживляясь)

Одеваются в белое те, кто хотят увидеть его!

Д ж е б р а и л

...В великом множестве везде снуют.
Все переулки, улицы полны
Злодеями. Рабов пророка бьют,
Жилища грабят, кровь, как воду, льют,
И всюду слышно имя Муканны.

Б а т т а л ь

Я отомщу, я поголовно их
Всех вырежу! Исчезнет весь народ!
Их кровь потоком горным потечет.
Дам тысячу дирхемов золотых
За голову злодея Муканны.

Д ж е б р а и л

Это очень мало.

Б а т т а л ь

Три тысячи!

Д ж е б р а и л

Очень мало.

Б а т т а л ь

Пять тысяч!

Д ж е б р а и л

Очень мало.

Б а т т а л ь

Дам десять тысяч из своей казны!

Г у л ь а й и н

Очень мало.

Как вам монетой солнца не затмить,

Так эту голову не оценить.

И за нее вы будете должны

Баттале головою заплатить!

Батталь ударяет ее по лицу плетью. У Гульайни на лице
кровь.

О горе!

Б а т т а л ь

Эй, палач!

П а л а ч

(входит)

Лишь дай приказ,
Наполню кровью чашу хоть сейчас.

Б а т т а л ь

Так вырви ей язык, ударь сто раз
Ее по груди палкой, а потом
Все тело ей исполосуй кнутом,
И волосы отрежь тупым ножом,
И труп ее нечистый выбрось в грязь!

Палач увлекает Гульайин. В смятении вбегают слуга.

С л у г а

Сейд! Толпа неверных ворвалась
Во двор!

Общее смятение. Входят Муканна, Гирдак и другие — в белых одеждах. Входят толпой все, которым Батталь только что отказал в приеме. Гульайин бросается к отцу. Джебраила и Батталя хватают.

М у к а н н а

Священна кровь, что пролилась
За правду!

Б а г и

Не хотел ты нас принять
И сам теперь о милости моли!
(Указывая на Муканну.)

Мы все до одного за ним пошли.
Мы стали «нечестивыми» опять.

Х и ш р и
(указывая на Баттала и Джебраила)

Но гаже, чем вот эти, отыскать
Нигде мы нечестивцев не могли!

М у к а н н а

Теперь, святые мужи, просим вас
В мечеть за мной пожаловать сейчас!
Два слова там я вам сказать хочу.
Коран для вас я толковать хочу.
Я расскажу вам, что на свете есть
Неволя, воля, справедливость, честь,
Наука, щедрость, оскорбленье, месть.
Я о пророках мира дам вам весть.
Об адских наважденьях расскажу,
Об ангельских виденьях расскажу.
И о земле и небе расскажу,
И о судьбе и хлебе расскажу,
О смерти и о жизни расскажу,
О мире и отчизне расскажу.
Открою вам грядущие года,
Где блещет пламя Страшного суда.
Открою мироздания пути
На вечном созидания пути.
Открою людям светоч бытия,
Как звезд, бессмертной правды не тая,
И справедливости урок вам дам,
Клеймо огня вам приложив к телам.

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Мечеть Фируза. День молитвы — пятница. В мечеть приходят приверженцы Муканны. Все одеты в белое. Среди них Гирдак. Входят Баги и Хишри.

Баги

А мусульмане что же не пришли?
Сегодня ведь молитвы день, джума!

Гирдак
(смеясь)

Воды для омовенья не нашли
Или от страха все сошли с ума.

Баги

Молитва без муллы и нам плоха!

Гирдак

Взамен муллы поставим петуха
И станем бить поклоны перед ним.

Баги

Муллу, бывало, шепотом браним,
А он посмотрит — шевелятся рты.
«Ну,— думает,— Кораном заняты!»

Хишри

Зачем костер такой развел ты здесь?

Гирдак

Зажарю Джебраила, буду есть!

Баги

Что тут произойдет? Скажи ты мне!

Г и р д а к

Век не забудешь ты об этом дне,—
Ты Джебраила здесь допросишь сам.

Б а г и

Оставь! Я не учен таким делам!

Г и р д а к

Я подскажу, пока ты не привык...
Но если вспыхнет кровь в тебе — беда!
А коль из Джебраила мне шашлык
Изжаришь — друг мне будешь навсегда!

Б а г и

Не заставляй меня вести допрос!
Я без науки, в простоте возрос,
И если глупых слов наговорю —
Перед народом от стыда сгорю,
Да и тебя я опозорю зря...
Нет, друг, не выйдет из меня царя!

Х и ш р и

Смелей! Твой день, бедняга! Не плошай!

Б а г и

Шашлык изжарю, лишь вина мне дай!
Но где ж вино? Ислам у нас сто лет.
Сто лет у нас и винограда нет.

Г и р д а к

Вино законом их запрещено,
Батталь пьет кровь живую — не вино.

Б а г и

Гляди, гляди: толпа валит вдали!
Ну да зато мы раньше всех пришли!

Г и р д а к

И в белом все... Эй! Отвечай, народ,
Сильней халифы или Муканна?

Входят одетые в белое приверженцы Муканны, вооруженные
мечами, щитами и копьями. Баги смотрит наружу.

Б а г и

Гляди, и Гульайин сюда идет!

Все смотрят.

Г и р д а к

В плащ с головой закуталась она,
Лицо ей изуродовал Батталь...

Б а г и

Спасли ее, да красоты вот жаль.

Х и ш р и

Высокий выпрямивши стан, идет...

Г и р д а к

В одежде снежной с гор тюльпан идет!

Х а к и м

Батталем обесчещена она...

Х и ш р и

Такие вот — в былые времена —
Бедняжки умирали от стыда,
Она ж идет сюда — смела, горда.

Х а к и м

(ядовито)

Она красавица! Так что ей честь?
Знать, поважней у ней заботы есть.

Что грех ей? Да глаза людей скорей
Ослепнут, чем заметят грех на ней!

Баги

Честь дорога рабам была всегда...

Гирдак

Что делать, коль обрушилась беда?
Защитник не всегда надежный — бог,
А из людей никто ей не помог.

Медленно входит Гульайин. Все смотрят на нее, безмолвно идут ей навстречу. За Гульайин входят Оташ и Гульобод.

Оташ

Ну, чем, Гирдак, порадуешь ты нас?

Гирдак

Здесь будет Джебраил плясать сейчас!

Хаким

Пустой орех за пазуху кладешь,—
Где Джебраила ты сейчас найдешь?

Гирдак

Пустых орехов воин, полный сил,
Раскалывать не станет! Джебраил
В темнице моего решенья ждет.
Батталь печенку собственную жрет
От злобы... Мне лишь слово произнсьть —
Через минуту оба будут здесь!

Оташ

Тут мало, друг мой, слова одного,—
Ты делом, делом подтверди его!

Гирдак

Что хуже с человеком может стать,
Чем за решеткою сидеть и ждать —
Невесть чего!

Он в рот тебе глядит:
«Сядь!» — скажешь, сядет.
Скажешь: «Стой!» — стоит.
А где Фируз? Твой долг — поймать его.

Оташ

Нигде мы не могли сыскать его.
Мерзавец этот, полагаю я,
В щель где-нибудь забился, как змея.
(Смотрит наружу.)

А-а, вот они!

(Все смотрят.)

Ведут дружков, ведут!
Изрядное веселье ждет их тут,
Они ж идут как будто на мазар!

Стража вводит Баттала и Джебраила.

Гирдак

(обращаясь к ним)

Ну, женишки! Начнем, споем «яр-яр»!

Джебраил

(озираясь)

От нечестивых сохрани, аллах!
Ты властен в наших мыслях и делах...
О благостный! Внемли моей мольбе!

(Гирдаку.)

Прочь от меня! Не ровня я тебе!
Где твой лицо свое закрывший бог?
Два слова для него я приберег!

Г и р д а к

Смотрите-ка! А с нами разговор
Ему и поношенье, и позор!

О т а ш

Нет здесь муллы для разговора с ним.
Мы сами толком с ним поговорим.

(Джебраилу.)

Так вот: когда одна беда придет,
Не оберешься горя и забот.
Мы бедняки и дети бедноты.
Явились к нам такие вот, как ты,
Забрали наши земли и дома.
Ты — муж наук, а в наших душах тьма,
Но мы сумеем уши закрутить
Тебе, коль не захочешь говорить.

Джебраил и Батталь молчат. Гирдак подводит к ним Баги.

Г и р д а к

Сегодня будет он снимать допрос,
Умом он Сулеймана перерос.

Баги серьезно смотрит на Джебраила.

Ну, начинай, что смотришь? Не робей!

Б а г и

(Джебраилу)

Ну, начинай, что смотришь? Не робей!

Все смеются. Гирдак отводит Баги в сторону.

Г и р д а к

Я «начиннай» тебе сказал, чудак!

Б а г и

Уволь меня! Сам спрашивай, Гирдак.

Г и р д а к

Потом и я. А ты с ним наперед
Поговори да посмеши народ.

Баги снова выходит вперед. Он смотрит на Джебраила
и серьезно спрашивает.

Б а г и

А сколько надо угля, старый бык,
Чтобы изжарить из тебя шашлык?

Поднимается смех. Баги серьезен.

Д ж е б р а и л

Прости меня, аллах! Прости, аллах!

Б а г и

А если сделать из тебя «улак»,
То сколько дней продлится «кобкари»?
Да говори же, пес тебя деря!

Д ж е б р а и л

Прости меня, аллах! Прости, аллах!

Б а г и

Что он лопочет? Не пойму никак.

(Обращаясь к Гирдаку.)

Ведь я предупреждал тебя, Гирдак:
Уволь, допрашивать не мастер я.
И «пусть мясник свежует воробья»!

Входят Муканна и Куралтакин. Все молчат. Они
поднимаются наверх, Гирдак выбегает и сейчас же возвра-
щается.

Г и р д а к

Фируз! Фируз!

Повстанец вводит Фируза, одетого в рубище дервиша.

Где ты его добыл?

Повстанец

Он в примечательном местечке был,—
В лачуге у Оташа он сидел!
Видать, бежать бедняга захотел...
Но только от меня не убежишь,
Хоть вырядился, дьявол, как дервиш!

Г и р д а к
(*Муканне*)

Народ весь в сборе, предводитель наш!
Какие повеленья ты отдашь?

М у к а н н а
(*Джебраилу*)

Скажи, чего теперь от нас ты ждешь
За все насилья, что ты здесь творил?
Какую казнь себе ты изберешь?

(*Батгалю*)

И ты скажи: чего ты заслужил?

(*Фирuzu*)

Будь справедлив. За муки бедноты
Суди себя: чего достоин ты?

Б а г и

Вот здорово!
Что там ни говори,
Допрос ведет он лучше, чем цари!

Ф и р у з

Прости! Пускай свой лик завесил бог!
А мир мне и без бога был неплох.
И до арабов жизнь моя текла —
Спокойна, изобильна и светла.
Подумав, что порядок мудрый нам
Дадут арабы, принял я ислам,

И кровью всей своей, всем существом
Я буду в сердце клокотать твоим!

М у к а н н а
(Джебраилу)

Ты говори, коль хочешь! Выбирай
Сам для себя геенну или рай.

Д ж е б р а и л

Не попрошу пощады никогда!
Пусть льется кровь, но слава, как звезда,
Бессмертна!

В ад я вас повергну всех!
Как горы, там на вас наляжет грех.
Я вырву вам из глоток языки
И руки изрублю вам на куски.
Судьбу свою ты у меня узнай,
А здесь со мной, как хочешь, поступай.

М у к а н н а

Как с ними быть, вазирь, судии,
Разумные советники мои?
Охота стала нашим ремеслом,
А враг в сетях, как птица, бьет крылом.

О т а ш

Я б резал птиц и ел бы, но — бог весть —
(указывает на Джебраила)
Кто коршуна такого станет есть?

Х и ш р и

Поймав оленя — режут и едят,
Поймав лису — снимают ценный мех.

О т а ш

А пес подохнет — от него лишь смрад!

Г и р д а к
(указывая на Джебраила)

И от такой добычи только грех.
Опасней он и гадов и зверей.
В огонь его! В костер его скорей!
Пусть шашлыком для джиннов станет он.
Так поступи с ним, если ты силен.

М у к а н н а
Ты, Гульайин, какой подашь совет?

О т а ш
На казнь их! Кровь за кровь!
Пощады нет!

Г у л ь о б о д
О дочь моя! Иди и говори,
Народ советом мудрым подари!
Гульайин выходит на середину. Все внимательно слушают.

Г у л ь а й и н
Батталь сказал: «Тот счастья властелин,
Кто держит меч».

М у к а н н а
Дай меч, Куралтакин!
Куралтакин подает Муканне меч. Муканна вручает его Гульайин. Гульайин выпрямляется, выходит на середину и говорит, указывая на Джебраила.

Г у л ь а й и н
Его убей! Для всех опасен он,
В его мозгу таится скорпион.
(Указывая на Фируза.)
А это червь. Ни жизнь, ни смерть его,
Ни сам он — не нужны ни для кого.
(Указывая на Джебраила.)

Ад у него в груди не потушить,
Пока он жив. И он не должен жить.
(Указывая на Фируза.)

Богатств несчетно добытых лишив,
Гони его. Но пусть уходит жив.
(Муканне.)

Я обращаюсь с просьбою одной:
(указывая на Батталя)
Его судить позволь ты мне самой.
Одна я отомстить ему хочу.
Сегодня прикоснулась я к мечу,
Пусть он попробует не исполнять
Приказов, что я буду отдавать!
Пусть этот воин подметаает двор,
Познает рабства горького позор!
Но если он раскается во всем —
Он будет нас учить владеть мечом.
Поэтому его не убивай!

Х а к и м

Пускай он поживет еще, пускай!
Что выйдет из него, мы поглядим,
Да заодно потешимся над ним.

Человек с дубиной

Вздор говоришь! Я сам его убью!
(Бросается на Батталя.)

М у к а н н а

(вырывая из рук его дубину)

Неужто ты оружием таким
Врага разбить надесешься в бою?

Человек с камнем

Тогда его мы камнем пришибем!

М у к а н н а

(берет у него камень и бросает в сторону)

Оружье разве — этот глины ком?
Победы хочешь — выходи с мечом!
(Гирдаку, указывая на Фируза.)

Гони его скорей с родной земли.
А все принадлежащее ему
Добро меж бедняками раздели.
(К Гульайин.)

Да! Ты успела много пострадать,
И я тебе не в силах отказать.
(Указывая на Батталя.)

Что ж, этот жеребец пускай живет!
Один из наших рук он не уйдет,
Не тронет воробьиного гнезда
Под грозным оком нашего суда.

Г и р д а к

Так, значит, правы те, кто говорят:
«Тот дом, где ты отведал соль хоть раз,
Ты сорок дней благодари подряд».

М у к а н н а

Пока в моих руках он — каждый час
Мой меч над ним незримо занесен.
(Куралтакину, указывая на Джебраила.)
Его убей! Сам смерти хочет он.
Да будет нашим гневом он сожжен!
Да знают все, что суждено тому,
Кто вторгся в нашу землю.

В с е

Смерть ему!

Куралтакин уводит Джебраила.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Крепость на горе Сом, где находятся Муканна и его сторонники. Вечер свадьбы Муканны с Гульайин. Горят светильники. Муканна сидит в своих покоях, погруженный в задумчивость.

Муканна

От слова в сердце не стихает боль:
Тот дом, где хоть однажды ел ты соль,
Потом как друг приветствуй сорок дней...
То слово, как стрела, в груди моей,
Как жгучий яд, течет в моей крови.
Увы, твердыня сердца моего
Сокрушена нашествием любви.
И нет,— о стыд,— защиты у него.
Так Гульайин из рук моих взяла
Мой меч и жизнь Батталю сберегла.
И я его доверием облек,
Дал власть ему, а кто б подумать мог,
Что Муканна, пришельцев грозный враг,
Со злейшим из врагом поступит так.
В недоумении был весь народ.
И если обо мне мои друзья
Помыслят втайне, что безумен я,
Они правы!

Входит страж.

Страж

Батталы!

М у к а н н а

Пускай войдет.

Входит Б а т т а л ь.

Привет, Батталь! Я рад тебе всегда.

Б а т т а л ь

Будь здрав, мой господин!

(В сторону.)

О, боже мой!

М у к а н н а

Ты молвил «боже». Кто ж твой бог, открой!

Б а т т а л ь

Бог? Он один! — Над звездной высотой...
Его никто не видит никогда...

М у к а н н а

Твой бог — один — и одинок. Ну да!
Но явно, и открыто, и всегда
Твой бог доступен взгляду твоему.
От бед и смерти он тебя хранит
Верней, чем этой крепости гранит.
Знай: вяжет он, и разрешает он,
И здесь, как богу, верят все ему,
Кто в белые одежды облачен.
Лишь ты иначе мыслишь!.. Почему?

Б а т т а л ь

Забылся я. Владыка мой, прости!
Вину мне, всемогущий, отпусти!
Взгляни: я раб твой телом и душой,
Тебе я поклоняюсь одному!..

Да озарит чудесный светоч твой
Передо мной неведения тьму!

Муканна

Так не лукавь пред взором Муканны,
Мои мечи всегда обнажены.
Ни под землей, ни в тучах, ни в воде —
Ты от меня не скроешься нигде.
Скитаться будешь ты, судьбу кляня,
Когда замыслишь обмануть меня.

Батталь

Достоин ли я гнева твоего?
Слуга твой просит выслушать его.
(Муканна делает утвердительный знак.)
Сегодня начал войско я твое
Военному искусству обучать.
Учились воины копье бросать,
И голову врага мечом срубать,
И обгонять в походе на коне
Свободных птиц, летящих в вышине.
Их ликование трудно описать.
От юношей до стариков седых
Великий жар у воинов твоих
К трудам науки. Дивно! Отчего?
А я, бывало, войска своего
Не сдвину без битья и без угроз.

Муканна

Ты понял бы, когда б ты в сердце нес
То, что они. Два мощных чувства есть:
Любовь к свободе и святая месть.
Взгляни, как хороша, щедра, пышна
Прекрасная родная их страна.
Вот горы, снег... А там внизу — весна.

В садах цветущих шумно, там и тут
Живые воды, радуясь, бегут.
Все это — их, все их на бой зовет.
Не человек — любовь идет вперед.

Пауза.

А что же ты молчишь о Гульайин?

Б а т т а л ь

Я ею восхищен, мой властелин.
Теперь, как перышком, ее рука
Играет грозной тяжестью клинка.

М у к а н н а

Прекрасно. Выученницу твою
Рукою голой не возьмешь в бою.
Не так ли? Что ж, достоин ты похвал.
Ты, джинн, похож на человека стал.
Авось теперь наукою своей
Ты пользу принесешь и для людей.

Б а т т а л ь

Служить тебе я счастлив от души.

М у к а н н а

Что слышно у арабов, расскажи.
Что говорят арабы обо мне?

Б а т т а л ь

Дышать им нечем в вашей стороне,
Тут им петля на дереве любом.
Они дрожат при имени твоём.
Они, разгром тяжчайший претерпев,
Бегут, лишь только б ноги унести,
Закончить омовенья не успеv.
Их трупами покрыты все пути.

Бегут и проклинаят день и час,
Когда они с мечом пошли на вас.
Один араб спокоен и счастлив
Во всем Мавераннахре,— это я!
Не знает ужаса душа моя.
И я, коль дальше так дела пойдут,
Единственным арабом стану тут.

М у к а н н а

Прекрасно. Слово каждое твое
Как золотое веское литье!
Иди теперь! А вечером... постой!
Приди сюда. Здесь будет свадьба, той!

Б а т т а л ь

Власть победителю принадлежит.
Что ты ни скажешь — с чистою душой
И с радостью слуга твой совершит.

Уходит.

М у к а н н а

Дивлюсь я очень верности твоей.
Она все непонятней, все чудней.

Входит Г у л ь а й и н. На ее поясе меч. Муканна снимает покрывало.

Ты, Гульайин, любимая, приди!
Моя боготворимая, приди!
Живущая в груди моей, приди!
Бегущая в крови моей, приди!
Ты — жизнь, ты — крылья, ты — мой ясный
взор!

Ты — бабочка весенних наших гор!

Г у л ь а й и н

Я белое надеда, чтоб найти
Тебя и всюду вслед тебе идти.

Всю жизнь мою тебе я отдала.
В семье раба, в забвенье я жила.
Глаза и руки — все, чем я была.
Для бунта силы не было во мне,
Но ты явился — и так много сил,
Могучих сил во мне ты разбудил,
С мечом в руках иду я к Муканне
Со всем народом! Вот я — воин твой,
Идти готовый всюду за тобой!

М у к а н н а

Разящий острый меч тебе под стать.
Мечом врага заставишь трепетать.
И если меч твой, как твой гнев, остер,—
Мир для тебя пути свои простер.

Г у л ь а й и н

Твои слова убитых воскресят.

М у к а н н а

Когда твои глаза в мои глядят,
Мой разум будто бездна захлестнет...
И радость, как разлив весенних вод,
Мне сердце поднимает и несет.

Г у л ь а й и н

Когда тебя я вижу, мир земной
Встает таким прекрасным предо мной,
Что долго мне невмочь в себя прийти...

М у к а н н а

Прекрасен мир из-за тебя одной.

Г у л ь а й и н

Нашла я счастье, как его снести?..

М у к а н н а

Оно, лучась, течет в твоей крови.
Но неразлучна будь с мечом твоим,
А счастьем, только счастьем не живи!
Не тяготей лишь к радостям одним!
Запомни и вовеки не забудь:
Коль надо — сам себе я вскрою грудь
И вырву сердце и тебе отдам.
Но ты бойцом со мною рядом будь!
Как смелый муж, иди со мною в бой
С мечом в руке и со щитом в другой.
О, смысл великий есть в судьбе такой!

Г у л ь а й и н

Мне не забыть увиденного мной.
Весь путь мой озарит оно, как свет.
Здесь, в сердце, сберегу я твой завет.

М у к а н н а

Коль ослабеешь ты перед врагом,
Как гости, ввалятся враги в твой дом,
Когда ты свадьбу празднуешь свою,
И, в грудь тебя пиная сапогом,
Тебя засыпят заживо землей.
И там, где свадебный ты правил той,
Петь над тобой начнут за упокой.
И помощи — хоть кровью изойдешь —
Ни на земле, ни в небе не найдешь.

Г у л ь а й и н

Из-за того я в руки меч взяла
И за тобой бестрепетно пошла.
И пусть убита буду я в бою,
Я упаду у твоего крыла.

Му кан на

Ты... ты одна меня лишь поняла.
Бог был бы, богу б ты была равна.

Гу ль а й и н

Ты — целый мир, я в нем река одна...

Му кан на

Жизнь миру целому дает она.

Гу ль а й и н

Ты — сад, а я один цветок в саду...

Му кан на

Цветка прекрасней в мире не найду.

Гу ль а й и н

Завяну я. Ты будешь жить в веках.

Му кан на

Кто будет жить в нагих, сухих песках?

Гу ль а й и н

Нас двое. Будь что будет, Муканна.

Му кан на

У нас два тела, но душа одна.

Гу ль а й и н

В твоих словах — огонь. О, говори,
Не умолкай! Душа моя, гори!..
Я жаждущей огня всю жизнь была,
Еще двух нежных слов всю жизнь ждала.
Во мне был снег, лил ливень надо мной,
Была чужда я радости земной...

М у к а н н а

Ты человек. Надеждой жить умеи.
Жизнь без надежды — гибели черней.

Г у л ь а й и н

Мир этот мал для молодых сердец.
Чуть пострадал — и вот всему конец.
Коль сердце, как огромный мир, в тебе —
Страданья не вольны в твоей судьбе.

М у к а н н а

Ты разве думала когда-нибудь,
Что счастье столь огромное придет?
(Делая знак в окно.)

К тебе на свадьбу сходитя народ.

Г у л ь а й и н

Да, счастье мне переполняет грудь.
Не знаю я, отколь пришло оно.
Как небо, ясно и светло оно.
Звезда моя, всегда верна мне будь!

В х о д и т с т р а ж .

С т р а ж

Там собрались все, кто на пир званы,
Забавники, стрелки и плясуны.

М у к а н н а

(стражу)

Поди зови. Пусть все сюда придут.
Пусть этот день в веселье проведут!

Страж уходит. Муканна закрывает лицо.

А в рабстве праздников не знали мы...

Входят Куралтакин, Гирдак, Оташ, Гульобод
и другие, собравшиеся на той. У всех в руках цветы и по-
дарки. Пришедшие вручают подарки Гульайини и Муканне
и осыпают их цветами.

Г у л ь о б о д

Сегодня весь народ созвали мы.

О т а ш

За пир мы сядем на вершине Сом.

Г и р д а к

Вот крепость неприступная — ваш дом,
Сюда вовеки не проникнет враг.

К у р а л т а к и н

Сегодня стоит выпить, — так поьем.
А ну-ка пляску начинай, Гирдак!

Вбегает Б а т т а л ь с охапкой цветов.

Б а т т а л ь

Прости меня, я опоздал на той!
Привет вам приношу от всей души.

Гирдак берет Батталя за руку и выводит на середину.

Г и р д а к

Ты вовремя. Ты не спеши, постой.
Арабскую нам пляску пропляши.

Б а т т а л ь

Повеселиться я сегодня рад.

Г и р д а к

На свадьбе Гульайин попляшем, брат.
Повеселятся гости, поглядят.

Б а т т а л ь

Я рад. Но не умею я плясать.

Гирдак

Но ты ж плясать пришел к нам из-за рек.

Батталь

Достойна Гульайин, чтобы у ней
На свадьбе пел, плясал бы человек.
Я Гульайин обязан жизнью всей,
Но лихорадкой нынче болен я,
Горит недугом голова моя.

Оташ

Он болен. Перестань его терзать,
Да и охоту нужно, чтоб плясать.

Баги

(выходит на середину)

Сейчас мы сами спляшем, погоди!
Как птице, для которой тесен мир,
Так сердцу тесно у меня в груди.
Повей сейчас хоть легкий ветерок,
Как перышко, я полететь бы мог
И мчаться, не касаяся земли.
Меня, как крылья, руки б понесли.

Гульайин

(Гирдаку)

Батталь ведь только к зрелищам привык.
Зачем его без пользы принуждать?
И стыдно, может быть, ему плясать.

Гирдак

Нельзя ли мне вопрос ему задать?

Муканна

Не для вопросов позван он на пир.
А ты пляши и придержи язык.

Гирдак
(зовет Баги)

А ну-ка, птицей легкой пронесись,
В круг выходи, как буря, закружись.

Пляска. Все хлопают в ладоши. По окончании пляски Бат-
таль отходит вместе с Гульайин и Муканной в сторону.

Батталь

Я счастья вам желаю от души,
О Муканна, уйти мне разреши.
Я разболелся. Голова в огне.

Муканна

Что ж, отдохни, усни. Пойди домой.

Батталь

До часа смертного должник я твой!

Уходит.

Оташ

Сегодня он и заболел как раз.

Куралтакин

Да и не телом болен, а душой.

Оташ

Не может он привыкнуть среди нас.

Куралтакин

И среди войск он ходит как чужой.

Муканна подзывает Гирдака. Гирдак отводит Баги и Хишри
в сторону.

Г и р д а к

За ним следите, не сводите глаз,
Чтоб старый джинн не одурачил нас...
Смотрите, чтобы он не убежал.

Баги и Хишри уходят.

Хотел я, чтобы тут плясал Батталь,
Да заупрямился, проклятый, жаль.

Г о с т ь

Не огорчайся. Он хоть не плясал,
Но тысяча плясала и одна
В нем обезьяна злая!..

Пусть черна
Его душа, но в кровь уязвлена...

О т а ш

Ты сам пляши! И пусть народ глядит.
Пусть пляска нам сердца повеселит!
Сто лет не пели, не плясали мы,
Сто лет веселья не видали мы...
Пляши, ведь ты врага разбил в бою!
Пляши, ты радость воротил свою!

(*Всем.*)

Пусть пыль у всех рассеется в сердцах,
Споем «яр-яр», коль все здесь рады вы!
У ваших ног лежит разбитый враг.
Гуляйте ж, веселитесь нынче, львы!

(*Муканне.*)

Ты с нами! И сердца в нас чаш полней.

(*Гульайин.*)

Будь счастлива, о свет моих очей!

Пляска. В ходе пляски за сценой возникает шум и крик.
Пляска прекращается. Все смотрят наружу. Еле дыша, вбегают Баги и Хишри.

Б а г и

Батталь с Фирузом убежал сейчас!

Х и ш р и

Мерзавцы эти обманули нас!

Б а г и

Спихнули лодку в быстрину реки
И скрылись в миг один из наших глаз!

Г и р д а к

Эх, черт! Ушел он от моей руки!

Гульайин в смятении. Муканна молчит. Все ошеломлены.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Площадь перед крепостью на горе Сом. Площадь полна народа.

Х и ш р и

Его любое слово что алмаз.
Как жизнь, он дорог каждому из нас!

Х а к и м

Но видеть мы его лицо хотим.

Б а г и

За Муканну мы душу отдадим!

Х а к и м

Лицо его увидеть жаждет взор...
Нет, ты открой лицо!

До коих пор

От наших глаз скрываться будет он?
Я слышал: он проказой поражен...

Баги

Кто говорил?

Хишри

Где слышал?

Баги

От кого?

Хаким

Один купец.

Баги

Веди сюда его!

Пусть подтвердит!

Хаким

Что толку?

Баги

Ты не ври,

Но раз уж начал, дальше говори.

Хаким

Наш вождь и прокаженный и... слепой.

Зияют ямы на лице слепца.

Вот почему ни летом, ни зимой

При нас не открывает он лица.

Он мудр, велик, он чудеса творит,

Но слеп и отвратителен на вид.

Х и ш р и

Глядит же Гульайин, его жена,
В лицо ему?

Х а к и м

Несчастливая она,—
Увяла, хоть едва лишь расцвела,
До осени своей не дожидка...

Б а г и

Твой разговор безумен и нелеп!
Ведь если Муканна и вправду слеп,
Как девушку с такою красотой
Он приглядел, несчастный и слепой?

Х а к и м

О, это тайна, чудо, колдовство.
Глазами он не видит ничего,
Но все он знает!

До морского дна
Его уму вселенная ясна.
Как в зеркале, все видит он. Сейчас
Его не видим мы, он видит нас.
И он во сне увидел Гульайин...
На то он всемогущий властелин.

Х и ш р и

Нам скажет правду Гульайин одна.

Х а к и м

Да разве мужа выдаст вам жена?
Да хоть на шаг подпустит ли к нему?

Х и ш р и

Несчастливая и чахнет потому!..

Х а к и м

Ох, женщина, она всех проведет!
Сто раз на дню умрет и оживет.
Покорна с виду мужу своему,
Тайком все повернет наоборот.
И Гульайин — такая же она,
Как все. Красива, хитрости полна,
Она была в Батталя влюблена,
И ею был обманут Муканна.
Батталя он доверием облек,
Знать, женским просьбам отказать не мог,
И что ж?

Б а г и

Да, тут ошибся он, а жаль...

Х а к и м

На свадьбу даже позван был Батталы!

Б а г и

А случай подвернулся, в тот же срок
Удрал шакал. Злой дал он нам урок.

Х а к и м

Собака не предаст, предаст жена.

Издали подходит Г у л ь а й и н и.

Идет, идет ослица, вот она!

Х и ш р и

Нехорошо! Язык ты придержи.

Х а к и м

Беги навстречу! Ноги ей лижи!

А мне,— и пусть за это я умру,—
Собачье ремесло не по нутру.

Расходятся. Баги приближается к Гульайин.

Баги

Привет, царица!

Гульайин

Что еще стряслось?
Зачем сюда все войско собралось
И толпами нестройными вразброд
Рассыпалось?

Баги

Вот захотел народ
Лицо вождя увидеть. Все горят
Одним желаньем. Все давно хотят,
Чтоб покрывало он с лица совлек!
Народ все приливает, как поток...

Гульайин

А утром нам идти в последний бой.
Зачем им это в трудный день такой?

Баги

Увы! Есть много праздной болтовни.
«Он прокаженный»,— говорят одни.
Другие шепчут, будто он слепой.

Гульайин

Что слышу? Горе мне! О боже мой!
Беда, беда нависла надо мной...

Баги

Побег Батталя всем нам повредил.

Он вновь большое войско сколотил,
И вождь велел нам выступать в поход.

Х и ш р и

Но праздно занят слухами народ,
И на уме у войска — не война!

Г у л ь а й и н

Во всем, во всем повинна я одна.
Побег Батталя — то моя вина.
Когда б не я, кто б меч злодею дал?
Кто б негодяю милость оказал?
Я от него и кару отвела,
И за него поруку я дала,
И я его на свадьбу позвала...
Ягненком кротким волка я сочла!
Не отказал мне в просьбе Муканна...
О друг, какую мукой я полна!
О, лучше б расступилась подо мной
Земля, чем мне стоять пред Муканной!

М у к а н н а входит один. Гульайин при виде его вздрагивает.

Зачем весь день один ты? Молви мне.

М у к а н н а

С самим собой побыть наедине
Я захотел.

Охвачен тишиной,
Советовался молча сам с собой...
И много тайн с сегодняшнего дня
Внезапно стало явно для меня...
Зачем здесь войско? Кто сюда его
Созвал без приказанья моего?
И почему полки, нарушив строй,

Теснятся беспорядочной толпой?
Иль враг разбит? И кончилась война?

Г у л ь а й и н

Твое лицо увидеть, Муканна,
Хотят они.

М у к а н н а

Зачем же это им?

Г у л ь а й и н

Не знаю я... Пусть объяснит Хаким.

М у к а н н а

Ну, объясни, в чем дело, голова,
Произнеси ужасные слова.

Х а к и м

Лицо твое увидеть мы хотим.

Х и ш р и

Мы в белое, как ты, облачены.

Б а г и

Великой верою в тебя полны,
Мы, как один, пошли путем твоим.
Сердца пришельцев черные дотла
Одежда наша белая сожгла.
Мы шли на битву с именем твоим
И беспощадно отомстили им.

Х и ш р и

Вздохнули вольно мы, живя с тобой,
Мы вновь узнали радость и покой.

Х а к и м

Но видеть лик твой хочет весь народ,
Великая тревога нас гнетет...

М у к а н н а

Я человек, как вы, и у моей
Природы свойства, как у всех людей.

Х а к и м

Все так... Но... слух идет с чужих сторон,
Что будто ты проказой поражен,
Что от рождения ты был слепцом,
Что страшно безобразен ты лицом.
И потому его скрываешь ты.
Как истомились мы — не знаешь ты!
Мы молим: подними покров с лица
И успокой смятенные сердца!

М у к а н н а

Дивлюсь, как вам в сердца придет покой,
Когда враги — здесь рядом, за рекой?
И если покрывало подыму —
Страдальцев слезы разве я уйму?
И горе, что враги нам принесли,
И цепи тяжкие с родной земли
Сниму в одно мгновенье, как рукой?
А знаете ли вы, кто я такой?

В с е

Да, знаем!

Б а г и

Ты наш вождь!

О т а ш

Ты — человек!

М у к а н н а

Я — это вы все вместе! Из-под век
Моих глядят — да! — ваши же глаза!
И если налетит на вас гроза
И злые духи вас с пути собьют,
Чело мое морщины рассекут.
И если враг врасплох застигнет вас,
Я прокаженным стану в тот же час.
И если вы хотите с полпути,
Борьбы не кончив, на покой уйти,
Одежды белые зачем надели вы?
Зачем пришли ко мне? Чего хотели вы?

О т а ш

Прости нас!

Х а к и м

Наш вопрос — вопрос глупцов!..

М у к а н н а

Я отдал вам имущество врагов,
Гоните ж их от ваших берегов,
Сплавляйте вниз по рекам мертвецов!
Вы, только вы — хозяйева страны.
Скачите в бой, бесстрашны и грозны!
Пусть враг, себя не помня, прочь бежит,
Пусть сам халиф в Багдаде задрожит!
И пусть потом сто лет в стране врагов
Не молкнут стоны внуков и сынов!
А вы себя спасете лишь борьбой.
Мы завтра все пойдем в последний бой,
В последний грозный бой за Бухару.
Я полчища халифа в прах сотру.
Куралтакин потом на Кеш пойдет,
Гирдак в Нахшаб отряд свой поведет,
Здесь Гульайин охрану будет несть...

Пусть вам сердца воспламеняет месть!
Когда ж вы всех врагов до одного
Прогоните из края своего,
Когда победы светлый день взойдет,
Тогда меня увидит весь народ.
И покажу я вам зеницы глаз,
Тех глаз, что в зрячих превратили вас,
И солнцем вам лицо мое блеснет!
А ныне — в битву, грозные! Вперед!
О львы победоносные! Вперед!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Поле битвы на подступах к Бухаре. Шатер Муканны в степи. Издали слышится шум боя. Перед шатром проходят воины Муканны. В стороне — склад оружия: мечи, копья, топоры, палицы, луки. Старики и женщины все время подносят и складывают оружие. Муканна взволнованно смотрит то на них, то в сторону поля битвы.

Муканна

И люди гибнут, словно саранча,
И кровь течет, потоками журча...

Пауза.

(Громким голосом.)

Взлетайте выше, соколы мои!
Вставайте над врагами, как гроза!
О львы победы, пусть у вас глаза
Проясняются от пролитой крови!

Кто рвется в бой — драконов сам пожрет.
Вперед, герои! Вас победа ждет!

Подходят Куралтакин и еще несколько воинов.
Их белые одежды залиты кровью. Видно, что они пришли
с поля битвы. На мече Куралтакина кровь.

О Гульайин есть вести? Где она?

Куралтакин

Она рубилась, ярости полна,
Вблизи холма и в чаще камыша:
Врагов мечом сверкающим кроша,
Она летает молнией в бою.

Муканна

(радостно)

А кто летает молнией в бою,
Тот и победу достает свою!
(Заметив кровь на мече Куралтакина.)
Благословен твой меч и кровь на нем!

Куралтакин

Мир всем, кто пал на поле боевом!

Муканна

Как чувствуют себя мои бойцы?

Куралтакин

Вброд по крови проходят удальцы.
На землю сыплются, как спелый тут,
Враги везде, где львы твои пройдут.
Но войско поредело и у нас.
Потерям нет предела и у нас.
Мы потеряли с утренней поры,
Наверно, тысячи за полторы.

М у к а н н а

А каковы потери у врагов?

К у р а л т а к и н

У них едва лишь — тысяча голов.
Но наши все же рвутся в бой, вперед,
В ряды врагов вонзаясь, как стрела.

Пауза.

Оружья нам, увы, недостает,
И мне сейчас такая мысль пришла:
Что, если бой хотя б на час прервать
И той порой оружие собрать?

М у к а н н а

(с горьким смехом)

Отменно ты придумал, хоть куда!
Враг тоже спать не будет в этот час,
А завтра в тыл ударит нам Муаз,
Ты что, о нем не слышал никогда?
Среди арабских воинских вождей
Он — первый. Много взял он крепостей.
Батталь не стоит каблука его.
Могуча, как судьба, рука его.
С ним двести тысяч воинов идет.
На нас войска он сам теперь ведет.
Застигнет он, как буря!

Мой приказ:

Идти вперед и раздавить врага.
Сейчас для нас минута дорога.
Не медлить! Перед нами Бухара
Должна открыть ворота до утра.

(Показывает на оружие.)

Возьми оружия, сколько нужно, здесь!

Несут нам люди, у кого что есть.
Тот, кто умеет,— нам мечи кует,
Кто меч имеет,— меч свой отдает.
Иные — от гвоздя до топора —
Все тащат к нам со своего двора...
Мы за свободу подняли войну,
И мы должны освободить страну,
Хотя б и не хватало нам мечей!
Не сталью роем землю муравей,
Могуч и без оружия грозный лев.
Нас львами в битве делает наш гнев.
И если стрел нам станет не хватать,
Мы камнем будем во врага метать!
Когда же и камней мы не найдем,
Мы головы свои метать начнем.
Коль меч сломался — топором рубись,
Топор сломался — палкою дерись!
Сломалась палка,— в грудь врагу вонзи
Все — ногти, зубы!.. Рви, терзай, грызи!
А будет все исчерпано, тогда
Кровь наша хлынет бурно, как вода,
И мир зальет, не зная берегов.
В своей крови утопим мы врагов
И победим!

Не медлить в час такой,
А в руки брать оружие — и на бой!

Муканна обнажает меч. Воины разбирают оружие и уходят за ним на битву. Входит, хромая, Г у л ь а й и н. Одна ее нога в крови, в руках у нее меч. За нею показывается Б а т т а л ь.

В руках у него меч.

Г у л ь а й и н

Глоток воды! Огонь во мне горит!

Б а т т а л ь

То пламя смерти кровь твою палит!

Г у л ь а й и н
(вздвoгнув, oбoрачиваетcя)

Предатель! Ты? Как ты попал сюда?

Б а т т а л ь

Пока жива ты, жизнью никогда
Я не утешусь.

Г у л ь а й и н

Я горю в огне —
То ненависть к тебе горит во мне!
Слепой лишь раз теряет посох свой,
И от меня теперь ты не уйдешь!

Б а т т а л ь

Как Азраил, пришел я за тобой!

Они бьются. Появляется Ф и р у з. Он подкрадывается к Гуль-
айин и хватает ее.

Ф и р у з

Жив Муканна, покамест ты живешь!
И вот пришел я выпить кровь твою!

Г у л ь а й и н

Ага! И ты попался! Рада я!
Ты гадина, шакал поганый — он!
Один — как волк, другой — как скорпион!

Убивает Фируза ударом меча, поворачивается к Батталю.
Батталь вонзает ей в грудь меч.
Входит М у к а н н а.

М у к а н н а

Смерть алчет поглотить тебя, змея!
Сейчас из тела дух твой вырву я.

А! Стать рабом ты не хотел? Ну что ж,
Как падаль, здесь без савана сгниешь!
И в рабстве станет жить весь твой народ,
И в рабстве поздний правнук твой умрет!

(Убивает его.)

Так получи награду.

(Бросается к Гульайин.)

Г у л ь а й и н

(в забыты)

Я в огне...

То ненависть к тебе горит во мне...

М у к а н н а

О жизнь моя! Мой ангел, Гульайин!

Г у л ь а й и н

О счастье краткое мое, прощай!

Умру я, ты останешься один...

М у к а н н а

О, мук моих, молю, не умножай!

Мне без тебя вселенная тесна,

Я задохнусь!..

Г у л ь а й и н

Умру... и вновь весна

Наполнит розами прекрасный мир...

М у к а н н а

Ты роза в мире для меня одна!

Твоей улыбкой жизнь озарена!

Земля сияньем глаз твоих полна!

От света твоего светла луна!

Уйдешь — и почернеет, гол и сир,—
Цветник без розы, сад без соловья...

Г у л ь а й и н

Ты мне глаза раскрыл на мир, и я
Познала всю громадность бытия
И равную средь равных в жизнь вошла.
Я миг жила, но счастлива была!
Свободой и надеждой я жила.
Но с горечью из жизни ухожу...
Скорблю, что никогда не погляжу
На край родной, свободный от врагов,
Что слишком рано умираю я!
Тебя, любимый, заклинаю я:
В живых теперь врагов не оставляй!
Один оставшись, не пренебрегай
Своею безопасностью. Прощай!

(Умирает.)

М у к а н н а

О Гульайин, бесценный мой цветок!
Ушла ты, я остался одинок.
Меня покинув, ты в свой дом ушла
И за собою двери заперла.
И я один теперь на всей земле,
Как дуб угрюмый на нагой скале.
Меня в пути покинул спутник мой.
Мой светлый ангел облачился тьмой!
Открой глаза! Взгляни на мир земной:
Не хочет разлучаться он с тобой!
Многострадальный мир,— с тобою он
Последней будет радости лишен.
Ты не для смерти рождена была,
Не для могилы темной расцвела!
О ты! О, неужель ты умерла,

Навеки погрузилась в тяжкий сон?
И плоть твоя, как куща роз,— весной
Цветущая,— смешается с землей?
Вставай, о жизнь моя! Моя заря!

Муканна берет Гульайин на руки, встает и обращается
к войску.

Эй, в Бухару, герои! В Бухару!
Отважные, за мною — в Бухару!
Меч Гульайин нас в битву поведет.
И впереди сама она пойдет!
Неугасимым пламенем горя,
Она вас на последний бой зовет!

З а н а в е с

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

В крепости. На горизонте лучи заходящего солнца отражаются в белоснежных облаках. Оташ и Гульобод разговаривают между собой. На полу лежат несколько раненых.

О т а ш

Пропал Гирдак — ни вести, ни письма.
Где он, бедняк, не приложу ума...
Наш город вот уж месяц как в огне...

Г у л ь о б о д

Враги золу сгребают по стране,
Другой добычи нет у них сейчас...

О т а ш . .

Так, значит, не совсем огонь угас,
Так, значит, здесь им не цветет весна.
И жив народ, и месть его грозна.

1-й раненый

Да! Жажды мести в нас не истощить!
Чем пред врагами голову клонить,
Уж лучше утонуть в крови своей.

О т а ш

(глядя в сторону города)

Дым над землей все гуще и черней...

2-й раненый

Вновь Мусайаб вчера казнил людей,
Сказал: гнездовье змей предам огню,
А непокорных в рабство угоню!
И много виселиц средь площадей
Поставил этот архиманов сын!

3-й раненый

Тоскуешь, матушка, по Гульайин?

Г у л ь о б о д

Здесь у меня она была одна!
Все, как живая, предо мной она...
Года прошли — немалая пора,—
А мне все кажется, что лишь вчера
На кладбище родную унесли...

О т а ш

Слова ее на память мне пришли,
Как я ее могилу посетил...
Апрель могилу зеленью покрыл,
Тюльпаны на могиле расцвели...

Г у л ь о б о д

Мир наизнанку вывернут теперь.

О т а ш

Играет он с тобой, как хитрый зверь
С добычею. Ты смерти ждешь, но вот
Она твое дитя внезапно бьет
И зарывает вместе с ним, живьем,
Тебя в могилу... Летом и зимой
Зловещей одинокою совой
Сидишь ты в доме рухнувшем своем.
Уставясь в землю, молча ты идешь
И днем и ночью тщетно смерти ждешь.

Г у л ь о б о д

И смерть, как счастье,— говорит народ,—
Внезапно человека застает...

1-й р а н е н ы й

Кто смерти ждет, тот лишний век живет...

Г у л ь о б о д

Тех смерть хватает, кто ее не ждет.

О т а ш

Когда бы юный жил, а старый умирал,
Как радостен бы мир печальный стал!

Г у л ь о б о д

Как старец, согнут горем весь народ.

О т а ш

Все полегли в боях за край родной,
Со славой пали...

Баги и еще двое вносят раненого Хишри.

Кто это?

Баги

Хишри!

Без памяти упал средь битвы он.

Хишри

Я ранен... я изрублен... посмотри...
Я в крошево как будто превращен...
Но ни на шаг в бою не отступил...

Окружающие перевязывают раны Хишри.

Баги

Лежи пока и набирайся сил.

Пауза.

Хишри

Нет! От подушки голова болит.
Пока хоть капля крови есть во мне,—
Там место мне, где смертный бой кипит,
Там — наше ложе!

Стыд тому, кто спит,
Когда отчизна мучится в огне!

Встает. Хишри, Баги и раненые уходят. Входит Муканна.

Муканна

(Оташу)

Отец, боишься смерти или нет?

Оташ

На странный твой вопрос простой ответ:
Я очень стар, я ничего не жду,
Из жизни без печали я уйду.
Но ты... ты должен жить! Не для себя,
Так для других, кому ты жизнь даришь,

Как солнце, пред народом ты стоишь.
Есть в каждом сердце место для тебя.

М у к а н н а

Теперь спасенья нет, мой добрый друг,
Мы заперты в нерасторжимый круг.
Исчерпаны остатки наших сил,
Бойцов сильнейших голод задушил.

Г у л ь о б о д

Как остров, одиноки мы сейчас.

М у к а н н а

Злой враг отрезал от народа нас.
Мы, от родной стихии вдалеке,
Обречены, как рыбы на песке.
А без воды и дерево умрет...
Задавлен горем тяжким наш народ...

О т а ш

Но все ж сдаваться рано. Там, извне,
Сердца клокочут, как свинец в огне.
Мужи дерутся, жизни не щадя,
И умирают, с места не сходя.
Гирдак, собрав все силы, может быть,
Еще успеет нас освободить.

Г у л ь о б о д

Пусть на три четверти луна темна —
Вся скоро будет светлою она!
А твердо вознамерясь богатеть,
То значит — полбогатства уж иметь!
Так в мудрости своей сказал народ.

О т а ш

Тебе унынье духа не идет!

Муканна

Ты прав...

Поспешно, тяжело дыша, входят Баги и два вонна.

Оташ

Какие вести — говори!

Баги

Враги на приступ яростно пошли,
Перелезают стены, разнесли
Ворота. Бой идет уже внутри
Наружной крепости.

1-й воин

Бойцы у нас

Вконец измучены, изнурены.
Они совсем для боя не годны.

Баги

Вожды! Войско ждет: какой отдашь приказ?

Оташ

(к Баги)

А где Гирдак? О нем ты не слыхал?

Баги

Он в когти вражьи, видимо, попал.

Оташ

А где Куралтакин? Ты не видал?

Баги

Он боя ни на миг не покидал.

Передовые он ведет ряды.
Да нет у нас ни хлеба, ни воды.

Слышится шум боя. Муканна отходит в угол сцены и обращается к бойцам.

М у к а н н а

О львы! Сдаваться будем ли врагам?
Друзья, искусство это чуждо вам,
Тот, кто предаст, сам попадет в беду.
Кто бой проспит — пробудится в аду.
Кто в плен пойдет — в петле, как пес, умрет,
А трус ничем позора не сотрет.
Смотрите: выжжен лик родной страны,
Отец и мать пожаром спалены.
Жилища стали грудями золы,
Бездомны дети, голодны, голы.
Кто смеет перед смертью трепетать?
Кто смеет о пощаде умолять
Врагов заклятых?

Разве наш народ,
Как раб, перед насильником падет?
Нет, я не знаю никого из вас,
Кто согласился бы хотя на час
Жизнь для себя купить такой ценой,
Ценой цепей страны своей родной!

Шум боя. Осажденные усиливают сопротивление. Баги выходит. Муканна молчит. После небольшой паузы Баги возвращается.

Б а г и

Вся крепость внешняя врагами занята.
Пришел посол врагов.

М у к а н н а

Пускай войдет.

Зейд
(входит)

От Мусайаба прислан я сюда.
Письмо великий полководец шлет.
(Подает письмо.)

Муканна

Ну прочитай, что у него болит.
(Возвращает письмо Зейду.)

Зейд
(читает)

«Отряд твой поголовно перебит.
И в крепости своей со всех сторон,
Как в западне, ты нами окружен.
Я предлагаю сдаться. Вам пути
Другого нет — от гибели уйти!»

Оташ

А если дух наш грозный не ослаб,
Что может с нами сделать Мусайаб?

Зейд

Великий полководец нам сказал:
«Стоять мы будем тут
До той поры — пока к концу у них
Припасы не придут.
До той поры — пока одежды с них,
Истлев, не упадут.
До той поры — пока не захрипят
От жажды глотки их,
Пока страдания не превратят
Их в стариков седых.
До той поры — пока презренней всех
Не станут на земле.

Покамест не раскаются они,
    Погрязшие во зле.
До той поры — покамест пожирать
    Друг друга не начнут.
Покамест, о глотке воды моля,
    Сюда не приползут.
Пока, как град летящие с небес,
    Их камни не побьют.
Пока, не погребенные никем,
    Их кости не сгниют.
Пока не пересохнет, как ручей,
    Вся кровь в сердцах у них,
Пока они не потеряют всех
    Защитников живых.
Пока с лица земного без следа
    Их не сотрется след,
Пока их темных душ не озарит
    Ислама вечный свет!»

М у к а н н а

(смотрит на Гульбод, приказывает)

Мать! Разведи костер здесь — да такой,
Чтоб он всю землю озарил собой.

З е й д

(обращается к Муканне)

Дозволь посланья чтение завершить?

(Читает.)

«...А коль согласен миром ты сложить
Оружие и будешь нам служить,
Ты сан высокий можешь получить...»

М у к а н н а

(прерывает Зейда)

Иди! Вот Мусайабу мой ответ:
У нас предателей и трусов нет!

Скажи ему: не сдастся наш народ.
Скажи: народ наш вечно не умрет,
Его ничто не в силах сокрушить!
И чем под плетью иноземной жить,
Нам лучше в битвах головы сложить,
И в сто раз лучше горстью пепла стать,
Чем на плечах ярмо раба таскать.

(Бросает письмо в костер.)

Не говори мне больше ни о чем,
Иди и разговаривай мечом!

Зейд удаляется. Муканна уходит во внутренние покои. Вбе-
гает Баги.

Баги

Гирдак ведет народ из-под горы!
В руках людей — серпы и топоры.
Там, под горою, бой кипит сейчас...

Оташ

(радостно)

Хотя бы кровь потоком разлилась,
Врагу не покорится наш народ!

Баги спрашивает о Муканне. Оташ указывает на дверь. Вхо-
дят несколько раненых воинов.

1-й воин

Нет больше войска в крепости у нас!

2-й воин

Враги в ворота вломятся вот-вот!

Уходят в дверь, куда вышел Баги. Входят три-четыре
человека во главе с Хакимом. Из другой двери выхо-
дят Муканна и Баги.

М у к а н н а
(к Хакиму)

Ну говори — какне вести?

О д и н и з п р и ш е д ш и х
(к Хакиму)

Говори!

Х а к и м

Сам говори!

В т о р о й

Ты сам скажи!

П е р в ы й

Сам говори!

Х а к и м

Нет больше крыльев — подыматься ввысь,
И нет надежды более спастись.
Пропало все! Ищи скорей пути,
Чтобы отсюда душу унести.

Все растеряны.

М у к а н н а

Ты бегством жизнь советуешь спасти?
И ты, с твоей трусливою душой,
Подлец, осмелился пойти за мной?

Пауза. Муканна обращается к Оташу.

Трус, как предатель, здесь лишь смерть
найдет.

Убей его! Избавь от всех хлопот.

Напряженное молчание. Оташ уводит Хакима. Длинная пауза.

Отец и мать мои здесь рождены,
И деды здесь мои погребены.
Здесь колыбель народа моего.
Здесь честь и слава рода моего,
Уйду ль отсюда? Стану ль подлецом,
За жизнь свою дрожащим беглецом?
Иль этой крови пригоршня одна
Дороже мне, чем вся моя страна?
Мне ль подлым бегством жизнь свою спасти,
Покрыть себя позором навсегда,
Чтобы родные горы на пути
Вставали и рыдали: «Ты куда?»
Чтоб я бежал народа моего,
Не вынеся великих мук его?
Чтоб сторонились дети от меня,
Чтоб застонал в могиле мой отец?..
Нет! Не дождешься ты такого дня!
Как смел ты предлагать мне жизнь, подлец?
И пусть придет хоть тысяча смертей,
Мне угрожая,— прочь не отступлю!
На миг не брошу я страны моей
И, умирая, прочь не отступлю!

Пауза.

Но терпит поражение иногда
И справедливость. Туча день мрачит.
Судьбы великой падает звезда,
В земле зарыто — золото лежит.
Но справедливость в мире не умрет!
Но золото под спудом не сгниет!
Но солнце, тучи разогнав, встает!

Костер разгорается. Осаждающие поджигают крепость
снаружи.

Скажите всем: я буду жить всегда!
Я не умру, о други, никогда!

В живой душе народа буду жить!
В желании свободы буду жить!
Когда народ богов себе искал,
Одну свободу богом я назвал,
На путь свободы вывел я его.
Друзья! Любви бессмертной божество —
Сегодня к вам взывает Гульайин:
«Все, как один, на бой! Все, как один!
Пусть, как пожар, в вас ненависть горит!
Да сгинет враг!» — она вам говорит.

Пауза.

О Гульайин! Ты в памяти моей
Сияешь мне, чем дальше, тем светлей,
Любовью ты бессмертна, жизнь моя...
Свободою бессмертен буду я!

Пауза.

Внемли, кто хочет лик увидеть мой!
Мой лик откроется в заре побед.
Мой лик в очах людей, идущих в бой,
Заблещет вновь, как путеводный свет.
О мать! Пусть ярче твой костер горит,
Пусть небо он и землю озарит!
С мечтой заветной, с солнцем бытия
Сольется ныне в нем душа моя.
Сегодня вечным стану я огнем,
Призывом к мести подымусь я в нем!
Покамест хоть один есть враг в родной
стране,
Отмщение — отныне имя мне!

В с е

Отмщение!

М у к а н н а

Клянемся же, друзья:
Врагу живыми не дадимся мы!

Муканна прощается с друзьями, обнимаясь с ними. Каждый из них повторяет: «Врагу живыми не дадимся мы!», «Отмщение!» . Они простились. Костер пылает.

Муканна бросается в пламя.

З а н а в е с

1942—1943

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Абай Кунанбаев (1845—1904) — казахский поэт-просветитель, родоначальник новой письменной казахской литературы.

Азан — призыв к молитве.

Ака — старший брат; вежливое обращение к старшему мужчине.

Амангельды Иманов (1873—1919) — один из руководителей национально-освободительного восстания 1916 г. в Казахстане.

Аргамак — старинное название породистых восточных лошадей.

Байсеитова Куляш (1912—1957) — казахская советская певица. Одна из основоположников казахского оперного искусства.

Батыр — храбрый, отважный, богатырь, борец.

Бахтиёр — дословно: счастливый, счастливец; имя собственное мужское.

Бисмилла ир-рахмон-ир-рахим — во имя аллаха, милостивого и милосердного (начальные слова суры Корана, ставшие формулой, употребляемые в начале любого дела). Сокращенно: бисмилла.

Газель — вид монорифмического лирического стихотворения.

Дервиш, каландар — мусульманский странствующий монах.

Дехканин — крестьянин, земледелец.

Джейхун — так прозвали арабы реку Амударью, что означает коварная и мутная.

Джида — дерево со съедобными мучнистыми плодами.

Джума — пятница, праздничный день у мусульман.

Домбра — музыкальный инструмент.

Дувал — глинобитный забор.

Дутар — двухструнный, щипковый музыкальный инструмент.

Ичкари — внутренняя часть дома, где помещались женщины и дети.

Ишан — духовный наставник мусульман, глава религиозной общины.

Камча — кнут, плеть, нагайка.

Карнай — музыкальный инструмент в виде длинной медной трубы.

Кетмень — род мотыги с широким лезвием.

Кобкари — конные скачки; *улак* — козлиная туша, которую вырывают друг у друга участники скачек.

Курбан — жертва; курбан-байрам — религиозный праздник жертвоприношений у мусульман.

Ля илях илля ллах ва Мухаммадун расулу ллах — нет бога, кроме аллаха, и Магомет — пророк его.

Лал — рубин, яхонт.

Лейли — героиня восточной поэмы «Лейли и Меджнун».

Мазар — могила, кладбище, гробница.

Мусайаб бин Зухайр — наместник халифа, сменивший Муаза бин Муслима, потерпевшего поражение от Муканны.

Навои Низамаддин Мир Алишер (1441—1501) — узбекский поэт, мыслитель и государственный деятель.

Намаз — обязательные мусульманские молитвы, совершаемые пять раз в день.

Омар Хайям (ок. 1048 — после 1122) — персидский и таджикский поэт, математик и философ.

Омач — узбекская соха с чугуниным наконечником.

Пери — мифологическое существо, символ красоты.

Рубаб — щипковый струнный инструмент.

Рустам — герой поэмы «Шах-наме» Фирдоуси.

Сай — горная речка.

Сейхун — река в Турции.

Сель — бурный горный поток (после дождя, таяния снегов).

Сурнай — музыкальный инструмент типа флейты.

Табут — носилки, в которых относят покойника на кладбище.

Такташ Хади (1901—1931) — татарский поэт. Один из зачинателей татарской советской поэзии.

Тамбур — струнный музыкальный инструмент.

«*Тахир и Зухра*» — лиро-эпическая поэма тюркоязыческих народов Средней Азии, Поволжья и Азербайджана.

Товба — сожаление, раскаяние, зарок; выражение удивления.

Той — свадьба, празднество, пиршество.

Тут — тутовое дерево, шелковица; плод тутового дерева.

«**Фархад и Ширин**» — эпическая поэма народов Востока.

Физули Мухаммед Сулейман-оглы (1494—1556) — азербайджанский поэт.

Хаджадж — правитель Ирака (начало VIII в.). Ему был подчинен Кутейба — наместник Хорасана, завоеватель Мавераннахра.

Хафиз Шамседдин Мохаммед (ок. 1325—1389 или 1390) — персидский поэт.

Хирман — место, куда свозят собранный урожай, полевой стан.

Чанг — музыкальный инструмент наподобие цимбал.

Чачван — покрывало для лица, сотканное из черных конских волос, носимое женщинами с паранджой.

Чигирик — кустарная деревянная ручная машина для очистки хлопка от семян.

Чигит — семена хлопчатника.

Шара — казахская танцовщица.

Шахимардан — горное селение в Ферганской долине, которое считалось священным местом для мусульман, где зверски был убит первый советский поэт Узбекистана Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929).

«**Яр-яр**» — свадебная песня.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Тихонов. Слово о Хамиде Алимджане . . .	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ленты дорог

* Муза. Перевод И. Лиснянской	17
* Мизимта. Перевод И. Лиснянской	19
* Новогодние пожелания. Перевод И. Лиснян- ской	20
* Смерть Офелии. Перевод И. Лиснянской . . .	22
* Река прозрачна, даль ясна. Перевод Р. Мо- рана	26
* Южной ночью. Перевод Р. Морана	27
* Воспоминание о Чимгане. Перевод И. Лис- нянской	28
* Ленты дорог. Перевод И. Лиснянской	30
* Проезжая Волгу. Перевод И. Лиснянской . . .	32
* У Черного моря. Перевод Р. Морана	33
* В холмистой степи. Перевод Р. Морана . . .	34
* «Красавица! За то, что в немоту...» Перевод Р. Морана	35
Юность. Перевод С. Сомовой	36

* «У каждого сердца есть вешний расцвет...». Перевод И. Лиснянской	38
* Тоскую по тебе. Перевод И. Лиснянской	39
* Когда наступает ночь... Перевод И. Лиснянской	40
* В моем воображении. Перевод И. Лиснянской	42
Детство. Перевод Л. Руст	43
На берегу Балтийского моря. Перевод М. Замаховской	46
* Настроение. Перевод Р. Морана	47
Поиски ночи. Перевод К. Арсеновой	48
* Вопрос. Перевод С. Липкина	49
* Ответ. Перевод Р. Морана	50
Когда тоскуешь по весне. Перевод М. Замаховской	51
* Воспоминание о Неве. Перевод Р. Морана	52
«Прощалась...». Перевод В. Державина	54
* «Играет молодой травю...». Перевод Л. Морана	55
* «Когда я молод был...». Перевод С. Липкина	56

Когда цветет урюк

Узбекистан. Перевод Л. Пеньковского	57
Молодая сила. Перевод М. Замаховской	60
Сияб. Перевод Л. Руст	61
* Шарафат. Перевод Л. Морана	66
Обновленье. Перевод Т. Спендиаровой	67
* Приди! Перевод Р. Морана	69
Дочь Азербайджана. Перевод М. Замаховской	71
Восток. Перевод П. Семьицина	73
* Сорванный лист. Перевод Р. Морана	77
В огне возмездия. Перевод А. Шпирта	78
Степи. Перевод П. Семьицина	80
В Узбекистане. Перевод Л. Руст	82
Великий поход. Перевод В. Державина	86

Ферганская долина. Перевод С. Липкина	89
Весна. Перевод Л. Пеньковского	95
Бахри. Перевод П. Семьмина	97
Ночь у реки. Перевод В. Державина	100
Поезда. Перевод С. Липкина	102
Снег в степи. Перевод С. Липкина	104
Зимняя улица. Перевод С. Липкина	106
Другу-сборщице. Перевод К. Арсеновой	107
Воображение певца. Перевод В. Державина	108
«Счастлив я...». Перевод М. Замаховской	112
* «Если выжмет слезу беда...». Перевод Р. Морана	113
Пушкин. Перевод В. Любина	114
* «Завоеван полюс!..» Перевод С. Липкина	116
Хулькар. Перевод С. Липкина	117
Казахстан. Перевод А. Шпирта	118
Когда цветет урюк... Перевод Л. Пеньковского	121
«Сколько в веках уничтожено было...». Перевод Л. Пеньковского	123
Родина. Перевод Л. Руст	125
Хвала домбре. Перевод В. Державина	126
Счастье народа. Перевод К. Арсеновой	128
Ключ к счастью. Перевод Л. Пеньковского	130
На берегах Чирчика. Перевод В. Державина	132
* Свет Кремля. Перевод С. Липкина	135
 Святой огонь	
Возьми оружие в руки. Перевод В. Державина	137
* «Утро двадцать второго июня...». Перевод С. Липкина	139
Отправка бойцов на фронт. Перевод А. Шпирта	140
Письмо. Перевод В. Державина	143
Любовь. Перевод Л. Пеньковского	146
Джигит. Перевод В. Державина	149
Привет гвардейцам. Перевод В. Державина	151

Другу, идущему с востока на запад. <i>Перевод</i> <i>В. Левика</i>	152
* Ожидание. <i>Перевод Р Морана</i>	154
Россия. <i>Перевод В. Державина</i>	155
Шинель. <i>Перевод В. Державина</i>	157
* День твоего рождения. <i>Перевод С. Липкина</i>	159
Когда уходили на восток. <i>Перевод В. Державина</i>	162

БАЛЛАДЫ

Шахимардан. <i>Перевод А. Шпирта</i>	167
Мастерство. <i>Перевод В. Державина</i>	176
Жизнь старика. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	180
Повести двух девушек. <i>Перевод В. Липко</i>	192
Самарканд 21 января 1924 года. <i>Перевод</i> <i>В. Державина</i>	204
Баллада о бойце Турсуне. <i>Перевод В. Державина</i>	207
* Слезы Роксаны <i>Перевод Р. Морана</i>	

ПОЭМЫ

Ойгуль и Бахтиёр. <i>Перевод С. Липкина</i>	227
* Зайнаб и Аман. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	257
* Семург. <i>Перевод С. Липкина</i>	312
Муканна. <i>Перевод В. Державина</i>	344
Пояснительный словарь	438

Алимджан Хамид.
А50 Избранное. Пер. с узб./Вступ. статья Н. Тихонова; Худож. Ю. Космынин.— М.: Худож. лит., 1979.— 445 с.

Поэтическое наследие Хаида Алимджана (1909—1944) занимает в узбекской советской поэзии заметное место. Его поэмы «Зайнаб и Аман», «Семург», «Ойгуль и Бахтиёр», написанные по мотивам народных сказок, стихотворная драма «Муканна», проникновенная, тонкая лирика широко известны.

Настоящее издание наиболее полно представляет творчество поэта для русского читателя.

А $\frac{70403-212}{028(01)-79}$ 103-79

С(Узб)2

**Хамид
Алимджан
ИЗБРАННОЕ**

Редактор
Р. Фаткуллина

Художественный редактор
С. Данилов

Технический редактор
Л. Синицына

Корректоры
Г. Киселева и О. Наренкова

ИБ № 1289

Сдано в набор 29.09.78.

Подписано в печать 13.02.79.

Формат 70×90^{1/32}.

Бумага типограф. № 1.

Гарнитура литературная.

Печать высокая.

16,338 усл. печ. л., 15,025 уч.-изд. л.

Тираж 10000. Заказ 8—217.

Цена 1 р. 50 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, 107882, Ново-Басманная, 19.

Киевская книжная фабрика
«Жовтень» РПО «Поліграфкнига».
Киев-53, ул. Артема, 23а.

